

И.А.
БУЧИН

И.А. БУНИН

собрание
сочинений

в

девяти
томах

под общей редакцией
А.С.Мясникова,
Б.С.Рюрикова,
А.Т.Твардовского

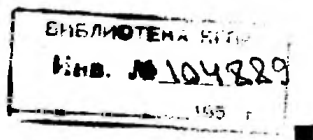
■
издательство
художественная
литература
москва

И.А. БУНИН

собрание
сочинений

ТОМ
ВОСЬМОЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ
1918-1953
переводы

издательство
художественная
литература
1967

Р1
691

Подготовка текста

Н. М. ЛЮБИМОВА

В. С. ГРЕЧАНИНОВОЙ

Примечания

Н. М. ЛЮБИМОВА

В. С. ГРЕЧАНИНОВОЙ

7-3-1

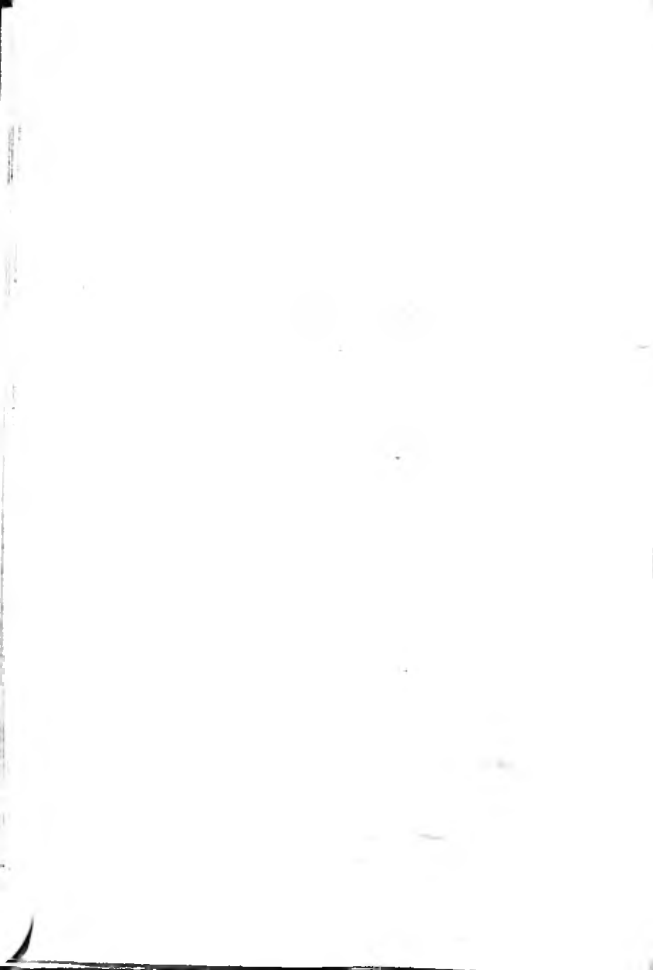
Подп. изд.

Н. А. БУНИН
1933

СТИХОТВОРЕНИЯ

• • •

В дачном кресле, ночью, на балконе...
Океана колыбельный шум...
Будь доверчив, кроток и спокой,
Отдохни от дум.

Ветер приходящий, уходящий,
Веющий безбрежностью морской...
Есть ли тот, кто этой дачи спящей
Сторожит покой?

Есть ли тот, кто должной мерой мерит
Наши знания, судьбы и года?
Если сердце хочет, если верит,
Значит — да.

То, что есть в тебе, ведь существует.
Вот ты дремлешь, и в глаза твои
Так любовно мягкий ветер дует —
Как же нет Любви?

9.VII.18

* * *

И цветы, и шмели, и трава, и колосья,
И лазурь, и полуденный зной...
Срок настанет — господь сына блудного спросит:
«Был ли счастлив ты в жизни земной?»

И забуду я все — вспомню только вот эти
Полевые пути меж колосьев и трав —
И от сладостных слез не успею ответить,
К милосердным коленям припав.

14.VII.18

* * *

Древняя обитель супротив луны,
На лесистом взгорье, над речными водами
Бледно-синеватый мел ее стены,
Мрамор неба, белый, с синими разводами.

А на этом небе, в этих облаках,
Глубину небесную в черноту сгущающих,—
Храмы в златокованых мелких шишаках,
Райскою красою за стеной мерцающих.

20.VII.18

* * *

На даче тихо, ночь темна,
Туманны звезды голубые,
Вдыхая, ширится волна,
Цветы качаются слепые —

И часто с ветром, до скамьи,
Как некий дух в эфирной плоти,
Доходят свежие струи
Волны, вздымающей в дремоте,

13.IX.18

Огонь, качаемый волной
В просторе темпом океана...
Что мне до звездного тумана,
До млечной бездны надо мной!

Огонь, по прихоти волны
Вдали качаемый, печальный...
Что мне до неба, до хрустальной,
Огнями полной вышины!

24.IX.18

М И Х А И Л

Архангел в сияющих латах
И с красным мечом из огня
Стоял на клубях сипеватых
И дивно глядел на меня.

Порой в алтаре он скрывался,
Светился на двери косою —
И снова народу являлся,
Большой, по колена босою.

Ребенок, я думал о боге,
А видел лишь кудри до плеч,
Да крупные бурые ноги,
Да римские латы и меч...

Дух гнева, возмездил, кары!
Я помню тебя, Михаил,
И храм этот, темный и старый,
Где ты мое сердце пленил!

3.IX.19

ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ

У райской запретной стены,
В час полуденный,
Адамии с женой Еввой скорбит:
Высока, бела стена райскал,
Еще выше того черные купарисы за ней,
Густа, ярка синь небеснал;
На той ли стене павлины сидят,
Хвосты цветут лрю-зелепью,
Головки в зубчатых венчиках;
На тех ли купарисах птицы вешие
С очами дивными и грозными,
С голосами ангельскими,
С красою женскою,
На головках свечи восковые теплятся
Золотом-пламенем;
За теми купарисами пахучими —
Белый собор апостольский,
Белый храм в золоченых маковках,
Обитель отчая
Со духи праведных,
Убиенных антихристом:
— Исусе Христе, миленький!
Прости душу непотребную!
Вороти в обитель отчую!

12. IX. 19

РУССКАЯ СКАЗКА

Ворон

Ну, что, бабушка, как спасаешься?
У тебя ль не рай, у тебя ль не мед?

Яга

Ах, залетный гость! Издеваешься!
Уж какой там мед — шкуру пес дерет!

Лес гудит, свистит, нагоняет сон,
Ночь и день стоит над волной туман,
Окружен со всех с четырех сторон
Тьмой да мглой сырой островок Буян.
А еще темней мой прогнивший сруб,
Где ни вздуть огня, ни топить не смей,
А в окно глядит только голый дуб,
Под каким лицо закопал Кошей.
Я состарилась, изболела вся,
Сохраняючи чертов тот ларец!
Будь огонь в светце — я б погрелася,
Будь капустаный клочок — похлебала б щец.
Да огонь-то, вишь, в океане — весть,
Да не то что щец — нету прелых лык!

В о р о н

Черт тебе велел к черту в слуги лезть,
Дура старал, неразумный шлык!

15.VIII.21

КАНАРЕЙКА

На родине она зеленела...

Брэм.

Канарейку из-за моря
Привезли, и вот она
Золотая стала с горя,
Тесной клеткой пленена.

Птицей вольной, изумрудной
Уж не будешь, — как ни пой
Про далекий остров чудный
Над трактирную толпой!

10.V.21

У птицы есть гнездо, у зверя есть нора.
Как горько было сердцу молодому,
Когда я уходил с отцовского двора,
Сказать прости родному дому!

У зверя есть нора, у птицы есть гнездо.
Как бьется сердце, горестно и громко,
Когда вхожу, крестясь, в чужой, наемный дом
С своей уж ветхою котомкой!

25.VI.22

РАДУГА

Свод радуги — творца благоволение,
Он сочетает воздух, влагу, свет —
Все, без чего для мира жизни нет.
Он в черной туче дивное виденье
Являет нам. Лишь избранный творцом,
Исполненный господней благодати, —
Как радуга, что блещет лишь в закате, —
Зажжется пред концом.

15.VII.22

МОРФЕЙ

Прекрасен твой венок из огненного мака,
Мой Гость таинственный, жилец земного мрака.
Как бледен смуглый лик, как долог грустный взор,
Глядящий на меня и кротко и в упор,
Как страшен смертному безгласный час Морфея!

Но сказочно цветет, во мраке пламенел,
Божественный венок, и в радостной стране
Уводит он меня, где все доступно мне,

Где пет преград земных моим надеждам вешним,
Где сплусь я сам себе далеким и нездешним,
Где не дивит ничто — ни даже ласки той,
С кем бог нас разделял могильною чертой.

26.VII.22

СИРИУС

Где ты, звезда моя заветная,
Венец небесной красоты?
Очарованье безответное
Снегов и луной высоты?

Где вы, скитания полночные
В равнинах светлых и нагих,
Надежды, думы непорочные
Далеких, юных лет моих?

Пылай, играй стопветной силою,
Неугасимая звезда,
Над дальнею моей могилою,
Забытой богом навсегда!

22.VIII.22

* * *

Зачем пленяет старая могила
Блаженными мечтами о былом?
Зачем зеленым клонится челом
Та ива, что могилу осенила
Так горестно, так нежно и светло,
Как будто все, что было и прошло,
Уже познало радость воскресенья
И в лоне всепрощения, забвенья
Небесными цветами поросло?

25.VIII.22

• • •

В полночный час я встану и взгляну
На бледную высокую луну,
И на залив под нею, и на горы,
Мерцающие снегом вдалеке...
Внизу вода чуть блещет на песке,
А дальше муть, свинцовые просторы,
Холодный и туманный океан...

Познал я, как ничтожно и не ново
Пустое человеческое слово,
Познал надежд и радостей обман,
Тщету любви и терпкую разлуку
С последними, немногими, кто мил,
Кто близостью своею облегчил
Ненужную для мира боль и муку,
И эти одинокие часы
Безмолвного полуночного бденья,
Презрения к земле и отчуждения
От всей земной бессмысленной красоты.

25.VIII.22

• • •

Мечты любви моей весенней,
Мечты на утре дней моих,
Толпились как стада оленей
У заповедных вод речных:

Малейший звук в зеленой чаше —
И вся их чуткая краса,
Весь сонм, блаженный и дрожащий,
Уж мчался молнией в леса!

26.VIII.22

• • •

Все спится мне заросшая травой,
В глуши далекой и лесистой,
Развалина часовни родовой.
Все слышу я, вступая в этот мшистый
Приют церковно-гробовой,
Все слышу я: «Оставь их мир нечистый
Для тишины сей вековой!
Меч нашей славы, меч священный
Сними с бедра,— он лишний в эти дни,
В твой век, бесстыдный и презренный.
Перед распятым голову склони
В знак обручения со схимой,
С затвором меж гробами — и храни
Обет в душе непарушимо».

27.VIII.22

• • •

Печаль ресниц, сияющих и черных,
Алмазы слез, обильных, непокорных,
И вновь огонь небесных глаз,
Счастливых, радостных, смиренных,—
Все помню я... Но нет уж в мире нас,
Когда-то юных и блаженных!

Откуда же являешься ты мне?
Зачем же воскресаешь ты во сне,
Несрочной прелестью сияя,
И дивно повторяется восторг,
Та встреча, краткая, земная,
Что бог нам дал и тотчас вновь расторг?

27.VIII.22

✓ ВЕНЕЦИЯ

Колоколов средневековый
Певучий зов, печаль времен,
И счастье жизни вечно лопой,
И о былом счастливый сон.

И тья-то кротость, всепрощенье
И утешенье: все пройдет!
И золотые отраженья
Дворцов в лазурном глянце вод.

И дымка млечного опала,
И солнце, смешанное с ним,
И встречный взор, и опахало,
И ожерелье из коралла
Под катафалком водяным.

28.VIII.22

ВХОД В ИЕРУСАЛИМ

«Осанна! Осанна! Грди
Во имя господне!»
И с яростным хрипом в груди,
С огнем присподней
В сверкающих гнойных глазах,
Вздувая все жилы на шее,
Вопя все грознее,
Калека кидается в прах
На колени,
Пробившись сквозь шумный парод,
Ощеривши рот,
Щербатый и в пене,
И руки раскинув с мольбой —
О мщенье, о мщенье,

О пире кровавом для всех обойденных
судьбой —

И ты, всеблагой,
Свете тихий вечерний,
Ты грядешь посреди обманувшейся черни,
Преклоняя свой горестный взор,
Ты вступаешь на кротком ослати
В роковые врата — на позор,
На проклятье!

29.VIII.22

* * *

В гелиотроповом свете молний летучих
На небесах раскрывались дымные тучи,
На косогоре далеком — призрак дубравы,
В мокром лугу перед домом — белые травы.

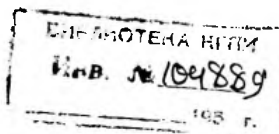
Молнии мраком топило, с грохотом грома
Ливень свергался на крышу полпочного дома —
И металлически страшно, в дикой печали,
Гуси из мрака кричали.

30.VIII.22

ПА Н Т Е Р А

Черна, как копь, где солнце, где алмаз.
Брезгливый взгляд полузакрытых глаз
Томится, пьян, мерцает то угрозой,
То роковой и неотступной грезой.

Томят, пьянят короткие круги,
Размеренно-неслышные шаги, —
Вот в царственном презрении ложится
И вновь в себя, в свой жаркий сон глядится.

Сотуривши, глаза отводит прочь,
Как бы спит их этот сон и ночь,
Где черных копей знойное горнило,
Где жгучих солнц алмазная могила.

9.IX.22

1885 ГОД

Была весна, и жизнь была легка.
Зияла адом свежая могила,
Но жизнь была легка, как облака,
Как тот дымок, что вела из кадила.

Земля, как зацветающая повесть,
Блаженная, лежала предо мною —
И первый стих, и первая любовь
Пришли ко мне с могилой и воспою.

И это ты, простой степной цветок,
Забывший мной, отцветший и безвестный,
На утре дней моих поправа смерть, как бог,
И увела в мир вечный и чудесный!

9.IX.22

ПЕТУХ НА ЦЕРКОВНОМ КРЕСТЕ

Плывет, течет, бежит ладья,
И как высоко над землей!
Назад идет весь небосвод,
А он вперед — и все пост.

Поет о том, что мы живем,
Что мы умрем, что день за днем
Идут года, текут века —
Вот как река, как облака.

Поет о том, что все обман,
Что лишь на миг судьбою дан
И отчий дом, и милый друг,
И круг детей, и внуков круг,

Что вечен только мертвых сон,
Да божий храм, да крест, да оп.

12.IX.22

Амбуаз

❧ ВСТРЕЧА

Ты на плече, рукою обнаженной,
От зноя темной и худой,
Несешь кувшин из глины обожженной,
Наполненный тяжелою водой.
С пагих холмов, где стелются сухие
Седые злаки и полынь,
Глядишь в простор пустынной Кумании,
В морскую вечернюю сень.
Все та же ты, как в сказочные годы!
Все те же губы, тот же взгляд,
Исполненный и рабства и свободы,
Умерший на земле уже стократ.
Все тот же зной и дикий запах лука
В телесном запахе твоём,
И та же мучит сладостная мука,—
Бесплодное томление о нём.
Через века найду в пустой могиле
Твой крест серебряный, и вновь,
Вновь оживет мечта о древней были,
Моя неутоленная любовь,
И будет вновь в морской вечерней сени,
В ее задумчивой дали,
Все тот же зов, печаль времен, пустыни
И красота полуденной земли.

12.X.22

4 . . .

Льет без конца. В лесу туман.
Качают елки головою:
«Ах, боже мой!» — Лес точно пьян,
Пресыщен влагой дождевою.

В сторожке темной у окна
Сидит и ложкой бьет ребенок.
Мать на печи, — все спит она,
В сырых сенях мычит телепок.

В сторожке грусть, мушинный гуд...
— Зачем в лесу звенит овсянка,
Грибы растут, цветы цветут
И травы лрки, как медянка?

— Зачем под мерный шум дождя,
Томясь всем миром и сторожкой,
Большеголовое дитя
Долбит о подоконник ложкой?

Мычит телепок, как немой,
И клопает горестные елки
Свои зеленые иголки:
«Ах, боже мой! Ах, боже мой!»

10.V.23

. . .

Уж как пā море, пā море,
На сипем камени,
Нагая краса сидит,
Белые ноги в волне студит,
Зазывает с пути корабельщиков:
— «Корабельщики, корабельщики!
Что вы по свету ходите,
Понапрасну ищете
Самоцветного лхопта-жемчуга?

Есть одна в море жемчужина —
Моя белая краса,
Уста жаркие,
Грудь холодные,
Ноги легкие,
Лядви тяжелые!
Есть одна утеша не постылая —
На руке моей спать-почивать,
Слушать песни мои унывные!»
Корабельщики плывут, не слушают,
А на сердце тоска-печаль,
На глазах слезы горячие.
Ту тоску не заспать, не забыть
Ни в пути, ни в пристани,
Не отдумать до века.

10.V.23

ДОЧЬ

Все снится: дочь есть у меня,
И вот я, с нежностью, с тоской,
Дождался радостного дня,
Когда ее к вепцу убрали,
И сам, неловкою рукой,
Поправил газ ее вуали.

Глядеть на чистое чело,
На робкий блеск невинных глаз
Мне почему-то тяжело,
Но все ж бледнею я от счастья,
Крестя ее в последний час
На это женское причастье.

Что снится мне потом? Потом
Она уж с ним, — как страшен он! —
Потом мой опустевший дом —
И чувством молодости странной,
Как будто после похорон,
Кончается мой сон туманный.

7.VI.23

* * *

«Опять холодные седые небеса,
Пустынные поля, пабитые дороги,
На рыжие ковры похожие леса,
И тройка у крыльца, в слуги на пороге...»

— Ах, старая ваияная тетрадь!
Как смел я в те года гневить печалью бога?
Уж больше не писать мне этого «опять»
Перед счастливою осеннею дорогой!

7.VI.23

* * *

Одно лишь небо, светлое, почное,
Да ясный круг луны
Глядит всю почь в отверстие пустое,
В руину сей стены.

А по почам тут жутко и тревожно,
Ночные корабли
Свой держат путь с молитвой осторожной
Далеко от земли.

Свежо тут дует ветер из простора
Сарматских диких мест,
И буйный шум, подобный шуму бора,
Всю ночь стоит окрест:

То Понт кипит, в песках могилы роет,
Ярится при луне —
И волосы утопленников моет,
Влача их по волне.

10.VI.23

ДРЕВНИЙ ОБРАЗ

Она стоит в серебряном вепце,
С закрытыми глазами. Ни кровинки
Нет в голубом младенческом лице
И ручки — как иссохшие тростянки.

За нею кипарисы на холмах,
Небесный град, лепящийся к утесу,
Под ним же Смерть: на корточках, впотьмах,
Оскалив череп, точит косу.

Но ангелы ликують в вышине!
Бессильны, Смерть, твои угрозы!
И облака в предугрошенном огне
Цветут и округляются, как розы.

<1924>

• • •

Уныние и сумрачность зимы,
Пустыня неприветливых предгорий,
В багряной смушке дальние холмы,
А там, за ними, — чувствуется — море.

Там хлябь и мгла. Угадываю их
По свежести, оттуда доходящей,
По туче, в космах мертвенно седых,
Вдоль тех хребтов плывущей и дымящей.

Гляжу вокруг, остановив коня,
И древний человек во мне тоскует:
Как жаждет сердце крова и огня,
Когда в горах вечерний ветер дует!

Но отчего так тянет то, что там?
— О море! Мглой и хлябью довременной
Ты все-таки родней и ближе нам,
Чем радости всей этой жизни бренной!

<1925>

НОЧНАЯ ПРОГУЛКА

Смотрит луна на поляны лесные
И на руины собора сквозные.
В мертвом аббатстве два желтых скелета
Бродят в недвижности лунного света:
Дама и рыцарь, склонившийся к даме
(Череп безносый и череп безглазый):
«Это сближает нас — то, что мы с вами
Оба скончались от Черной Заразы.
Я из десятого века, — решаюсь
Полюбопытствовать: вы из какого?»
И отвечает она, оскалаясь:
«Ах, как вы молоды! Я из шестого».

1947

NEL MEZZO DEL CAMIN DI NOSTRA VITA¹

Дни близ Неаполя в апреле,
Когда так холоден и сыр,
Так сладок сердцу божий мир...
Сады в долинах розовели,
В них голубой стоял туман,
Селенья черные молчали,
Ракиты серые торчали,
Вдыхал в полусне дурман
Земли разрытой и навоза...
Таилась хмурая угроза
В дымящемся густом руне,
Каким в горах спускались тучи
На их синеющие кручи...
Дни, вечно памятные мне!

1947

¹ Земную жизнь пройдя до половины (итал.).

НОЧЬ

Ледяная ночь, мистраль
(Он еще не стих).
Вижу в окна блеск и даль
Гор, холмов нагих.
Золотой недвижный свет
До постели лег.
Никого в подлунной нет,
Только я да бог.
Знает только он мою
Мертвую печаль,
Ту, что я от всех таю...
Холод, блеск, мистраль.

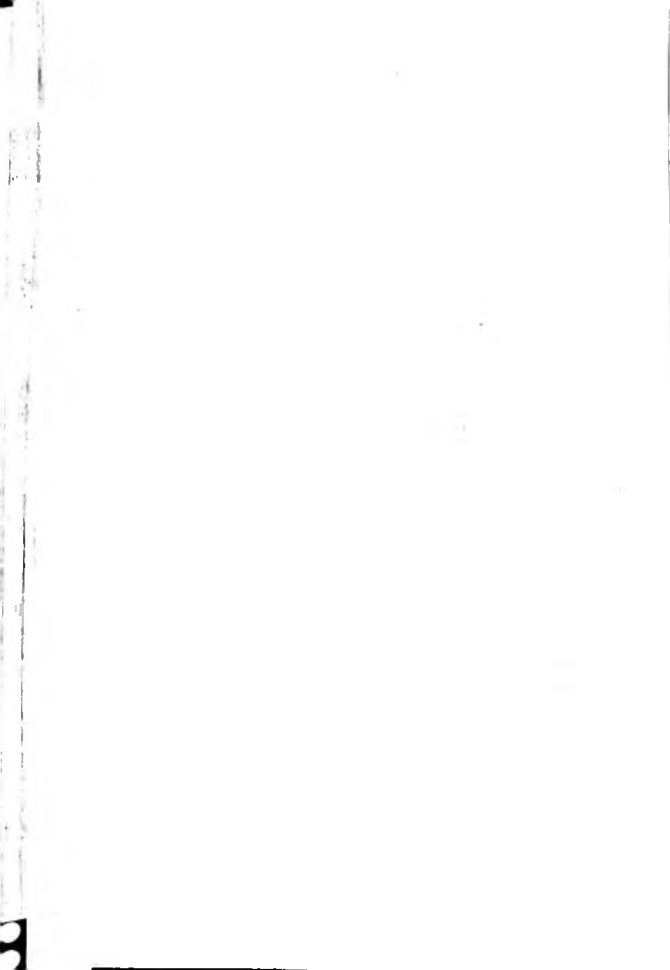
1952

ИСКУШЕНИЕ

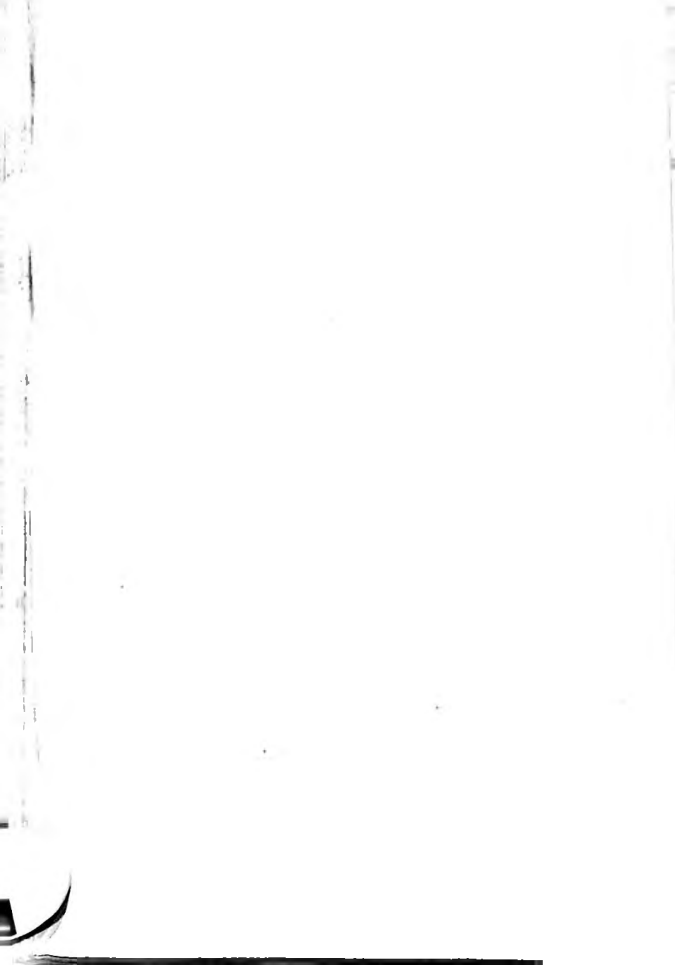
В час полуденный, зыбко свиваясь по Древу,
Водит, тянется малой головкой своей,
Ищет трепетным жалом пагую смущенную Еву
Искушающий Змей.
И стройна, высока, с преклоненными взорами, Ева,
И к бедру ее круглому гривою ластится Лев,
И в короне Павлин громко кличет с запретного
Древа
О блаженном стыде искушаемых дев.

1952

Р. С. По древним преданиям, в искушении Евы участвовали Лев и Павлин.

**СТИХОТВОРЕНИЯ,
НЕ ВКЛЮЧАВШИЕСЯ
И. А. БУНИНЫМ
В СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ**

• • •

Ты странствуешь, ты любишь, ты счастлива...
Где ты теперь? — Дивуешься волнам
Зеленого Бискайского залива
Меж белых платьев и панам.

Кровь древняя течет в тебе недаром.
Ты весела, свободна и проста...
Блеск темных глаз, румянец под загаром,
Худые милые уста...

Скажи поклоны князю и княгине.
Целую руку детскую твою
За ту любовь, которую отныне
Ни от кого я не таю.

<1919>

• • •
4

Высокий белый зал, где черная рояль
Дневной холодный свет, блистая, отражает,
Княжна то жалобой, то громом оглашает,
Ломая туфелькой педаль.

Сестра стоит в диванной полукруглой,
Глядит с улыбкою пасмешливо-живой,
Как пишет лиценст с кудрявой головой
И с краской на лице, горячею и смуглой.

Глаза княжны не сходят с бурных нот,
Но, что гремит рояль, — она давно не слышит, —
Весь мир в одном: «Он ей в альбомы пишет!» —
И жалко искривлен дрожащий, сжатый рот.

<1919>

СТЕПЬ

Сомкнулась степь синеющим кольцом,
И нет конца ее цветущей нови.
Вот впереди старуха на корове,
Скуластая и желтая лицом.

Равняемся. Халат на вате, шапка
С собачьим острым верхом, сапоги...
— Как неуклюж кривой постав ног,
Как ты стара и узкоглаза, бабка!

— Хозяин, я не бабка, я старик,
Я с виду дряхл от скуки и печали,
Я узкоглаз затем, что я привык
Смотреть в обманчивые дали.

<1919>

ИКОНКА

Иконку, черную дощечку,
Нашли в земле — пахали новь...
Кто перед нею ставил свечку?
В чьем сердце теплилась любовь?

Кто осветил ее своею
Молитвой нищего раба,
И посох взял и вышел с нею
На степь, в шумящие хлеба,

И, поклонясь ветрам знойным,
Стрибожьим внукам, водрузил
Над полем пыльным, беспокойным
Убогий символ божьих сил?

<1919>

• • •

— Дай мне, бабка, зелий приворотных,
Сердцу песен прежних, беззаботных,
Отдыха глазам.

— Милый внучек, рада б, да не в силах:
Зелья те цветут не по лесам,
А в сырых могилах.

<1920>

ЗВЕЗДА МОРЕЙ, МАРИЯ

На диких берегах Бретани
Бушуют зимние ветры.
Пустуют в ветре и тумане
Рыбачьи черные дворы.

Печально поднят лик мадонны
В часовне старой. Дождь идет.
С ее заржавленной короны
На ризу белую течет.

Единая, земному горю
Причастная! Ты, что дала
Свое святое имя морю!
Ночь тяжела для нас была.

Огнями звездными пад пами
Пылал морозный ураган.
Крутыми черными волнами
Ходил гудящий океан.

Рукой, от стужи онемелой,
Я правил парус корабля.
Но ты сама, в одежде белой,
Сошла и стала у руля.

И креп я духом, маловерный,
И в блеске звездной синевы
Туманный нимб, как отблеск серый,
Сиял округ твоей главы.

<1920>

ГАЗЕЛЛА

Холодный ветер дует с Мензала,
Огнистым морем блещет Мензала,
От двери бедной хижины моей
Смотрю в мираж зеркальный Мензала,
На пальмы за чертой его зыбей,
Туда, где с небом слито Мензала.

Ах, сколько стран неведомых за пей,
За пламенною гладью Мензала!

Сижу один, тоскуя, у дверей,
В зеркально-красном свете Мензала.

<1925>

КИНЕМАТОГРАФ

В окно пустое ветер дул,
В нем лунное белело небо.
Тюремщик кипул корку хлеба,

Захлопнул дверь, замок замкнул
И удалился. Шум и гул
Стоял в его холодной келье.
К окну, к решетке он прильнул:
Под ней, в безжизненном веселье,
Ходил, явился пенный вал,
Его справляя новоселье.
А там, вдали, морская ширь
В просторе светлой ночи млела,
И огоньком краснел несмело
На диких скалах монастырь.

<1925>

* * *

Маргарита прокралась в светелку,
Маргарита огни не зажгла,
Заплетая при месяце косы,
В сердце страшную мысль берегла.
Собиралась рыдать и молиться,
Да на миг на постель прилегла
И заснула.— На спящую Дьявол
До рассвета глядел из угла.

На рассвете он встал: «Маргарита,
Дорогое дитя, покраснел,
Скрылся месяц за синие горы,
И петух на деревне пропел,—
Поднимись и молись, Маргарита,
Ниц пади и оплачь свой удел:
Я педаром с такою тоскою
На тебя до рассвета глядел!»

Что ж ты, Гретхен, так неторопливо
Под орган вступила в двери храма?
Что ж, под гром органа, так невинно
Ты глядишь на огоньки престола,
А склонишь кроткие ресницы

Так спокойно? Вот уж скоро полдень,
Солнца луч все жарче блещет в купол:
Скоро все замрет благоговею,
Колокольчик зазвенит навстречу
Женнху небесному, — о Гретхен,
Что ж ты не бледнеешь, не рыдаешь,
А тиха и радостна, как ангел,
Невестной Лилии подобна?
Бог прощает многое — ужели
Любящим, как ты, он все прощает?

<1926>

• • •

Только камни, пески, да нагие холмы,
Да сквозь тучи летящая в небе луна, —
Для кого эта ночь? Только ветер, да мы,
Да крутая и злая морская волна.

Но и ветер — зачем он так мечет се?
И она — отчего столько ярости в ней?
Ты крепче прижмись ко мне, сердце мое!
Ты мне собственной жизни милей и родней.

Я и нашей любви никогда не пойму:
Для чего и куда увела она прочь
Нас с тобой ото всех в эту буйную ночь?
Но господь так велел — и я верю ему.

<1926>

РАЗЛУКА

Бледна приморская страна,
Луною озаренная.
Низка луна, ярка волна,
По гребням позлащенная.

Волна дробится вдалеке
Чеканною кольчугою.
Моряк печальный на песке
Сидит с своей подругою.

Часы, последние для них! —
Все ярче дюны светится.
Они невеста и жених,
А вновь когда-то встретятся?

Полночная луна глядит
И думает со скукою:
«В который раз он тут сидит,
Целуясь пред разлукою?»

И впрямь: идут, бегут века,
Сменяют поколения —
Моряк сидит! В глазах тоска,
Блаженное мучение...

<1927>

С В Е Т

Ни пустоты, ни тьмы нам не дано:
Есть всюду свет, предвечный и безликий...

Вот полночь. Мрак. Молчанье базилики,
Ты приглядишься: там не совсем темно,
В бездонном, черном своде над тобою,
Там на стене есть узкое окно,
Далекое, чуть видное, слепое,
Мерцающее тайною во храм
Из ночи в ночь одиннадцать столетий...
А вокруг тебя? Ты чувствуешь ли эти
Кресты по скользким каменным полам,
Гробы святых, почивших под спудом,
И страшное молчание тех мест,
Исполненных неизреченным чудом,
Где черный запрестольный крест

Воздвиг свои тяжелыя облятья,
Где таинство сыновнего распятья
Сам бог-отец незримо сторожит?

Есть некий свет, что тьма не сокрушит,

<1927>

* * *

Где ты, угасшее светило?
Ты закатилось за поля,
Тебя сокрыла, поглотила
Немая, черная земл.
Но чем ты глубже утопаешь
В ее ночную глубину,
Тем все светлее наливаешь
Сияньем бледную Луну.
Прости. Принимаю указанье
Покорным быть земной судьбе,—
И это горное сиянье —
Воспоминанье о тебе.

* * *

Сохнут, жарко сохнут травы,
Над полдневными горами,
Над сиреневым их кряжем
Встало облако колонной —
И, курясь, вясь, уходит
К ослепляющему небу.
В тень прозрачную маслин
Блик горячий и зеркальный
Льется с моря и играет
По сухим, колючим травам.

Что впереди? Счастливый долгий путь.
Куда-то вдаль спокойно устремляет
Она глаза, а молодая грудь
Легко и мерно дышит и чуть-чуть
Воротничок от шеи отделяет —
И чувствую я слабый аромат
Ее волос, дыхания — и чую
Былых восторгов сладостный возврат...
Что там, вдали? Но я гляжу, тоскую,
Уж не вперед, нет, я гляжу назад.

В КАРАВАНЕ

Под луной на дальнем юге,
Как вода, пески блестят.
Позабудь своей подруги
Полудетский грустный взгляд.

Под луной текут, струятся
Золотой водой пески.
Хорошо в седле качаться
Сердцу, полному тоски.

Под луной, блестя, чернеет
Каждый камень, каждый куст.
Знойный ветер с юга веет,
Как дыханье милых уст.

БРЕТАНЬ

Ночь ледяная и немая,
Пески и скалы берегов.
Тяжелый парус поднимая,
Рыбак идет на дальний лов.

Зачем ему дан ловчий жребий?
Зачем в глухую ночь зимой
Простер и ты свой певод в пеще,
Рыбак пещадный и немой?
Свет серебряный, тихий, вечный,
Кресты погибших. И в туман
Уходит плащаницей млечной
Под звездной сетью океан.

* * *

И вновь морская гладь бледна
Под звездным благостным сияньем,
И полночь теплая полна
Очарованием, молчаньем —
Как, господи, благодарить
Тебя за все, что в мире этом
Ты дал мне видеть и любить
В морскую ночь, под звездным светом.

* * *

Высокие нездешние цветы
В густой траве росли на тех могилах,
И небеса в бесчисленных светилах
На них смотрели с высоты.

И дивная Венера, как луна,
Нам бледно озарила руки, лица —
И моря гробовая плащаница
Была черна, недвижна и черна,

* * *

В полуденных морях, далеко от земли,
Водил господь мое ветрило —
И на лицо мое могильной тьмой легли
Лучи палящего светила.
Три четверти луны — как паутина,
А четверть — рог, блестящий, золотой
Небесный желудь!
Тот колокол, что пел в родной долине,
Когда лупа всходила из-за гор.
Душа, по старине, еще надежд полпа,
Но только прошлое ей мило —
И мнится: лишь для тех ей жизнь была дапа,
Кого она похоронила.
Полный колос долу клонится,
Полный колос недвижим.

* * *

Уж ветер шарит по полю пустому,
Уж завернули холода,
И как отрадно на сердце, когда
Идешь к своей усадьбе, к дому,
В студеной солнечный закат.
А струны телеграфные [гудят]
В лазури водянистой, и рядами
На них молоденькие ласточки сидят.
Меж тем как тучи дикими хребтами
Зимою с севера грозят!
Как хорошо помедлить на пороге
Под этим солнцем, уж скупым,—
И улыбнуться радостям былым
Без сожаленья и тревоги!

Порыжели холмы. Зноем выжжены,
И так близко обрывы хребтов,
Поднебесных скалистых хребтов.
На стене нашей глиняной хижини
Уж не пахнет венок из цветов,
Из заветных засохших цветов.
Море все еще в блеске терлется,
Тонет в солнечной светлой пыли:
Что ж так горестно парус склоняется,
Белый парус в далекой дали?
Ты меня позабудешь вдали.

ДВА ВЕНКА

Был праздник в честь мою, и был увенчан я
Венком лавровым, изумрудным:
Он мне студил чело, холодный, как змея,
В чертоге пирином, знойном, людном.

Жду нового венка — и помню, что сплетен
Из мирта темного он будет:
В чертоге гробовом, где вечный мрак и сон,
Он навсегда чело мое остудит.

ПЕРЕВОДЫ

ПЕСНЬ О ГАЙАВАТЕ

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

«Песнь о Гайавате», впервые обнародованная в 1855 году, считается самым замечательным трудом Лонгфелло. Впечатление, произведенное ею, было необыкновенно: в полгода она выдержала тридцать изданий, породила множество подражаний и была переведена чуть не на все европейские языки.

Всех поразила оригинальность ее сюжета и новизна блестящей, строго выдержанной формы.

«Мой знаменитый друг,— говорит известный немецкий поэт Ф. Фрейлиграт в предисловии к своему переводу «Песни о Гайавате»,— открыл американцам Америку в поэзии. Он первый создал чисто американскую поэму, и она должна занять выдающееся место в Пантеоне всемирной литературы».

Но главное, что навсегда упрочило за «Песней о Гайавате» славу, это — редкая красота художественных образов и картин, в связи с высоким поэтическим и гуманным настроением. В «Песни о Гайавате» сошлись все лучшие качества души и таланта ее творца. Лонгфелло всю жизнь посвятил служению возвышенному и прекрасному. «Добро и красота незримо разлиты в мире»,— говорил он и всю жизнь всюду искал их. Ему всегда были

особенно дороги чистые сердцем люди, его увлекала девственная природа, манили к себе древние народные предания с их величавой простотой и благородством, потому что сам он до глубокой старости сохранил в себе возвышенную, чуткую и нежную душу. Он говорил о поэтах:

«Только те были увенчаны, только тех имена священные, которые сделали народы благородней и свободнее».

Эти слова можно применить к нему самому. Он призывал людей к миру, любви и братству, к труду на пользу ближнего. В его поэмах и стихотворениях всегда «незримо разлиты добро и красота»; они всегда отличаются, не говоря уже о простоте и изяществе формы, тонким пониманием и замечательным художественным воспроизведением природы и человеческой жизни.

«Песнь о Гайавате» служит лучшим доказательством всего сказанного. Она трогает нас то величием древней легенды, то тихими радостями детства, то чистотой и нежностью первой любви, то безмятежностью трудовой жизни на лоне природы, то скорбью роковых и вечных бед человеческого существования. Она воскрешает перед нами красоту девственных лесов и прерий, воссоздает цельные характеры первобытных людей, их быт и мирозерцание.

«Песнь о Гайавате», — говорит Монтфелло, — это — индейская Эдда, если я могу так назвать ее. Я написал ее на основании легенд, господствующих среди североамериканских индейцев. В них говорится о человеке чудесного происхождения, который был послан к ним расчистить их реки, леса и рыболовные места и научить народы мирным искусствам. У разных племен он был известен под разными именами: Michabon, Chiabo, Manabozo, Tagelawagon, Hiawatha, что значит — пророк, учитель. В это старое предание я вплел и другие интересные индейские легенды... Действие поэмы происходит в стране оджибуэев, на южном берегу Верхнего Озера, между Живописными Скалами и Великими Песками».

В России «Песнь о Гайавате» еще мало известна. Д. Л. Михаловский сухо и с пропусками перевел только несколько глав ее, значительно изменив форму и тон

подлинника. Полный перевод ее появляется *впервые*. Я всюду старался держаться возможно ближе к подлиннику, сохранить простоту и музыкальность речи, сравнения и эпитеты, характерные повторения слов и даже, по возможности, число и расположение стихов. Это было не легко: краткость английских слов вошла в пословицу; иногда приходилось сознательно жертвовать легкостью стиха, чтобы из одной строки Лонгфелло не делать нескольких.

Что касается индейских слов, то я проверил их значение по немецкому переводу Фрейлиграта, который просмотрел самим Лонгфелло. Список этих слов помещен в конце книги. В большинстве случаев индейские слова полсены прямо в тексте, как это сделано в подлиннике, — например: «Вьет гнездо Омни, голубь...»

ВСТУПЛЕНИЕ

Если спросите — откуда
Эти сказки и легенды
С их лесным благоуханьем,
Влажной свежестью долины,
Голубым дымком вигвамов,
Шумом рек и водопадов,
Шумом, диким и стозвучным,
Как в горах раскаты грома? —
Я скажу вам, я отвечу:

«От лесов, равнин пустынных,
От озер Страны Полночной,
Из страны Оджибуэв,
Из страны Дакотов диких,
С гор и тундр, с болотных топек,
Где среди осоки бродит
Цапля сизая, Шух-шух-га.
Повторяю эти сказки,
Эти старые преданья
По напевам сладкозвучным
Музыканта Навадаги».

Если спросите, где слышал,
Где нашел их Навадага,—
Я скажу вам, я отвечу:
«В гнездах певчих птиц, по рощам,

На прудах, в норах бобровых,
На лугах, в следах бизонов,
На скалах, в орлиных гнездах.

Эти песни раздавались
На болотах и на топях,
В тундрах севера печальных,
Читовейк, зуюк, там пел их,
Манг, нырок, гусь дикий, Вава,
Цапля сизал, Шух-шух-га,
И глухарка, Мушкодаза».

Если б дальше вы спросили:
«Кто же этот Навадага?
Расскажи про Навадагу!» —
Я тотчас бы вам ответил
На вопрос такую речью:

«Средь долины Тавазэнта,
В тишине лугов зеленых,
У излучистых потоков,
Жил когда-то Навадага.
Вкруг индейского селенья
Расстилались нивы, долы,
А вдали стояли сосны,
Бор стоял, зеленый — летом,
Белый — в зимние морозы,
Полный вздохов, полный песен.

Те веселые потоки
Были видны на долине
По разливам их — весною,
По ольхам серебристым — летом,
По туману — в день осенний,
По руслу — зимой холодной.
Возле них жил Навадага,
Средь долины Тавазэнта,
В тишине лугов зеленых.

Там он пел о Гайавате,
Пел мне Песнь о Гайавате,—
О его рождение дивном,

О его великой жизни:
Как постился и молился,
Как трудился Гайавата,
Чтоб народ его был счастлив,
Чтоб он шел к добру и правде».

Вы, кто любите природу —
Сумрак леса, шепот листьев,
В блеске солнечном долины,
Бурный ливень и метели,
И стремительные реки
В неприступных дебрях бора,
И в горах раскаты грома,
Что как хлопанье орлиных
Тяжких крыльев раздаются,—
Вам принес я эти саги,
Эту Песнь о Гайавате!

Вы, кто любите легенды
И народные баллады,
Этот голос дней мигнувших,
Голос прошлого, манящий
К молчаливому раздумью,
Говорящий так по-детски,
Что едва уловит ухо,
Песня это или сказка,—
Вам из диких стран принес я
Эту Песнь о Гайавате!

Вы, в чьем юном, чистом сердце
Сохранилась вера в бога,
В искру божью в человеке;
Вы, кто помните, что вечно
Человеческое сердце
Знало горести, сомненья
И порывы к светлой правде,
Что в глубоком мраке жизни
Нас ведет и укрепляет
Провиденье незримо,—
Вам бесхитростно пою я
Эту Песнь о Гайавате!

Вы, которые, блуждая
По околицам зеленым,
Где, склонившись на ограду,
Поседевшую от моха,
Барбарис висит, краснея,
Забываетесь порою
На заброшенном погосте
И читаете в раздумье
На могильном камне надпись,
Неумелую, простую,
Но исполненную скорби,
И любви, и чистой веры,—
Прочитайте эти руны,
Эту Песнь о Гайавате!

I

ТРУБКА МИРА

На горах Большой Равнины,
На вершине Красных Камней,
Там стоял Владыка Жизни,
Гитчи Манито могучий,
И с вершины Красных Камней
Созывал к себе народы,
Созывал людей отсюду.

От следов его струилась,
Трепетала в блеске утра
Речка, в пропасти срывалась,
Ишкудой, огнем, сверкала.
И перстом Владыка Жизни
Начертал ей по долине
Путь излучистый, сказавши:
«Вот твой путь отныне будет!»

От утеса взявши камень,
Он слепил из камня трубку
И на ней фигуры сделал.
Над рекою, у побережья,
На чубук тростинку вырвал,

Всю в зеленых, длинных листьях;
Трубку он набил корою,
Красной пивовой корою,
Идохнул на лес соседний.
От дыхания ветви шумно
Закачались и, столкнувшись,
Ярким пламенем зажглись;
И, на горных высях стол,
Закурив Владыка Жизни
Трубку Мира, созывал
Все народы к совещанью.

Дым струился тихо, тихо
В блеске солнечного утра:
Прежде — темною полоской,
После — гуще, сплыв паром,
Забелел в лугах клубами,
Как зимой вершины леса,
Плыл все выше, выше, выше, —
Наконец коснулся неба
И волнами в сводах неба
Раскатился над землею.

Из долины Тавазэпта,
Из долины Вайоминга,
Из лесистой Тоскалузы,
От Скалистых Гор далеких,
От озер Страны Полночной
Все народы увидали
Отдаленный дым Поквапы,
Дым призывный Трубки Мира.

И пророки всех народов
Говорили: «То Поквана!
Этим дымом отдаленным,
Что сгибается, как ива,
Как рука, кивает, манит,
Гитчи Манито могучий
Племена людей созывает,
На совет зовет народы».

Вдоль потоков, по равнинам,
Шли вожди от всех народов,
Шли Чоктосы и Команчи,
Шли Шошоны и Омоги,
Шли Гуроны и Мэндэны,
Делавэры и Могоки,
Черноногие и Поны,
Оджибвеи и Дакоты —
Шли к горам Большой Равнины,
Пред лицо Владыки Жизни.

И в доспехах, в ярких красках,—
Словно осенью деревья,
Словно небо на рассвете,—
Собрались они в долине,
Дико глядя друг на друга;
В их очах — смертельный вызов,
В их сердцах — вражда глухая,
Вековая жажда мщения —
Роковой завет от предков.

Гитчи Манито, всемогущий,
Сотворивший все народы,
Поглядел на них с участием,
С отчей жалостью, с любовью,—
Поглядел на гнев их лютой,
Как на злобу малолетних,
Как на ссору в детских играх.

Он простер к ним сень десницы,
Чтоб смягчить их нрав упорный,
Чтоб смирить их пыл безумный
Мановением десницы.
И величественный голос,
Голос, шуму вод подобный,
Шуму дальних водопадов,
Прозвучал ко всем народам,
Говоря: «О дети, дети!
Слову мудрости впечатайте,
Слову кроткого совета
От того, кто всех вас создал!

Дал я земли для охоты,
Дал для рыбной ловли воды,
Дал медведя и бизона,
Дал оленя и косулю,
Дал бобра вам и казарку;
Я наполнил реки рыбой,
А болота — дикой птицей:
Что ж ходить вас заставляет
На охоту друг за другом?

Я устал от ваших распрей,
Я устал от ваших споров,
От борьбы кровопролитной,
От молитв о кровной мести.
Ваша сила — лишь в согласье,
А бессилie — в разладе.
Примиритесь, о дети!
Будьте братьями друг другу!

И придет Пророк на землю
И укажет путь к спасенью;
Он наставником вам будет,
Будет жить, трудиться с вами.
Всем его советам мудрым
Вы должны внимать покорно —
И умножатся все роды,
И настанут годы счастья.
Если ж будете вы глухи, —
Вы погибнете в раздорах!

Погрузитесь в эту реку,
Смойте краски боевые,
Смойте с пальцев пятна крови;
Закопайте в землю луки,
Трубки сделайте из камня,
Тростников для них нарвите,
Ярко перьями украсьте,
Закурите Трубку Мира
И живите впредь, как братья!»

Так сказал Владыка Жизни.
И все воины на землю

Тотчас кинули доспехи,
Сняли все свои одежды,
Смело бросились в реку,
Смыли краски боевые.
Светлой, чистою волною
Выше их вода лилася —
От следов Владыки Жизни.
Мутно-красною волною
Ниже их вода лилася,
Словно смешанная с кровью.

Смывши краски боевые,
Вышли воины на берег,
В землю палицы зарыли,
Погребли в земле доспехи.
Гитчи Манито могучий,
Дух Великий и Создатель,
Встретил воинов улыбкой.

И в молчанье все народы
Трубки сделали из камня,
Тростников для них парпали,
Чубуки убрали в перья
И пустились в путь обратный —
В ту минуту, как завеса
Облаков заколебалась
И в дверях отверстых неба
Гитчи Манито сокрылся,
Окружен клубами дыма
От Покваны, Трубки Мира.

II

ЧЕТЫРЕ ВЕТРА

«Слава, слава, Мэджекивис!» —
Старцы, воины кричали
В день, когда он возвратился
И принес Священный Вампум
Из далеких стран Вабассо, —
Царства кролика седого,
Царства Северного Ветра.

У Великого Медведя
Он украл Священный Вампум,
С толстой шеи Мише-Моквы,
Пред которым трепетали
Все народы, слял он Вампум
В час, когда на горных высях
Спал медведь, тяжелый, грузный,
Как утес, обросший мохом,
Серым мохом в бурых пятнах.

Тихо он к нему подкрался,
Так подкрался осторожно,
Что его почти касались
Когти красные медведя,
А горячее дыханье
Обдавало жаром руки.
Осторожно слял он Вампум
По ушам, по длинной морде
Исполнина Мише-Моквы;
Ничего не услышали
Уши круглые медведя,
Ничего не разглядели
Глазки сонные — и только
Из коздрей его дыханье
Обдавало жаром руки.

Копчив, палицей взмахнул он,
Крикнул громко и протяжно
И ударил Мише-Мокву
В середину лба с размаху,
Между глаз ударил прямо!

Словно громом оглушенный,
Приподнялся Мише-Моква,
Но едва вперед подался,
Затряслись его колени,
И со стоном, как старуха,
Сел па землю Мише-Моква.
А могучий Мэджекивис
Перед ним стоял без страха,
Над прагом смеялся громко,
Говорил с пренебреженьем:

«О медведь! Ты — Шогодай!
Всюду хвастался ты силой,
А как баба, как старуха,
Застонал, завыл от боли.
Трус! Давно уже друг с другом
Племена враждуют наши,
Но теперь ты убедился,
Кто бесстрашней и сильнее.
Уходите прочь с дороги,
Прячьтесь в горы, в лес скрывайтесь!
Если б ты меня осилил,
Я б не крикнул, умирал,
Ты же хнычешь предо мною
И свое позоришь племя,
Как трусливая старуха,
Как презренный Шогодай».

Кончив, налицей взмахнул оп,
Вновь ударил Мише-Мокву
В середину лба с размаху,
И, как лед под рыболовом,
Треснул череп под ударом.
Так убит был Мише-Моква,
Так погиб Медведь Великий,
Страх и ужас всех народов.

«Слава, слава, Мэджекивис! —
Восклицал народ в восторге. —
Слава, слава, Мэджекивис!
Пусть отныне и вовеки
Ветром Запада он будет,
Властелином над ветрами!»
И могучий Мэджекивис
Стал владыкой над ветрами.
Ветер Западный оставил
Он себе, другие отдал
Детям: Вебону — Восточный,
Шавондази — теплый Южный,
А Полночный Ветер дикий
Злому дал Кабибнокке,

Молод и прекрасен Вебон!
Это он приносит утро
И серебряные стрелы
Сыплет, сумрак прогоняя,
По холмам и по долинам;
Это Вебона лапаты
На заре горят багрянцем,
А призывный голос будит
И охотника и зверя.

Одинок на небе Вебон!
Для него все птицы пели,
Для него цветы в долинах
Разливали сладкий запах,
Для него шумели реки,
Рощи темные вздыхали,
Но всегда был грустен Вебон:
Одинок он был на небе.

Утром раз, на землю глядя,
В час, когда спала деревня
И туман, как привиденье,
Над рекой блуждал, белея,
Он увидел, что в долине
Ходит дева, — собирает
Камыши и длинный шпажник
Над рекою по долине.

С той поры, на землю глядя,
Только очи голубые
Видел Вебон на рассвете:
Как два озера лазурных,
На него они смотрели,
И задумчивую деву,
Что к нему стремилась сердцем,
Полюбил прекрасный Вебон:
Оба были одиноки,
На земле — она, он — в небе.

Он возлюбленную нежил
И ласкал улыбкой солида,

Нежил вкрадчивою речью,
Тихим вздохом, тихой песней,
Тихим шепотом деревьев,
Ароматом белых лилий.
К сердцу милую привлек он,
Ярким пурпуром окутал —
И опа затрепетала
На груди его звездой.
Так доныне неразлучно
В небесах они проходят:
Вебон, рядом Вебон-Анпонт —
Вебон и Звезда Рассвета.

В ледяных горах, в пустыне,
В царстве кролика, Вабассо,
В царстве вечной снежной вьюги,
Обитал Кабибонокка.
Это он осенней ночью
Разрисовывает листья
Краской желтой и багряной,
Это он приносит вьюги,
По лесам шипит и свищет,
Покрывает льдом озера,
Гонит чаек острокрылых,
Гонит цаплю и баклана
В камыши, в морские бухты,
В гнезда их на теплом юге.

Вышел раз Кабибонокка
Из своих чертогов снежных
Меж горами ледяными,
Устремился с воем к югу
По замерзшим, белым тундрам,
И, осыпанные снегом,
Волоса его — рекою,
Черной, зимнею рекою
По земле за ним струились.

В тростниках, среди осоки,
На замерзших, белых тундрах
Жил там Шингегис, морянка.

Одиноко в белых тундрах
Проводил он зиму эту:
Братья Шингебиса были
В теплых странах Шавондази.

И вскричал Кабибопokka
В лютom гневe: «Кто дерзает
Презирать Кабибонокку?
Кто осмелился остаться
В царстве Северного Ветра,
Если Вава и Шух-шух-га,
Если дикий гусь и цапля
Уж давно на юг умчались?
Я пойду к его вигваму,
Я очаг его разрушу!»

И пришел во мраке ночи
Ко врагу Кабибопokka.
Он намел сугробы снега,
Завывал в трубе вигвама,
Потрясал его свирепо,
Рвал дверные занавески.
Шингебис не испугался,
Шингебис его не слушал!
В очаге его играло
Пламя яркое, и рыбу
Ел он с песнями и смехом.

Ворвался тогда в жилище
Дикий, злой Кабибопokka;
Шингебис от стужи вздрогнул
В ледном его дыханье,
Но по-прежнему смеялся,
Но по-прежнему пел громко:
Он костер поправил только,
Чтоб костер горел светлее,
Чтоб кидало пламя искры.

И с чела Кабибопokka,
С кос его в снегу холодном
Стали падать капли пота,

Как весною каплет с крыши
Иль с ветвей болиголова.
Побежденный этим жаром,
Раздраженный этим пеньем,
Он вскочил и из вигвама
В поле бросился, шагая
По рекам и по озерам:
На борьбу над белой тундрой
Вызвал врага коварно.

Но без страха, без боязни
Вышел Шингебис на битву;
До рассвета он боролся
С Ветром Северным над тундрой,
До утра котлами бился
Шингебис с Кабибоноккой.
И без сил Кабибонокка
Отступил в свои владенья,
Со стыдом бежал по тундрам
В царство кролика, Вабассо,
А за ним все раздавались
Хохот, песни и насмешки.

Шавопдази, тучный, сонный,
Обитал на дальнем юге,
Где в дремотном блеске солнца
Круглый год царило лето.
Это он шлет птиц весною,
Шлет к нам ласточку, шлет Шошо,
Шлет Овейсу, трясогузку,
Опечи шлет, реполова,
Гуся, Ваву, шлет на север,
Шлет табак душистый, дыни,
Виноград в багряных гроздьях.

Дым из трубки Шавопдази
Небеса туманит паром,
Наполняет негой воздух,
Мягкий блеск дает озерам,
Очертанья гор смягчая,
Веет нежной лаской лета

В теплый Месяц Светлой Ночи,
В Месяц Лыж зимой холодной.

Беззаботный Шавондази!
Лишь одно узнал он горе,
Лишь одну печаль изведал.
Раз, смотря на север с юга,
Далеко в степных равнинах
Он увидел утром деву,
Деву с гибким, стройным станом,
Одинокую в равнинах.
Был на ней наряд зеленый,
И как солнце были косы.

День за днем потом смотрел он,
День за днем вздыхал он страстно.
День за днем все больше сердце
Разгоралось в нем любовью
К деве нежной, златокудрой.
Но ленив и неподвижен
Был беспечный Шавондази,
Да, ленив и слишком тучен:
К милой он пойти все медлил,
Он сидел, вздыхая страстно,
И все только любовался
Златокудрой девой прерий.

Наконец, однажды утром
Увидал он, что поблекли
Кудри русые у милой, —
Словно первый снег, белеют.
«О мой брат из Стран Полночных,
Из далеких стран Вабассо,
Царства Северного Ветра!
Ты украл мою невесту,
Завладел моею милой,
Оболезтил ее своею
Сказкой Северного Ветра!»

Так несчастный Шавондази
Изливал свои страданья,

И бродил в равнинах знойный
Южный Ветер, полный вздохов,
Страстных вздохов Шавондази.
И наполнился весь воздух,
Словно снегом, белым пухом:
Погубили вздохи ветра
Деву с русыми кудрями,
И от взоров Шавондази
Навсегда сокрылась дева!

О мечтатель Шавондази!
Не по девушке вздыхал ты,
Не на женщину смотрел ты,—
На цветок, на одуванчик;
О цветке вздыхал ты страстно,
На цветок глядел все лето
День за днем с любовью томной
И сгубил его навеки,
В поле вздохами развсел.
Бедный, бедный Шавондази!

III

ДЕТСВО ГАЙАВАТЫ

В летний вечер, в полнолуье,
В незапамятное время,
В незапамятные годы,
Прямо с месяца упала
К нам прекрасная Нокомис,
Дочь ночных светил, Нокомис.

Как дитя, она играла,
На ветвях на виноградных
Меж подруг своих качалась,
И одна из них, сгорал
Злобой ревности и мести,
Эти ветви подрубила,
И па Мускодэ упала,
На цветущую долину,
Замирая от испуга,

Летним вечером Нокомис.
«Вон звезда упала с неба!» —
Говорил народ в селеньях.

Там, на мягких мхах и травах,
Там, среди стыдливых лилий,
В тихой Мускода, в долине,
В звездном блеске, в лунном свете,
Стала матерью Нокомис,
Назвала дочь первородной —
Назвала ее Веноной,
И, как лилия в долине,
Расцвела ее Венона:
Стала гибкой, стала стройной,
Точно лунный свет, прекрасной,
Точно звездный отблеск, нежной.

И Нокомис часто стала
Говорить, твердить Венопе:
«О, страшись, остерегайся
Мэджекивиса, Венона!
Никогда его не слушай,
Не гуляй одна в долине,
Не ложись в траве меж лилий!»

Но не слушалась Венона,
Не внимала мудрой речи,
И пришел к ней Мэджекивис,
Темным вечером подкрался,
С тихим шепотом склоняя
На лугу цветы и травы.
Там прекрасная Венона
Меж цветов одна лежала,
Там нашел ее коварный
Ветер Западный — и начал
Очаровывать Венопу
Сладкой речью, нежной лаской —
И родился сын печали,
Нежной страсти и печали,
Дивной тайны — Гайавата.

Так родился Гайавата;
А коварный Мэджекивис,
Бессердечный Мэджекивис
Уж покинул дочь Нокомис,
И недолго после билось
Сердце нежное Веноны:
Умерла она в печали.

Долго с криками рыдала,
Долго плакала Нокомис:
«О, зачем жестокий Погон
Не меня унес с собою?
Лучше б мне лежать в могиле!
Вагопомиц, вагопомиц!»

На побережье Гитчи-Гюми,
Светлых вод Большого Моря,
С юных дней жила Нокомис,
Дочь ночных светил, Нокомис.
Позади ее вигвама
Темный лес стоял стеною —
Чащи темных, мрачных сосен,
Чащи елей в красных шишках,
А пред ним прозрачной влагой
На песок плескались волны,
Блеском солнца зыбь сверкала
Светлых вод Большого Моря.

Там, в тиши лесов и моря,
Внука нянчила Нокомис,
В люльке липовой качала,
Устланной кутой и мохом,
Крепко связанной ремнями,
И, качал, говорила:
«Спи! А то отдам медведю!»
Там, баюкая, певала:
«Эва-ия, мой соенок!
Что там светится в вигваме?
Чьи глаза блестят в вигваме?
Эва-ия, мой соенок!»

Много-много рассказала
О звездах ему Нокомис;
Показала хвост кометы,—
Ишкуду в огнистых косах,
Показала Тапец Духов,
Их блистающие рати
В небесах Страпы Полночпой,
В Месяц Лыж морозной ночью;
Показала серебристый
Путь всех призраков и духов —
Белый путь на темном небе,
Полном призраков и духов.

Вечерами, теплым летом,
У дверей сидел малютка,
Слушал тихий ропот сосен,
Слушал тихий плеск прибоя,
Звуки дивных слов и песен:
«Мипли-вава!» — пели сосны,
«Мэдвай-ошка!» — пели волны.

Видел мушку, Ва-ва-тэйзи,
Что, сверкая белой искрой,
Светит в сумраке вечернем
Над травой и кустами,
И тихонько пел ей песню,
Что Нокомис научила:
«Ва-ва-тэйзи, Ва-ва-тэйзи!
Крошка, огненная мушка,
Крошка, белый огонечек!
Потанцуй еще немножко,
Посвети мне, попрыгунья,
Белой искоркой своею:
Скоро я в постельку лягу,
Скоро я закрою глазки!»

Видел, как над Гитчи-Гюми,
Отражаясь в Гитчи-Гюми.
Подымался полный месяц,
Видел тень на нем и пятна
И шептал: «Что там, Нокомис?»

А Нокомис отвечала:
«Раз один сердитый воин
Подхватил старуху-бабку
И швырнул ее на небо,
Зашвырнул на месяц прямо.
Так она там и осталась».

Видел радугу на небе,
На востоке, и тихонько
Говорил: «Что там, Нокомис?»
А Нокомис отвечала:
«Это Мускода на небе;
Все цветы лесов зеленых,
Все болотные кувшинки,
На земле когда увянут,
Расцветают снова в небе».

Если сов он слышал в полночь,—
Вой и хохот в чаще леса,
Он, дрожа, кричал: «Кто это?»
Он шептал: «Что там, Нокомис?»
А Нокомис отвечала:
«Это совы собрались
И по-своему болтают,
Это ссорятся совыта!»

Так малютка, внук Нокомис,
Изучил весь птичий говор,
Имена их, все их тайны:
Как они выют гнезда летом,
Где живут они зимою;
Часто с ними вел беседы,
Звал их всех: «мои цыплята».

Всех зверей язык узнал он,
Имена их, все их тайны:
Как бобер жилище строит,
Где орехи белка прячет,
Отчего резва косуля,
Отчего труслив Вабассо;
Часто с ними вел беседы,
Звал их: «братья Гайаваты».

И рассказчик сказок Ягу,
Говорун, хвастун великий,
Много по свету бродивший,
Верный друг Нокомис старой,
Сделал лук для Гайаваты:
Лук из лсепа он сделал,
Стрелы сделал он из дуба,
Наконечники — из яшмы,
Тетиву — из кожи лави.

И сказал он Гайавате:
«Ну, мой сын, иди скорее
В лес, где держатся олени.
Застрели-ка там косулю
С разветвленными рогами».

Гордо взял свой лук и стрелы
Гайавата и отважно
В лес пустился; птицы звонко
Пели, по лесу порхая.
«Не стреляй в нас, Гайавата!» —
Опечи пел красногрудый;
«Не стреляй в нас, Гайавата!» —
Пел Овейса сипеперый.

На дубу над Гайаватой
Влиз и вверх скакала белка,
Меж зеленых листьев дуба
С кашлем прыгала, смеялась
И, смеясь, пробормотала:
«Пощади, о Гайавата!»

И вприпрыжку белый кролик
Робко бросился с тропинки,
Стал вдали на задних лапках
И охотнику промолвил
Хоть и в шутку, но трусливо:
«Пощади, о Гайавата!»

Но не слушал Гайавата, —
Точно сонный, брел он лесом,
Думал только об олене,

След его искал глазами,
След, что вел к речному броду,
По тропе к речному броду.

За ольховыми кустами
Сел и выждал он оленя,
Увидал два глаза в чаще,
Увидал над ней два рога,
Ноздри, поднятые к ветру,
Увидал и морду зверя
Под листвою, в пятнах света,
И, как легкий лист березы,
Сердце в нем затрепетало,
Как ольха, весь задрожал он,
Увидав над бродом зверя.

На одно колено ставши,
Он прицелился в оленя.
Только ветка шевельнулась,
Только листик закачался,
Но олень уж встрепенулся,
Отшатнувшись, топнул в землю,
Чутко встал, подняв копыто,
Прыгнул, точно ждал удара.

Ах, он шел навстречу смерти!
Как оса, стрела запела,
Как оса, в него впиалась!

Мертвый он лежал у брода,
Меж деревьев, над рекою;
Сердце в нем уже не билось,
Но зато у Гайаваты
Сердце так и трепетало,
Как домой он нес оленя
И ему рукоплескали
Старый Ягу и Нокомис.

Из оленьей пестрой шкуры
Внуку планд Нокомис сшила,
Созвала соседей в гости,

Пир дала в честь Гайаваты.
Вся деревня собралась,
Все соседи называли
Гайавату храбрым, сильным —
Сон-джи-тэргэ, Ман-го-тэйзи!

IV

ГАЙАВАТА И МЭДЖЕКВИС

Миновали годы детства,
Возмужал мой Гайавата;
Игры юности беспечной,
Стариков житейский опыт,
Труд, охотничьи споровки —
Все постиг он, все изведal.

Резвы ноги Гайаваты!
Запустив стрелу из лука,
Он бежал за ней так быстро,
Что стрелу опережал он.
Мощны руки Гайаваты!
Десять раз, не отдыхая,
Мог согнуть он лук упругий
Так легко, что догоняли
На лету друг друга стрелы.

Рукавицы Гайаваты,
Рукавицы, Минджикэвон,
Из оленьей мягкой шкуры,
Обладали дивной силой:
Сокрушать он мог в них скалы,
Раздроблять в песчинки камни.
Мокасины Гайаваты
Из оленьей мягкой шкуры
Волшебство в себе таили:
Привязавши их к лодыжкам,
Прикрепив к ногам ремнями,
С каждым шагом Гайавата
Мог по целой миле делать.

Об отце своем передко
Он расспрашивал Нокомис,
И поведала Нокомис
Внуку тайну роковую:
Рассказала, как прекрасна,
Как нежна была Венона,
Как сгубил ее изменой
Вероломный Мэджекивис,
И, как уголь, разгорелось
Гневом сердце Гайаваты.

Он сказал Нокомис старой:
«Я иду к отцу, Нокомис,
Я хочу его проведать
В царстве Западного Ветра,
У преддверия Заката».

Из вигвама выходил он,
Снарядившись в путь далекий,
В рукавицах, Минджикэвон,
И волшебных мокасилах.
Весь наряд его богатый
Из оленьей мягкой шкуры
Зерпью мампума украшен
И щетиной дикобраза.
Голова его — в орлиных
Развевающихся перьях,
За плечом его, в колчане —
Из дубовых веток стрелы,
Оперенные искусно
И оправленные в яшму,
А в руках его — упругий
Лук из лсеия, согнутый
Тетивой из жил оленя.

Осторожно! Нокомис
Говорила Гайавате:
«Не ходи, о Гайавата,
В царство Западного Ветра:
Он убьет тебя коварством,
Волшебством своим погубит».

Но отважный Гайапата
Не внимал ее советам,
Уходил он от выговама,
С каждым шагом делал милю.
Мрачным лес ему казался,
Мрачным — свод небес над лесом,
Воздух — душным и горячим,
Полным дыма, полным гари,
Как в пожар лесов и прерий:
Словно уголь, разгоралось
Гневом сердце Гайаваты.

Так держал он путь далекий
Все на запад и на запад
Легче быстрого оленя,
Легче лани и бизона,
Переплыл он Эсконабо,
Переплыл он Миссисипи,
Мировал Степные Горы,
Мировал степные страны
И Лисиц и Черноногих,
И пришел к Горам Скалистым,
В царство Западного Ветра,
В царство бурь, где на вершинах
Восседал Владыка Ветров,
Престарелый Мэджекивис.

С тайным страхом Гайавата
Пред отцом остановился:
Дико в воздухе клубились,
Облаками развевались
Волоса его седые,
Словно снег, они блестели,
Словно пламенные косы
Ишкуды, они сверкали.

С тайной радостью увидел
Мэджекивис Гайавату:
Это молодости годы
Перед ним воскресли к жизни,
Это встала из могилы
Красота Венеры нежной.

«Будь здоров, о Гайавата! —
Так промолвил Мэджекивис: —
Долго ждал тебя я в гости
В царство Западного Ветра!
Годы старости — печальны,
Годы юности — отрадны.
Ты напомнил мне былое,
Юность пылкую напомнил
И прекрасную Венону!»

Много дней прошло в беседе,
Долго мощный Мэджекивис
Похвалялся Гайавате
Прежней доблестью своею,
Приключеньями былыми,
Непреклонною отвагой;
Говорил, что дивной силой
Он от смерти заколдовал.

Молча слушал Гайавата,
Как хвалился Мэджекивис,
Терпеливо и с улыбкой
Он сидел и молча слушал.
Ни угрозой, ни укором,
Ни одним суровым взглядом
Он не выказал досады,
Но, как уголь, разгоралось
Гневом сердце Гайаваты.

И сказал он: «Мэджекивис!
Неужель ничто на свете
Погубить тебя не может?»
И могучий Мэджекивис
Величаво, благосклонно
Отвечал: «Ничто на свете,
Кроме вон того утеса,
Кроме Вавбика, утеса!»
И, взглянув на Гайавату
Взором мудрости спокойной,
По-отечески любясь
Красотой его и мощью,

Он сказал: «О Гайавата!
Неужель ничто на свете
Погубить тебя не может?»

Помолчал одну минуту
Осторожный Гайавата,
Помолчал, как бы в сомнение,
Помолчал, как бы в раздумье,
И сказал: «Ничто на свете.
Лишь один тростник, Эпоква,
Лишь вот тот камыш высокий!»
И как только Мэджекивис,
Встав, простер к Эпокке руку,
Гайавата в страхе крикнул,
В лицемерном страхе крикнул:
«Каго, каго! — Не касайся!»
«Полю! — молвил Мэджекивис, —
Успокойся, — я не трону».

И опять они беседу
Продолжали; говорили
И о Вебоне прекрасном,
И о тучном Шавондази,
И о злом Кабибонкке;
Говорили о Веноне,
О ее рождении дивном,
О ее кончине грустной, —
Обо всем, что рассказала
Впуку старая Нокомис.

И воскликнул Гайавата:
«О коварный Мэджекивис!
Это ты убил Венону,
Ты сорвал цветок весенний,
Растоптал его ногами!
Признавайся! Признавайся!»
И могучий Мэджекивис
Тихо голову седую
Опустил в тоске глубокой,
В знак безмолвного согласия.

Быстро встал тогда, сверкая
Грозным взором, Гайавата,
На утес занес он руку
В рукавице, Минджикэвои,
Разломил его вершину,
Раздробил его в осколки,
Стал в отца швырять свирепо:
Словно уголь, разгорелось
Гневом сердце Гайаваты.

Но могучий Мэджекивис
Камни гнал назад дыханьем,
Бурей гневного дыханья
Гнал назад, па Гайавату.
Он схватил рукой Эпокву,
Вырвал с мочками, с корнями,—
Над рекой из вязкой тины
Вырвал бешено Эпокву
Он под хохот Гайаваты.

И начался бой смертельный
Меж Скалистыми Горами!
Сам Орел Войны могучий
На гнезде поднялся с криком,
С резким криком сел на скалы,
Хлопал крыльями над ними.
Словно дерево под бурей,
Рассекал Эпоква воздух,
Словно град, летели камни
С треском с Вавбика, утеса,
И земля окрест дрожала,
И на тяжкий грохот бол
По горам гремело эхо,
Отзывалось: «Бэм-Вава!»

Отступать стал Мэджекивис,
Устремился он на запад,
По горам на дальний запад,
Отступал три дня, сражаясь,
Убегал, гонимый сыном,

До преддверия Заката,
До границ своих владений,
До конца земли, где солнце
В красном блеске утопает
На почлег в воздушной бездне,
Опускаясь, как фламинго
Опускается зарею
На печальное болото.

«Удержись, о Гайавата! —
Наконец вскричал он громко: —
Ты убить меня не в силах,
Для бессмертного нет смерти,
Испытать тебя хотел я,
Испытать твою отвагу,
И награду заслужил ты!

Возвратись в родную землю,
К своему вернись народу,
С ним живи и с ним работай.
Ты расчистить должен реки,
Сделать землю плодоносной,
Умертвить чудовищ злобных,
Змей, Киприбок, и гигантов,
Как убил я Мише-Мокву,
Исполина Мише-Мокву.

А когда твой час настанет,
И заблещут над тобою
Очи Погока из мрака, —
Разделю с тобой я царство,
И владыкою ты будешь
Над Кивайдином вовеки!»

Вот такая разыгралась
Битва в грозные дни Ша-ша,
В дни далекого былого,
В царстве Западного Ветра.
Но следы той славной битвы
И теперь охотник видит
По холмам и по долинам

Видит шпатель исполняский
На прудах и вдоль потоков,
Видит Вавбика осколки
По холмам и по долинам.

На восток, в родную землю,
Гайавата путь направил:
Позабыл он горечь гнева,
Позабыл о мщении думы,
И вокруг него отрадой
И весельем все дышало.

Только раз он путь замедлил,
Только раз остановился,
Чтоб купить в стране Дакотов
Накопечников па стрелы.
Там, в долине, где смеялись,
Где блистали, низпергаясь
Меж зелеными дубами,
Водопады Миннегаги,
Жил старик, дакот суровый.
Делал он головки к стрелам,
Острия из халцедона,
Из кремня и крепкой яшмы,
Отшлифованные гладко,
Заостренные, как иглы.

Там жила с ним дочь-невеста,
Быстропогал, как речка,
Своеправная, как брызги
Водопадов Миннегаги.
В блеске черных глаз играли
У нее и свет и тени,—
Свет улыбки, тени гнева;
Смех ее звучал, как песня,
Как поток, струились косы,
И Смеющейся Водой
В честь реки ее назвал он,
В честь веселых водопадов
Дал ей имя — Миннегага.

Так ужели Гайавата
Заходил в страну Дакотов,
Чтоб купить головок к стрелам,
Наконечников из яшмы,
Из кремня и халцедона?
Не затем ли, чтоб украдкой
Посмотреть на Миннегагу,
Встретить взор ее пугливый,
Услыхать одежды шорох
За дверною занавеской,
Как глядят на Миннегагу,
Что горит сквозь ветви леса,
Как внимают водопаду
За зеленой чащей леса?

Кто расскажет, что таится
В молодом и пылком сердце?
Как узнать, о чем в дороге
Сладко грезил Гайавата?
Все Нокомис рассказал он,
Возвратись домой под вечер,
О борьбе и о беседе
С Мэджекивисом могучим,
Но о девушке, о стрелах
Не обмолвился ни словом!

V

ПОСТ ГАЙАВАТЫ

Вы услышите сказанье,
Как в лесной глуши постился
И молился Гайавата:
Не о ловкости в охоте,
Не о славе и победах,
Но о счастье, о благе
Всех племен и всех народов.

Пред постом он приготовил
Для себя в лесу жилище,—
Над блестящим Гитчи-Гюми,

В дни весеннего расцвета,
В светлый, теплый Месяц Листьев
Он вигвам себе построил
И, в виденьях, в дивных грезах,
Семь ночей и дней постился.

В первый день поста бродил он
По зеленым тихим рощам;
Видел кролика он в норке,
В чаще выпугнул оленя,
Слышал, как фазан кудахтал,
Как в дупле возилась белка,
Видел, как под тенью сосен
Вьет гнездо Омини, голубь,
Как стада гусей летели
С заунывным криком, с шумом
К диким северным болотам.
«Гитчи Манито! — вскричал он,
Полный скорби безнадежной,—
Неужели паше счастье,
Наша жизнь от них зависит?»

На другой день над рекою,
Вдоль по Мускода, бродил он,
Видел там он Маномони
И Минагу, голубику,
И Одамини, землянику,
Куст крыжовника, Шабомини,
И Бимагут, виноградник,
Что зеленою гирляндой,
Разливая сладкий запах,
По ольховым сучьям вьется.
«Гитчи Манито! — вскричал он,
Полный скорби безнадежной,—
Неужели наше счастье,
Наша жизнь от них зависит?»

В третий день сидел он долго,
Погруженный в размышленья,
Возле озера, над тихой,
Над прозрачною водою.

Видел он, как прыгал Нама,
Сыпая брызги, словно жемчуг;
Как резвился окунь, Сава,
Словно солнца луч сияя,
Видел щуку, Маскенозу,
Сельдь речную, Окагавис,
Шогаши, морского рака.
«Гитчи Мапито! — вскричал он,
Полный скорби безнадежной, —
Неужели наше счастье,
Наша жизнь от них зависит?»

На четвертый день до ночи
Он лежал в изнеможенье
На листе в своем вигваме.
В полусне над ним роились
Грезы, смутные виденья;
Вдалеке вода сверкала
Зыбким золотом, и плавно
Все кружилось и горело
В пышном зареве заката.

И увидел он: подходит
В полусумраке пурпурном,
В пышном зареве заката,
Стройный юноша к вигваму.
Голова его — в блестящих,
Развевающихся перьях,
Кудри — мягки, золотисты,
А наряд — зелено-желтый,

У дверей остановившись,
Долго с жалостью, с участием
Он смотрел на Гайавату,
На лицо его худое,
И, как вздохи Шавондази
В чаще леса, прозвучала
Речь его: «О Гайавата!
Голос твой услышал в небе,
Потому что ты молился
Не о ловкости в охоте,

Не о славе и победах,
Но о счастье, о благе
Всех племен и всех народов.

Для тебя Владыкой Жизни
Послан друг людей — Мондамин;
Послан он тебе поведать,
Что в борьбе, в труде, в терпенье
Ты получишь все, что просишь.
Встань с ветвей, с зеленых листьев,
Встапъ с Мондамином бороться!»

Изнурен был Гайавата,
Слаб от голода, по быстро
Встал с ветвей, с зеленых листьев.
Из стемневшего вигвама
Вышел он на свет заката,
Вышел с юношей бороться —
И едва его коснулся,
Вновь почувствовал отягу,
Ощутил в груди усталой
Бодрость, силу и надежду.

На лугу они кружились
В пышном зареве заката,
И все крепче, все сильнее
Гайавата становился.
Но спустились тени ночи,
И Шух-шух-га на болоте
Издава свой крик тоскливый,
Вопль и голода и скорби.

«Кончим! — вымолвил Мондамин,
Улыбаясь Гайавате,—
Завтра снова приготовься
На закате к испытанью».
И, сказав, исчез Мондамин.
Опустился ли он тучкой
Иль поднялся, как туманы,—
Гайавата не заметил;
Видел только, что исчез он,
Истощив его борьбою,

Что внизу, в ночном тумане,
Смутно озеро белеет,
Аверху мерцают звезды.

Так два вечера,— лишь только
Опускалось тихо солнце
С неба в западные воды,
Погружалось в них, краснея,
Словно уголь, раскаленный
В очаге Владыки Жизни,—
Приходил к нему Моидамин.
Молчаливо появлялся,
Как роса на землю сходит,
Принимающая форму
Лишь тогда, когда коснется
До травы или деревьев,
Но невидимая смертным
В час прихода и ухода.

На лугу они кружились
В пышном зареве заката;
Но спустились тени ночи,
Прокричала на болоте
Громко, жалобно Шух-шух-га,
И задумался Моидамин;
Стройный станом и прекрасный,
Он стоял в своем наряде;
В головном его уборе
Перья веяли, качались,
На челе его сверкали
Капли пота, как росинки.

И вскричал он: «Гайавата!
Храбро ты со мной боролся,
Трижды стойко ты боролся,
И пошлет Владыка Жизни
Надо мной тебе победу!»

А потом сказал с улыбкой:
«Завтра кончится твой искуc —
И борьба и пост тяжелый;
Завтра ты меня поборешь;

Приготовь тогда мне ложе
Так, чтоб мог весенний дождик
Освежать меня, а солнце —
Согревать до самой ночи.
Мой паряд зелено-желтый,
Головной убор из перьев
Оборви с меня ты смело,
Схорони меня и землю
Разровняй и сделай мягкой.

Стереги мой сон глубокий,
Чтоб никто меня не трогал,
Чтобы плевелы и травы
Надо мной не зарастали,
Чтобы Кагаги, Царь-Ворон,
Не летал к моей могиле.
Стереги мой сон глубокий
До поры, когда проснусь я,
К солнцу светлому воспряну!»
И, сказав, исчез Мондамин.

Мирным сном спал Гайавата;
Слышал он, как пел уныло
Полуночник, Вавонэйса,
Над вигвамом одиноким;
Слышал он, как, убегая,
Сибовиша говорливый
Вел беседы с темным лесом;
Слышал шорох — вздохи веток,
Что склонялись, подымались,
С петерком почным качался.
Слышал все, по все сливалось
В дальний ропот, сонный шепот:
Мирным сном спал Гайавата.

На заре пришла Покомис,
На седьмое утро лица
Принесла для Гайаваты.
Со слезами говорила,
Что его погубит голод,
Если лица он не примет.

Ничего он не отведал,
Ни к чему не прикоснулся,
Лишь промолвил ей: «Нокомис!
Подожди со мной заката,
Подожди, пока стемнеет
И Шух-шух-га громким криком
Возвестит, что день окончен!»

Плача шла домой Нокомис,
Все тоскуя, опасаясь,
Что его погубит голод.
Он же стал, томясь тоскою,
Ждать Мопдамина. И тепи
Потянулись от заката
По лесам и по долинам;
Опустилось тихо солнце
С пеба в Западные Воды,
Как спускается зарею
В воду красный лист осенний
И в воде, краснел, топел.

Глядь — уж тут Мопдамин юный,
У дверей стоит с прилетом!
Голова его — в блестящих,
Развевающихся перьях,
Кудри — мягки, золотисты,
А паряд — зелепо-желтый.

Как во сне к нему навстречу
Встал, измученный и бледный,
Гайавата, но бесстрашно
Вышел — и бороться начал.

И слепись земля и небо,
Замелькали пред глазами!
Как осетр в сетях трепещет,
Бьется бешено, чтоб сети
Разорвать и прыгнуть в воду,
Так в груди у Гайаваты
Сердце сильное стучало;
Словно огненные кольца,

Горизонт сверкал кровавый
И кружился с Гайаватой;
Сотни солнцев, разгораясь,
На борьбу его глядели.
Вдруг один среди поляны
Очутился Гайавата.

Он стоял, ошеломленный
Этой дикою борьбою,
И дрожал от напряженья;
А пред ним, в измятых перьях
И в изорванных одеждах,
Бездыханный, неподвижный,
На траве лежал Мондамин,
Мертвый, в зареве заката.

Победитель Гайавата
Сделал так, как приказал он:
Снял с Мондамина одежды,
Снял изломанные перья,
Схоронил его и землю
Разровнял и сделал мягкой.
И среди болот печальных
Цапли сизая, Шух-шух-га,
Издали свой крик тоскливый,
Вопль и жалобы и скорби.

В отчий дом, в вигвам Нокомис,
Возвратился Гайавата,
И семь суток испытанья
В этот вечер завершились,
Но запомнил Гайавата
Те места, где он боролся,
Не покинул без призора
Ту могилу, где Мондамин
Почивал, в земле зарытый,
Под дождем и ярким солнцем.

Депь за днем над той могилой
Сторожил мой Гайавата,
Чтобы холм ее был мягким,
Не зарос травой сорной,

Прогоня свистом, криком
Кагаги с его народом.

Наконец зеленый стебель
Показался над могилой,
А за ним — другой и третий,
И не кончилось лето,
Как в своем уборе пышном,
В золотистых, мягких косах,
Встал высокий, стройный манс.
И воскликнул Гайавата
В восхищении: «Мондамин!
Это друг людей, Мондамин!»

Тотчас кликнул он Нокомис,
Кликнул Ягу, рассказал им
О своем виденье дивном,
О своей борьбе, победе,
Показал зеленый манс —
Дар небесный всем народам,
Что для них быть должен пищей.

А позднее, когда, под осень,
Пожелтел созревший манс,
Пожелтели, стали тверды
Зерна манса, как жемчуг,
Он собрал его початки,
Сняв с него листву сухую,
Как с Мондамина когда-то
Снял одежды, — и впервые
«Пир Мондамина» устроил,
Показал всему народу
Новый дар Владыки Жизни.

VI

ДРУЗЬЯ ГАЙАВАТЫ

Было два у Гайаваты
Неизменных, верных друга.
Сердце, душу Гайаваты
Знали в радостях и в горе

Только двое: Чайбайабос,
Музыкант, и мощный Квазинд.

Меж вигвамов их тропинка
Не могла в траве заглухнуть;
Сплетни, лживые навсты
Не могли посеять злобы
И раздора между ними:
Обо всем они держали
Лишь втроем совет согласный,
Обо всем с открытым сердцем
Говорили меж собою
И стремились только к благу
Всех племен и всех народов.

Лучшим другом Гаиаваты
Был прекрасный Чайбайабос,
Музыкант, певец великий,
Несравненный, небывалый.
Был, как воин, он отважен,
Но, как девушка, был нежен,
Словно ветка ивы, гибок,
Как олень рогатый, статен.

Если пел он, вся деревня
Сбиралась песни слушать,
Жены, воины сходились,
И то нежностью, то страстью
Волновал их Чайбайабос.

Из тростинки сделав флейту,
Он играл так нежно, сладко,
Что в лесу смолкали птицы,
Затихал ручей игривый,
Замолкала Аджидомо,
А Вабассо осторожный
Приседал, смотрел и слушал.

Да! Примолкнул Сибовиша
И сказал: «О Чайбайабос!

Научи мои ты волны
Мелодичным, нежным звукам!»

Да! Завистливо Оврйса
Говорил: «О Чайбайабос!
Научи меня безумным,
Страстным звукам диких песен!»

Да! И Опечи веселый
Говорил: «О Чайбайабос!
Научи меня веселым,
Сладким звукам нежных песен!»

И, рыдая, Вавопэйса
Говорил: «О Чайбайабос!
Научи меня тоскливым,
Скорбным звукам скорбных песен!»

Вся природа сладость звуков
У него перенимала,
Все сердца смягчал и трогал
Страстной песней Чайбайабос,
Ибо пел он о свободе,
Красоте, любви и мире,
Пел о смерти, о загробной
Бесконечной, вечной жизни,
Воспевал Страну Понима
И Селения Блаженных.

Дорог сердцу Гайаваты
Кроткий, милый Чайбайабос,
Музыкант, певец великий,
Несравненный, небывалый!
Он любил его за нежность
И за чары звучных песен.

Дорог сердцу Гайаваты
Был и Квазипд,— самый мощный
И незлобивый из смертных;
Он любил его за силу,
Доброту и простодушие.

Квазинд в юности ленив был,
Вял, мечтатель, беспечен;
Не играл ни с кем он в детстве,
Не удил в заливе рыбы,
Не охотился за зверем,—
Непохож он был на прочих.
Но постился Квазинд часто,
Своему молился Духу,
Покровителю молился.

«Квазинд,— мать ему сказала,—
Ты ни в чем мне не поможешь!
Лето ты, как сонный, бродишь
Праздно по полям и рощам,
Зиму греешься, согнувшись
Над костром среди вигвама;
В самый лютый зимний холод
Я хожу па ловлю рыбы,—
Ты и тут мне не поможешь!
У дверей висит мой невод,
Он намок и замерзает,—
Встань, возьми его, ленивец,
Выжми, высуши на солнце!»

Неохотно, но спокойно
Квазинд встал с золы остывшей,
Молча вышел из вигвама,
Скинул смерзшиеся сети,
Что висели у порога,
Стиснул их, как пук соломы,
И сломал, как пук соломы!
Он не мог не изломать их:
Вот насколько был он силен!

«Квазинд! — раз отец промолвил,—
Собирайся на охоту.
Лук и стрелы постоянно
Ты ломаешь, как тростинки,
Так хоть будешь мне добычу
Приносить домой из леса».

Вдоль ущелья, по теченью
Ручейка, они спускались
По следам бизонов, ланей,
Отпечатанным на иле,
И наткнулись на преграду:
Повалившиеся сосны
Поперек и вдоль дороги
Весь проход загромождали.

«Мы должны,— промолвил старец,—
Ворочаться: тут не влезешь!
Тут и белка не взберется,
Тут сурок пролезть не сможет».
И сейчас же вынул трубку,
Закурил и сел в раздумье.
Но не выкурил он трубки,
Как уж путь был весь расчищен:
Всё деревья Квазинд подлил,
Быстро вправо и влево
Раскидал, как стрелы, сосны,
Разметал, как копья, кедры.

«Квазинд! — юноши сказали,
Забавляясь на долине,—
Что же ты стоишь, глазеешь,
На утес облокотившись?
Выходи, давай бороться,
В цель бросать из пращи камни».

Вялый Квазинд не ответил,
Ничего им не ответил,
Только встал и, повернувшись,
Обхватил утес руками,
Из земли его он вырвал,
Раскачал над головою
И забросил прямо в реку,
Прямо в быструю Повэтин.
Так утес там и остался.

Раз по пенистой пучине,
По стремительной Повэтин,
Плыл с товарищами Квазинд

И вождь бобров, Амика,
Увидал среди потока:
С быстринной бобер боролся,
То всплывал, то ныряя.

Не задумавшись нисколько,
Квазинд молча прыгнул в реку,
Скрылся в пенистой пучине,
Стал преследовать Амика
По ее подворотам
И в воде пробыл так долго,
Что товарищи вскричали:
«Горе нам! Погиб наш Квазинд!»
Не вернется больше Квазинд!
Но торжественно он выплыл:
На плече его блестящем
Вождь бобров висел убитый,
И с него вода струилась.

Таковы у Гайаваты
Были верные два друга.
Долго с ними жил он в мире,
Много вел бесед сердечных,
Много думал дум о благе
Всех племен и всех народов.

VII

ПИРОГА ГАЙАВАТЫ

«Дай коры мне, о Береза!
Желтой дай коры, Береза,
Ты, что высишься в долине
Стройным станом над потоком!
Я свяжу себе пирогу,
Легкий челн себе построю,
И в воде он будет плавать,
Словно желтый лист осенний,
Словно желтая кувшинка!

Скинь свой белый плащ, Береза!
Скинь свой плащ из белой кожи:

Скоро лето к нам вернется,
Жарко светит солнце в небе,
Белый плащ тебе не нужен!»

Так пад быстрой Таквамино,
В глубине лесов дремучих,
Восклидал мой Гайавата
В час, когда все птицы пели,
Воспевали Месяц Листьев,
И, от сна восставши, солнце
Говорило: «Вот я — Гизис,
Я, великий Гизис, солнце!»

До корей затрепетала
Каждым листиком береза,
Говоря с покорным вздохом:
«Скинь мой плащ, о Гайавата!»

И пожом кору березы
Ополсал Гайавата
Ниже веток, выше корня,
Так, что брызнул сок наружу;
По стволу, с вершины к корню,
Он потом кору разрезал,
Деревянным клином поднял,
Осторожно силл с березы.

«Дай, о Кедр, ветвей зеленых,
Дай мне гибких, крепких сучьев,
Помоги пирогу сделать
И надежней и прочнее!»

По вершине кедра шумно
Ропот ужаса пронесся,
Стон и крик сопротивления;
Но, склоняясь, просилал он:
«На, руби, о Гайавата!»

И, срубивши сучья кедра,
Он связал из сучьев раму,
Как два лука, он согнул их,
Как два лука, он связал их.

«Дай корней своих, о Тэмрак,
Дай корней мне волокнистых:
Я свяжу свою пирогу,
Так свяжу ее корнями,
Чтоб вода не пропикала,
Не сочилась в пирогу!»

В свежем воздухе до корня
Задрожал, затрясся Тэмрак,
Но, склоняясь к Гайавате,
Он одним печальным вздохом,
Долгим вздохом отзывался:
«Все возьми, о Гайавата!»

Из земли он вырвал корни,
Вырвал, вытянул полокпа,
Плотно сшил кору березы,
Плотно к ней приладил раму.

«Дай мне, Ель, смолы тягучей,
Дай смолы своей и соку:
Засмолю я швы в пироге,
Чтоб вода не пропикала,
Не сочилась в пирогу!»

Как шуршит песок прибрежный,
Зашуршали ветви ели,
И, в своем уборе черпом,
Отвечала ель со стоном,
Отвечала со слезами:
«Собери, о Гайавата!»

И собрал он слезы ели,
Взял смолы ее тягучей,
Засмолил все швы в пироге,
Защитил от волн пирогу.

«Дай мне, Еж, колючих игол,
Все, о Еж, отдай мне иглы:
Я украшу ожерельем,
Уберу двумя звездами
Грудь красавицы пироги!»

Сонно глянул Еж угрюмый
Из дупла на Гайавату,
Словно блещущие стрелы,
Из дупла метнул он иглы,
Бормоча в усы лениво:
«Подбери их, Гайавата!»

По земле собрал он иглы,
Что блестели, точно стрелы;
Соком ягод их окрасил,
Соком желтым, красным, сивим,
И пирогу в них оправил,
Сделал ей блестящий пояс,
Ожерелье дорогое,
Грудь убрал двумя звездами.

Так построил он пирогу
Над рекою, средь долины,
В глубине лесов дремучих,
И вся жизнь лесов была в пей,
Все их тайны, все их чары:
Гибкость лиственницы темной,
Крепость мощных сучьев кедра
И березы стройной легкость;
На воде она качалась,
Словно желтый лист осенний,
Словно желтая кувшинка.

Весел не было на лодке,
В веслах он и не пуждался:
Мысль ему веслом служила,
А рулем служила воля;
Обогать он мог хоть ветер,
Путь держать — куда хотелось.

Кончив труд, он кликнул друга,
Кликнул Квазинда на помощь,
Говоря: «Очистим реку
От коряг и желтых мелей!»

Быстро прыгнул в реку Квазинд,
Словно выдра, прыгнул в реку,

Как бобер, пырять в ней пачал,
Погружаясь то по пояс,
То до самых мышек в воду.
С криком стал вырять он в воду,
Поднимать со дна коряги,
Вверх кидать песок руками,
А ногами — ил и травы.

И поплыл мой Гайавата
Вниз по быстрой Таквамино,
По ее водоворотам,
Через омуты и мели,
Вслед за Квазиндом могучим.

Вверх и вниз они проплыли,
Всюду были, где лежали
Корни, мертвые деревья
И пески широких мелей,
И расчистили дорогу,
Путь прямой и безопасный
От истоков меж горами
И до самых под Повэтии,
До залива Таквамино.

VIII

ГАЙАВАТА И МИШЕ-НАМА

По заливу Гитчи-Гюми,
Светлых под Большого Моря,
С длинной удочкой из кедра,
Из коры крученой кедра,
На березовой пироге
Плыл отважный Гайавата.

Сквозь слюду прозрачной влаги
Видел он, как ходят рыбы
Глубоко под дном пироги:
Как резвится окупь, Сава,
Словно соляца луч, сияя;
Как лежит на дне песчаном

Шогаши, омар лепивый,
Словно дремлющий тарантул.

На корме сел Гайавата
С длинной удочкой из кедра;
Точно веточки дикуты,
Колесбал прохладный ветер
Перья в косах Гайаваты.
На носу его пироги
Села белка, Аджидомо;
Точно травку луговую,
Раздувал прохладный ветер
Мех на шубке Аджидомо.

На песчаном дне па белом
Дремлет мощный Мише-Нама,
Царь всех рыб, осетр тяжелый,
Раскрывает жабры тихо,
Тихо водит плавниками
И хвостом песок взмывает,
В боевом вооруженье,—
Под щитами костяными
На плечах, на лбу широком,
В боевых нарядных красках —
Голубых, пурпурных, желтых —
Он лежит па дне песчаном;
И над ним-то Гайавата
Стал в березовой пироге
С длинной удочкой из кедра.

«Встань, возьми мою приманку! —
Крикнул в воду Гайавата,—
Встань со дна, о Мише-Нама,
Подымись к моей пироге,
Выходи па состязанье!»
В глубину прозрачной влаги
Он лесу свою забросил,
Долго ждал ответа Намы,
Тщетно ждал ответа Намы
И кричал ему все громче:
«Встань, царь рыб, возьми приманку!»

Не ответил Мише-Нама.
Важно, медленно махая
Плавниками, он спокойно
Вверх смотрел, на Гайавату,
Долго слушал без вниманья
Крик его нетерпеливый,
Наконец сказал Кепозе,
Жадной щуке, Маскепозе:
«Встань, воспользуйся приманкой,
Оборви лесу пахала!»

В сильных пальцах Гайаваты
Сразу удочка согнулась;
Он рванул ее так сильно,
Что пирога дыбом встала,
Поднялася над водою,
Словно белый ствол березы
С резвой белкой на вершине.

Но когда пред Гайаватой
На волпах затрепетала,
Приближаясь, Маскепоза, —
Гневом вспыхнул Гайавата
И воскликнул: «Иза, иза! —
Стыд тебе, о Маскепоза!
Ты лишь щука, ты не Нама,
Не тебе я кипул вызов!»

Со стыдом на дно вернулась,
Опустилась Маскепоза;
А могучий Мише-Нама
Обратился к Угудвошу,
Неуклюжему Самглаву:
«Встань, воспользуйся приманкой,
Оборви лесу пахала!»

Словно белый, полный месяц,
Встал, качаясь и сверкая,
Угудвош, Самглав тяжелый,
И, схватив лесу, так сильно
Закружился вместе с цео,

Что вверху, в повороте,
Завертелся пирог,
Волны, с плеском разбегаясь,
По всему пошли заливу,
А с песчаных белых мелей,
С отдаленного побережья.
Закивали, зашумели
Тростники и длинный шпажник.

Но когда пред Гайаватой
Из воды поднялся белый
И тяжелый круг Самглава,
Громко крикнул Гайавата:
«Иза, иза! — стыд Самглаву!
Угудвош ты, а не Нама,
Не тебе я кинул вызов!»

Тихо вниз пошел, качаясь
И блестя, как полный месяц,
Угудвош прозрачно-белый,
И опять могучий Нама
Услыхал нетерпеливый,
Дерзкий вызов, прозвучавший
По всему Большому Морю.

Сам тогда он с дна поднялся,
Весь дрожа от дикой злобы,
Боевой блистая краской
И доспехами бряцая,
Быстро прыгнул он к пироге,
Быстро выскочил всем телом
На сверкающую воду
И своей гигантской пастью
Поглотил в одно мгновение
Гайавату и пирогу.

Как бревно по водопаду,
По широким, черным волнам,
Как в глубокую пещеру,
Соскользнула в пасть пирога.
Но, очнувшись в полном мраке,

Безнадежно оглянувшись,
Вдруг наткнулся Гайавата
На большое сердце Намы:
Тяжело оно стучало
И дрожало в этом мраке.

И во гневе мощной дланью
Стиснул сердце Гайавата,
Стиснул так, что Мише-Нама
Всеми фибрами затрещал,
Занумел водой, забился,
Ослабел, ошеломленный
Нестерпимой болью в сердце.

Поперек тогда поставил
Легкий челп свой Гайавата,
Чтоб из чрева Мише-Намы,
В суматохе и тревоге,
Не упасть и не погибнуть.
Рядом белка, Аджидомо,
Резво прыгала, болтала,
Помогала Гайавате
И трудилась с ним все время.

И сказал ей Гайавата:
«О мой маленький товарищ!
Храбро ты со мной трудилась,
Так прими же, Аджидомо,
Благодарность Гайаваты
И то имя, что сказал я:
Этим именем все дети
Будут звать тебя отныне!»

И опять забился Нама,
Заметался, задыхаясь,
А потом затих — и волны
Понесли его к прибрежью.
И когда под Гайаватой
Зашуршал прибрежный щебень,
Понял он, что Мише-Нама,
Бездыханный, неподвижный,
Принесен волной к прибрежью.

Тут бессвязный крик и вопли
Услыхал он над собою,
Услыхал шум длинных крыльев,
Переполнивший весь воздух,
Увидал полоску света
Меж широких ребер Намы
И Кайошк, крикливых чаек,
Что блестящими глазами
На него смотрели зорко
И друг другу говорили:
«Это брат наш, Гайавата!»

И в восторге Гайавата
Крикнул им, как из пещеры:
«О Кайошк, морские чайки,
Братья, сестры Гайаваты!
Умертвил я Мише-Наму,—
Помогите же мне выйти
Поскорее на свободу,
Рвите клювами, когтями
Бок широкий Мише-Намы,
И отныне и вовеки
Прославлять вас будут люди,
Называть, как я вас назвал!»

Дикой, шумной стайей чайки
Прицелились за работу,
Быстро щели проклевали
Меж широких ребер Намы,
И от смерти в чреве Намы,
От гибели, от плена,
От могилы под водою
Был избавлен Гайавата.

Возле самого вигвама
Стал на берег Гайавата;
Тотчаскликнул он Нокомис,
Вызвал старую Нокомис
Посмотреть на Мише-Наму:
Мертвый он лежал у моря,
И его клевали чайки.

«Умертвил я Мише-Наму,
Победил его! — сказал он. —
Вон пад ним уж выются чайки.
То друзья мои, Нокомис!
Не гони их прочь, не трогай:
Я от смерти в чреве Намы
Был сейчас избавлен ими.
Пусть они свой пир окончат,
Пусть зобы наполнят пищей;
А когда, с заходом солнца,
Улетят они на глезда,
Припеси котлы и чаши,
Заготовь к зиме нам жиру».

И Покомис до заката
Просидела на побережье.
Вот и месяц, солнце ночи,
Встал пад тихою водою,
Вот и чайки с шумным криком,
Кончив пир свой, поднялися,
Полетели к отдаленным
Островам на Гитчи-Гюми,
И сквозь зарево заката
Долго их мелькали крылья.

Миршым слом спал Гайавата;
А Нокомис терпеливо
Приплася за работу
И трудилась в лунном свете
До зари, пока не стало
Небо красным па востоке.
А когда сменило солнце
Бледный месяц, — с отдаленных
Островов па Гитчи-Гюми
Воротились стаи чаек,
С криком кинулись на пищу.

Трое суток, чередуясь
С престарелою Нокомис,
Чайки жир срывали с Намы.
Накопец меж голых ребер

Волны начали плескаться,
Чайки скрылись, улетели,
И остались на побережье
Только кости Мише-Намы.

IX

ГАЙАВАТА И ЖЕМЧУЖНОЕ ПЕРО

На побережье Гитчи-Гюми,
Светлых под Большого Морл,
Вышла старая Нокомис,
Простирая в гневе руку
Над водой к стране заката,
К тучам огненным заката.

В гневе солнце заходило,
Пролагая путь багряный,
Зажигая тучи в небе,
Как вожди сжигают степи,
Отступая пред врагами;
А луна, почное солнце,
Вдруг восстала из засады
И направилась в погоню
По следам его кровавым,
В ярком зареве пожара.

И Нокомис, простирая
Руку слабую к закату,
Говорила Гайавате:
«Там живет волшебник злобный
Меджисогвон, Дух Богатства,
Тот, кого Пером Жемчужным
Называют все народы;
Там озера смоляные
Разливаются, чернея,
До багряных туч заката;
Там, среди трлсины мрачной,
Вьются огненные змеи,
Змеи страшные, Книэбик!
То храпители и слуги
Меджисогвона-убийцы.

Это им убит коварно
Мой отец, когда на землю
Он с луны за мной спустился
И меня искал повсюду.
Это злобный Меджисогвоп
Посылает к нам недуги,
Посылает лихорадки,
Дышит белой мглой с тундры,
Дышит сыростью болотных,
Смертоносных испарений!

Лук возьми свой, Гайавата,
Острых стрел возьми с собою,
Томагаук, Поггэвогон,
Рукавицы, Минджикэвоп,
И березовую лодку.
Желтым жиром Мише-Намы
Смажь бока ее, чтоб легче
Было плыть ей по болотам,
И убей ты чародел,
Отомсти врагу Нокомис,
Отомсти врагу народа!»

Быстро в путь вооружился
Благородный Гайавата;
Легкий челн он сдвинул в воду,
Потрепал его рукою,
Говоря: «Вперед, пирога,
Друг мой верный и любимый,
К змеям огненным, Килэбик,
К смоляным озерам черным!»

Гордо вдале неслась пирога,
Грозно песню боевую
Пел отважный Гайавата;
А над ним Кипю могучий,
Боевой орел могучий,
Вождь пернатых, с диким криком
В небесах кругами плавал.

Скоро он и змей увидел,
Исполинских змей увидел,

Что лежали средь болота,
Ежась, искрясь средь болота,
На пути сплетаясь в кольца,
Поднимаясь, наполняя
Воздух огненным дыханьем,
Чтоб никто не мог проникнуть
К Меджисогвону в жилище.

Но бесстрашный Гайавата,
Громко крикнув, так сказал им:
«Прочь с дороги, о Кинэбик!
Прочь с дороги Гайаваты!»
А они, свирепо ежась,
Отвечали Гайавате
Свистом, огненным дыханьем:
«Отступи, о Шогодай!
Воротись к Ноконис старой!»

И тогда во гневе подпаял
Мощный лук свой Гайавата,
Сбросил с плеч колчан — и начал
Поражать их беспощадно:
Каждый звук тугой и крепкой
Тетивы был криком смерти,
Каждый свист стрелы певучей —
Песнью смерти и победы!

Тяжело в воде кровавой
Змеи мертвые качались,
И победно Гайавата
Плыл меж ними, восклицая:
«О, вперед, моя пирога,
К смоляным озерам черным!»

Желтым жиром Мише-Намы
Он бока и пос пироги
Густо смазал, чтобы легче
Было плыть ей по болотам.
И до света одиноко
Плыл он в этом сонном море,
Плыл в воде, густой и черной,

Вековой корой покрытой
От размытых и гниющих
Камышей и листьев лилий;
И безжизненно и мрачно
Перед ним вода блестела,
Озаренная луною,
Озаренная мерцаньем
Огоньков, что зажигают
Души мертвых на столиках
В час тоскливой, долгой ночи.

Белым месячным сияньем
Тихий воздух был наполнен;
Тени ночи по болотам
Далеко кругом чернели;
А москиты Гайавате
Пели песню боевую;
Светляки, блестя, кружились,
Чтобы сбить его с дороги,
И в густой воде Дагинда
Тяжело зашевелилась,
Тупо желтыми глазами
Поглядела на пирогу,
Зарыдала — и исчезла;
И мгновенно огласилось
Все кругом стозвучным свистом,
И Шух-шух-га издадека
С камышового побережья
Возвестила громким криком
О прибытии героя.

Так держал путь Гайавата,
Так держал оп путь на запад,
Плыл всю ночь, пока не скрылся
С неба бледный, полный месяц.
А когда пригрело солнце,
Стало плечи жечь лучами,
Увидал оп пред собою
На холме Вигнам Жемчужный —
Меджисогвова жилище.

Вновь тогда своей пироге
Он сказал: «Вперед!» — и быстро,
Величаво и победно
Пропеслась она средь лилий,
Через густой прибрежный иппажник.
И на берег Гайавата
Вышел, ног не замочивши.

Тотчас взял он лук свой перный,
Утвердил в песке, коленом
Надавил посередине
И могучей тетивую
Запустил стрелу-певунью,
Запустил в Вигвам Жемчужный,
Как гонца с своим посланьем,
С гордым вызовом на битву:
«Выходи, о Меджисогвон:
Гайавата ожидает».

Быстро вышел Меджисогвон
Из Жемчужного Вигвама,
Быстро вышел он, могучий,
Рослый и широкоплечий,
Сумрачный и страшный видом,
С головы до ног покрытый
Украшениями, оружием,
В алых, синих, желтых красках.
Словно небо на рассвете,
В разпевающихся перьях
Из орлиных длинных крыльев.

«А, да это Гайавата! —
Громко крикнул он с насмешкой,
И, как гром, тот крик раздался. —
Отступи, о Шогодай!
Уходи скорее к бабам,
Уходи к Нокомис старой!
Я убью тебя на месте,
Как ее отца убил я!»

Но без страха, без смущенья
Отвечал мой Гайавата:
«Хвастовством и грубым словом
Не сразишь, как томагавком;
Дело лучше слов бесплодных,
И острее насмешек стрелы.
Лучше действовать, чем хвастать!»

И начался бой великий,
Бой, невиданный под солнцем!
От восхода до заката —
Целый летний день он длился,
Ибо стрелы Гайаваты
Бесполезно ударялись
О жемчужную кольчугу.
Бесполезны были даже
Рукавицы, Минджикэвон,
И тяжелый томагавк:
Раздроблять он мог утесы,
Но не мог разбить он дивной,
Заколдованной кольчуги.

Наконец перед закатом,
Весь израненный, усталый,
С расщепленным томагавком,
С рукавицами в лохмотьях
И с тремя стрелами только,
Гайавата безнадежно
На упругий лук склонился
Под старинною сосною;
Мох с ветвей ее тянулся,
А на пне грибы желтели,—
Мертвцов печальных обувь.

Вдруг зеленый дятел, Мэма,
Закричал над Гайаватой:
«Целься в темя, Гайавата,
Прямо в темя чародея,
В корни кос ударь стрелю:
Только там и уязвим он!»

В легких перьях, в халцедоне,
Понеслась стрела-певунья
В тот момент, как Меджисогвоп
Поднимал тяжелый камень,
И вонзилась прямо в темя,
В корни длинных кос вонзилась.
И споткнулся, зашатался
Меджисогвоп, словно буйвол,
Да, как буйвол, пораженный
На лугу, покрытом снегом.

Вслед за первую стрелою
Полетела и вторая,
Понеслась быстрее первой,
Поразила глубже первой;
И колени чародея,
Как тростник, затрепетали,
Как тростник, под ним согнулись.

А последняя взвилась
Легче всех — и Меджисогвоп
Увидал перед собою
Очи огненные смерти,
Услыхал из мрака голос,
Голос Погока призывный.
Без дыхания, без жизни
Пал могучий Меджисогвоп
На песок пред Гайаватой.

Благодарный Гайавата
Взял тогда немного крови
И, позвав с сосны печальной
Дятла, выкрасил той кровью
На головке дятла гребень
За его услугу в битве;
И доньше Мама носит
Хохолок из красных перьев.

После, в знак своей победы.
В память битвы с чародеем,

Он сорвал с него кольчугу
И оставил без призора
На песке прибрежном тело.
На песке оно лежало,
Погребенное по пояс,
Головой поникнув в воду;
А над ним кружился с криком
Боевой орел могучий,
Плавал медленно кругами,
Тихо, тихо вниз спускаясь.

Из вигвама чародея
Гайавата спес в пирогу
Все сокровища, весь вампум,
Снес меха бобров, бизонов,
Соболей и горностаев,
Питки жемчуга, колчапы
И серебряные стрелы —
И поплыл домой, ликуя,
С громкой песнею победы.

Там к нему на берег вышли
Престарелая Покомис,
Чайбайабос, мощный Квазинд;
А народ героя встретил
Пляской, пением, восклицая:
«Слава, слава Гайавате!
Побежден им Меджисогвоп,
Побежден волшебник злобный!»

Навсегда остался дорог
Гайавате длтел, Мэма.
В честь его и в память битвы
Он свою украсил трубку
Хохолком из красных перьев,
Гребешком багровым Мэмы,
А богатства чародея
Разделил с своим народом,
Разделил по равной части.

X
СВАТОВСТВО ГАЙАВАТЫ

«Муж с женой подобен луку,
Луку с крепкой тетивой;
Хоть она его сгибает,
Но ему сама послушна,
Хоть она его и тянет,
Но сама с ним неразлучна;
Порознь оба бесполезны!»

Так раздумывал нередко
Гайавата и томился
То отчаяньем, то страстью,
То тревожною надеждой,
Предаваясь пылким грезам
О прекрасной Миннегаге
Из страны Дакотов диких.

Осторожная Нокомис
Говорила Гайавате:
«Не женись на чужеземке,
Не ищи жены по свету!
Дочь соседа, хоть простая,—
Что очаг в родном вигваме,
Красота же чужеземки —
Это лунный свет холодный,
Это звездный блеск далекий!»

Так Нокомис говорила.
Но разумно Гайавата
Отвечал ей: «О Нокомис!
Мил очаг в родном вигваме,
Но милей мне звезды в небе,
Ясный месяц мне милее!»

Строго старая Нокомис
Говорила: «Нам не нужно
Праздных рук и ног ленивых;
Приведи жену такую,

Чтоб работала с любовью,
Чтоб проворны были руки,
Ноги двигались охотно!»

Улыбался, Гайавата
Молвил: «Я в земле Дакотов
Стрелоделателя знаю;
У него есть дочь-невеста,
Что прекрасней всех прекрасных;
Я введу ее в вигвам твой,
И она тебе в работе
Будет дочерью покорной,
Будет лушным, звездным светом,
Огоньком в твоём вигваме,
Солнцем нашего народа!»

Но опять свое твердила
Осторожная Нокомис:
«Не вводи в мое жилище
Чужеземку, дочь Дакота!
Злобны дикие Дакоты,
Часто мы воюем с ними,
Распри наши не забыты,
Раны наши не закрылись!»

Усмехался, Гайавата
И на это ей ответил:
«Потому-то и пойду я
За невестой в край Дакотов,
Для того пойду, Нокомис,
Чтоб окончить наши распри,
Залечить навеки раны!»

И пошел в страну красавиц,
В край Дакотов, Гайавата,
В путь далекий по долинам,
В тишине равнин пустынных,
В тишине лесов дремучих.

С каждым шагом делал мило
Он в волшебных мокалинах;
Но быстрее бежали мысли,

И дорога беспечной
Показалась Гайзате.
Наконец, в безмолвье леса,
Услыхал он гул потоков,
Услыхал призывный грохот
Водопадов Миннегаги.
«О, как весел,— прошептал он,—
Как отраден этот голос,
Призывающий в молчанье!»

Меж деревьев, где играли
Свет и тени, он увидел
Стадо чуткое оленей.
«Не сплосай!» — сказал он луку,
«Будь верней!» — стреле промолвил,
И когда стрела-певунья,
Как оса, впилась в оленя,
Он взвалил его на плечи
И пошел еще быстрее.

У дверей, в своем вигваме,
Вместе с милой Миннегагой,
Стрелоделатель работал.
Он точил на стрелы яшму,
Халцедон точил блестящий,
А она плела в раздумье
Тростниковые циновки;
Все о том, что будет с нею,
Тихо девушка мечтала,
А старик о прошлом думал.

Вспоминал он, как, бывало,
Вот такими же стрелами
Поражал он на долинах
Робких ланей и бизопов,
Поражал в лугах зеленых
На лету гусей крикливых;
Вспоминал и о великих
Боевых отрядах прежних,
Покупавших эти стрелы.
Ах, уж нет теперь подобных

Славных воинов на свете!
Ныне воины, что бабы:
Языком болтают только!

Миннегага же в раздумье
Вспомнивала, как весною
Приходил к отцу охотник,
Стройный юпоша-красавец
Из земли Оджибуэв,
Как сидел он в их вигваме,
А простившись, обернулся,
На нее взглянул украдкой.
Сам отец потом нередко
В нем хвалил и ум и храбрость.
Только будет ли он снова
К водопадам Миннегаги?
И в раздумье Миннегага
Вдаль рассеянно глядела,
Опускала праздно руки.

Вдруг почудился ей шорох,
Чья-то поступь в чаде леса,
Шум ветвей,— и чрез мгновенье.
Разрумяненный ходьбою,
С мертвой ланью за плечами,
Стал пред нею Гайавата.

Строгий взор старик на гостя
Быстро вскинул от работы,
Но, узнавши Гайавату,
Отложил стрелу, поднялся
И просил войти в жилище.
«Будь здоров, о Гайавата!» —
Гайавате он промолвил.

Пред невестой Гайавата
Сбросил с плеч свою добычу,
Положил пред ней оленя;
А она, подняв ресницы,
Отвечала Гайавате
Кроткой лаской и приветом:
«Будь здоров, о Гайавата!»

Из оленьей крепкой кожи
Сделан был вигвам просторный,
Побелен, богато убран
И дакотскими богами
Разрисован и расписан.
Двери были так высоки,
Что, входя, едва нагнулся
Гайавата на пороге,
Чуть коснулся занавесок
Головой в орлиных перьях.

Встала с места Миннегага,
Отложив свою работу,
Принесла к обеду пищи,
За водой к ручью сходила
И стыдливо подавала
С пищей глиняные миски,
А с водой — ковши из липы.
После села, стала слушать
Разговор отца и гостя,
Но сама во всей беседе
Ни словечка не сказала!

Да, как будто сквозь дремоту
Услыхала Миннегага
О Нокомис престарелой,
Воспитавшей Гайавату,
О друзьях его любимых
И о счастье, о довольстве
На земле Оджибуэев,
В тишине долины веселых.

«После многих лет раздора,
Многих лет борьбы кровавой
Мир настал теперь в селеньях
Оджибвеев и Дакотов! —
Так закончил Гайавата,
А потом прибавил тихо: —
Чтобы этот мир упрочить,
Закрепить союз сердечный,

Закрепить навеки дружбу,
Дочь свою отдай мне в жены,
Отпусти в мой край родимый,
Отпусти к нам Миннегагу!»

Призадумался немного
Старец, прежде чем ответить,
Покурил в молчанье трубку,
Посмотрел на гостя гордо,
Посмотрел на дочь с любовью
И ответил очень важно:
«Это воля Миннегаги.
Как решишь ты, Миннегага?»

И смутилась Миннегага,
И еще милей и краше
Стала в девичьем смущенье.
Робко рядом с Гайаватой
Опустилась Миннегага
И, краснея, отвечала:
«Я пойду с тобою, муж мой!»

Так решила Миннегага!
Так сосватал Гайавата,
Взял красавицу невесту
Из страны Дакотов диких!

Из вигвама рядом с нею
Он пошел в родную землю.
По лесам и по долинам
Шли они рука с рукою,
Оставляя одиноким
Старика-отца в вигваме,
Покидал водопады,
Водопады Миннегаги,
Что зывали издавека:
«Добрый путь, о Миннегага!»

А старик, простившись с ними,
Сел на солнышко к порогу

И, копаясь за работой,
Бормотал: «Вот так-то дочки!
Любишь их, лелеешь, холишь,
А дождешься их опоры,
Глядь — уж юноша приходит,
Чужеземец, что на флейте
Поиграет да побродит
По деревне, выбирая
Покрасивее невесту,—
И простись навеки с дочкой!»

Весел был их путь далекий
По холмам и по долинам,
По горам и по ущельям,
В тишине лесов дремучих!
Быстро время пролетало,
Хоть и тихо Гайавата
Шел теперь для Миннегаги,
Чтоб она не утомилась.

На руках через стремнины
Нес он девушку с любовью,—
Легким перышком казалась
Эта поша Гайавате.
В дебрях леса, под ветвями,
Он прокладывал тропинки,
На ночь ей шалаш построил,
Постелил постель из листьев
И развел костер у входа
Из сухих сосновых шишек.

Ветерки, что вечно бродят
По лесам и по долинам,
Путь держали вместе с ними;
Звезды чутко охраняли
Мирный сон их темной ночью;
Белка с дуба зорким взглядом
За влюбленными следила,
А Вабассо, белый кролик,
Убегая от них с тропинки

И, встав на задних лапках,
Из поры глядел украдкой
С любопытством и со страхом.

Весел был их путь далекий!
Птицы сладко щебетали,
Птицы звонко пели песни
Мирной радости и счастья.
«Ты счастлив, о Гайавата,
С кроткой, любящей женою!» —
Пел Овейса сипеперый.
«Ты счастлива, Миннегага,
С благородным, мудрым мужем!» —
Опеч пел красногрудый.

Солнце ласково глядело
Сквозь тенистые деревья,
Говорило им: «О дети!
Злоба — тьма, любовь — свет солнца,
Жизнь играет тьмой и светом,—
Правь любовью, Гайавата!»

Месяц с неба в час полночный
Заглянул в шалаш, наполнил
Мрак таинственным сияньем
И шепнул им: «Дети, дети!
Ночь тиха, а день тревожен;
Женщ слабы и покорны,
А мужья властолюбивы,—
Правь терпением, Миннегага!»

Так они достигли дома,
Так в вигвам Нокомис старой
Возвратился Гайавата
Из страны Дакотов диких,
Из страны красивых женщин,
С Миннегагою прекрасной.
И была она в вигваме
Огоньком его вечерним,
Светом лунным, светом звездным,
Светлым солнцем для народа.

XI
СВАДЕБНЫЙ ПИР ГАЙАВАТЫ

Стану петь, как По-Пок-Кивис,
Как красавец Йенадиззи
Танцевал под звуки флейты,
Как учтивый Чайбайабос,
Сладкогласый Чайбайабос
Песни пел любви-томленья,
И как Ягу, дивный мастер
И рассказывать и хвастать,
Сказки сказывал на свадьбе,
Чтобы пир был веселее,
Чтобы время шло приятней,
Чтоб довольны были гости!

Пышный пир дала Нокомис,
Пышно праздновала свадьбу!
Чаши были все из липы,
Ярко-белые и с глянцем,
Ложки были все из рога,
Ярко-черные и с глянцем.

В знак торжественного пира,
Приглашения на свадьбу,
Всем соседям ветви ивы
В этот день она послала;
И соседи собралися
К пиру в праздничных нарядах,
В дорогих мехах и перьях,
В разноцветных ярких красках,
В пестром ватпуме и бусах.

На пиру они сначала
Осетра и щуку ели,
Приготовленных Нокомис;
После — пимикан олений,
Пимикан и мозг бизопа,
Горб быка и ляжку лани,
Рис и желтые лепешки
Из толченой кукурузы.

Но радушный Гайавата,
Миннегага и Нокомис
При гостях не сели к пише:
Только потчевали молча,
Только молча им служили.
А когда обед был кончен,
Хлопотливая Нокомис
Из большого меха выдры
Тотчас каменные трубки
Табакom пабила южным,
Табакom с травой пахучей
И с корою красной ивы.

После ласково сказала:
«Протанцуй нам, По-Пок-Кивис,
Танец Нищего веселый,
Чтобы пир был веселее,
Чтобы время шло приятней,
Чтоб довольны были гости!»

И красавец По-Пок-Кивис,
Беззаботный Йенадиззи,
Озорник, всегда готовый
Веселиться и буянить,
Тотчас встал среди собрания.
Ловок был он в плясках, в танцах,
В состязаньях и забавах,
Смел и ловок в разных играх,
Даже в самых трудных играх!
На деревне По-Пок-Кивис
Слыл пропащим человеком,
Игроком, лептяем, трусом;
Но насмешки и прозванья
Не смущали Йенадиззи:
Ведь зато он был красавец
И большой любимец женщин!

Оя стоял в одежде белой
Из пушистой ланьей шкуры,
Окаймленной горностаем,
Густо вампумом расшитой

И ежовую щетинкой;
В головном его уборе
Колыхался пух лебяжий;
На козловых мокасинах
Красовались иглы, бисер
И хвосты лисиц — на пятках;
А в руках держал он трубку
И большое опахало.

Краской желтою и красной,
Краской алою и синей
Все лицо его сияло;
В косы, смазанные маслом
И с пробором, как у жепщины,
Вплетены гирияпы были
Из пахучих трав и листьев.
Вот как убран и наряжен
Встал красавец По-Пок-Кивис,
Встал при звуках флейт и песен,
Голосов и барабанов,
И свой дивный танец начал.

Танцевал он прежде важно,
Выступая меж деревьев —
То под тенью, то на солнце —
Мягким шагом, как пантера;
После — все быстрее, быстрее,
Закружился, завертелся,
Вкруг вигвама начал прыгать
Через головы сидящих,
Так, что ветер, пыль и листья
Понеслись за ним кругами!

А потом вдоль Гитчи-Гюми,
По песчаному побережью,
Как безумный, он помчался,
Ударяя с дикой силой
Мокасинами о землю,
Так, что ветер стал уж бурей,
Засвистал песок, вздымался,
Словно вьюга по пустыне,

И покрылося побережье
Все холмами Нэго-Воджу.
Так веселый По-Пок-Кивис
Талец Ницшего оковчил
И, окончив, возвратился
К месту пира, сел с гостями,
Сел, спокойно улыбаясь
И махая опахалом.

После друга Гайаваты,
Чайбайабоса, просили:
«Спой нам песню, Чайбайабос,
Песню страсти, песню неги,
Чтобы пир был веселее,
Чтобы время шло приятней,
Чтоб довольны были гости!»

И прекрасный Чайбайабос
Спел им нежно, сладкозвучно,
Спел в волнении глубоком
Песню страсти, песню неги;
Все смотря на Гайавату,
Все смотря на Миннегагу,
Тихо пел он эту песню:

«Очнѣ! Проснись, родная!
Ты, лесной цветочек дикий,
Ты, лугов зеленых птичка,
Птичка дикая, певунья!

Взор твой кроткий, взор косули,
Так отраден, так отраден,
Как роса для нежных лилий
В час вечерний на долине!

А твое дыханье сладко,
Как цветов благоуханье,
Как дыханье их зарею
В Месяц Падающих Листьев!

Не стремлюсь ли я всем сердцем
К сердцу милой, к сердцу милой,
Как ростки стремятся к солнцу
В тихий Месяц Светлой Ночи?

Онэвэ! Трепещет сердце
И поет тебе в восторге,
Как поют, вздыхают ветви
В ясный Месяц Земляники!

Загрустишь ли ты, родная,—
И мое темнеет сердце,
Как река, когда над нею
Облака бросают тени!

Улыбнешься ли, родная,—
Сердце вновь дрожит и блещет,
Как под солнцем блещут волны,
Что рябит холодный ветер!

Пусть улыбкою сияют
Небеса, земля и воды —
Не могу я улыбаться,
Если милой я не вижу!

Я с тобой, с тобой! Взгляни же!
Кровь трепещущего сердца!
О, проснись! Проснись, родная!
Онэвэ! Проснись, родная!»

Так прекрасный Чайбайабос
Песню пел любви-томленья;
И хвастливый, старый Ягу,
Удивительный рассказчик,
Слушал с завистью, как гости
Восторгались сладким пеньем;
Но потом, по их улыбкам,
По глазам и по движениям,
Увидал, что все собранье
С нетерпеньем ожидает
И его веселых басен,
Непомерно-живых сказок.

Очень был хвастлив мой Ягу!
В самых дивных приключениях,
В самых смелых предприятиях —
Всюду был героем Ягу:
Он узнал их не по слухам,
Он воочию их видел!

Если б только Ягу слушать,
Если б только Ягу верить,
То нигде никто из лука
Не стреляет лучше Ягу,
Не убил так много ланей,
Не поймал так много рыбы
Иль речных бобров в капкаши.

Кто резвее всех в деревне?
Кто всех дальше может плавать?
Кто ныряет всех смелее?
Кто постранствовал по свету
И диковин насмотрелся?
Уж конечно, это Ягу,
Удивительный рассказчик!

Имя Ягу стало шуткой
И пословицей в народе;
И когда хвастун-охотник
Чересчур охотой хвастал
Или воин завирался,
Возвратившись с поля битвы,
Все кричали: «Ягу, Ягу!
Новый Ягу появился!»

Это он связал когда-то
Из коры зеленой липы
Люльку жилами оленя
Для малютки Гайаваты.
Это он ему позднее
Показал, как надо делать
Лук из ясени упругой,
А из сучьев дуба — стрелы.

Вот каков был этот Ягу,
Безобразный, старый Ягу,
Удивительный рассказчик!

И промолвила Нокомис:
«Расскажи нам, добрый Ягу,
Почудесней сказку, басню,
Чтобы пир был веселее,
Чтобы время шло приятней,
Чтоб довольны были гости!»

И ответил Ягу тотчас:
«Вы услышите сегодня
Повесть — дивное сказанье
О волшебнике Оссэо,
Что сошел с Звезды Вечерней!»

XII

СЫН ВЕЧЕРНЕЙ ЗВЕЗДЫ

То не солнце ли заходит
Над равниной водяною?
Иль то раненый фламинго
Тихо плавает, летает,
Обагрят волны кровью,
Кровью, падающей с перьев,
Наполняет воздух блеском,
Блеском длинных красных перьев?

Да, то солнце утопает,
Погружался в Гитчи-Гюми;
Небеса горят багрянцем,
Воды блещут алой краской!
Нет, то плавает фламинго,
В волны красные ныряя;
К небесам простер он крылья
И окрасил волны кровью!

Огонек Звезды Вечерней
Тает, в пурпуре трепещет,
В полумгле висит над морем.

Нет, то вампум серебрится
На груди Владыки Жизни,
То Великий Дух проходит
Над темнеющим закатом!

На закат смотрел с восторгом
Долго, долго старый Ягу;
Вдруг воскликнул: «Посмотрите!
Посмотрите на священный
Огонек Звезды Вечерней!
Вы услышите сказанье
О волшебнике Оссро,
Что сошел с Звезды Вечерней!

В незапамятные годы,
В дни, когда еще для смертных
Небеса и сами боги
Были ближе и доступней,
Жил на севере охотник
С молодыми дочерями;
Десять было их, красавиц,
Стройных, гибких, словно ива,
Но прекрасней всех меж ними
Овипи была, меньшая.

Вышли девушки все замуж,
Все за воинов отважных,
Овипи одна не скоро
Жениха себе сыскала.
Своеправпа и сурова,
Молчалива и печальпа
Овипи была — и долго
Женихов, красавцев юных,
Прогоняла прочь с насмешкой,
А потом взяла да вышла
За убогого Оссро!
Нищий, старый, безобразный,
Вечно кашлял он, как белка.

Ах, но сердце у Оссро
Было юным и прекрасным!
Он сошел с Звезды Заката,

Он был сын Звезды Вечерней,
Сын Звезды любви и страсти!
И огонь ее, и чары,
И краса, и блеск лучистый —
Все в груди его таилось,
Все в речах его сверкало!

Женихи, любовь которых
Овнии отвергла гордо, —
Пенадиззи в ожерельях,
В пышных перьях, ярких красках,
Насмехались над нею;
Но она им так сказала:
«Что за дело мне до ваших
Ожереллий, красок, перьев
И насмешек непристойных!
Я счастлива за Оссэо!»

Раз в ненастный, темный вечер
Шли веселою толпою
На веселый праздник сестры, —
Шли на званый пир с мужьями;
Тихо следовал за ними
С молодой женой Оссэо.
Все шутили и смеялись —
Эти двое шли в молчанье.

На закат смотрел Оссэо,
Взор подняв, как бы с мольбою;
Отставал, смотрел с мольбою
На Звезду любви и страсти,
На трепещущий и нежный
Огонек Звезды Вечерней;
И расслышали все сестры,
Как шептал Оссэо тихо:
«Ах, товарищ нэмэшини, Ноза! —
Сжался, сжался, о отец мой!»

«Слышишь? — старшая сказала, —
Он отца о чем-то просит!
Право, жаль, что старикашка

Но споткнется на дороге,
Головы себе не сломит!»
И смеялись сестры злобно
Непристойным, громким смехом.

На пути их, в дебрях леса,
Дуб лежал, погибший в бурю,
Дуб-гигант, покрытый мохом,
Полусгнивший под листвою,
Почерневший и дуплистый.
Увидав его, Оссэо
Испустил вдруг крик тоскливый
И в дупло, как в яму, прыгнул.
Старым, дряхлым, безобразным
Он упал в него, а вышел —
Сильным, стройным и высоким,
Статным юношей, красавцем!

Так верпулася к Оссэо
Красота его и юность;
Но, увы, за ним мгновенно
Овини преобразилась!
Стала древнею старухой,
Дряхлой, жалкою старухой,
Поплелась с клюкой, согнувшись.
И смеялись все над нею
Непристойным, громким смехом.

Но Оссэо не смеялся,
Овини он не покинул,
Нежно взял ее сухую
Руку, темную, в морщинах,
Как дубовый лист зимою,
Называл своею милой,
Милым другом, Нинимуша,
И пришел с ней к месту пира,
Сел за трапезу в вигваме.
Тот вигвам в лесу построен
В честь святой Звезды Заката.

Очарованный мечтами,
На пиру сидел Оссэо.
Все шутили, веселились,
Но печален был Оссэо!
Не притронулся он к пище,
Не сказал ни с кем ни слова,
Не слышал речей веселых;
Лишь смотрел с тоской во взоре
То на Овипи, то кверху,
На сверкающие звезды.

И пронесся тихий шепот,
Тихий голос, зазвучавший
Из воздушного пространства,
От далеких звезд небесных.
Мелодично, смутно, нежно
Говорил он: «О Оссэо!
О возлюбленный, о сын мой!
Тяготели пад тобою
Чары злобы, темной силы,
Но разрушены те чары;
Встань, приходи ко мне, Оссэо!

Яств отведай этих дивных,
Яств вкуси благословенных,
Что стоят перед тобою;
В них волшебная есть сила:
Их вкусив, ты станешь духом;
Все твои котлы и блюда
Не простой посудой будут:
Серебром котлы заблещут,
Блюда — в вампум превратятся.
Будут все огнем светиться,
Блеском раковин пурпурных.

И спадет проклятье с женщин,
Иго тягостной работы:
В птиц они все превратятся,
Засияют звездным светом,
Ярким отблеском заката
На вечерних нежных тучках».

Так сказал небесный голос;
Но слова его понятны
Были только для Оссэо,
Остальным же он казался
Грустным пеньем Вавонэйсы,
Пеньем птиц во мраке леса,
В отдаленных чащах леса.

Вдруг жилище задрожало,
Зашаталось, задрожало,
И почувствовали гости,
Что возносятся на воздух!
В небеса, к далеким звездам,
В темноте ветвистых сосен,
Плыл вигвам, минуя ветви,
Миновал — и вот все блюда
Засияли алой краской,
Все котлы из сизой глины —
Вмиг серебряными стали,
Все шесты вигвама ярко
Засверкали в звездном свете,
Как серебряные прутья,
А его простая кровля —
Как жуков блестящих крылья.

Поглядел кругом Оссэо
И увидел, что и сестры,
И мужья сестер-красавиц
В разных птиц все превратились:
Были тут скворцы с дроздами,
Были сойки и сороки,
И все прыгали, порхали,
Охорашивались, пели,
Щеголяли блеском перьев,
Распускали хвост, как веер.

Только Овиани осталась
Дряхлой, жалкою старухой
И в тоске сидела молча.
Но, взглянувши вверх, Оссэо
Испустил вдруг крик тоскливый,

Вопль отчаянья, как прежде,
Над дуплистым старым дубом,
И мгновенью к пей вернулась
Красота ее и юность;
Все ее лохмотья стали
Белым мехом горносталя,
А клюка — пером блестящим,
Да, серебряным, блестящим!

И опять вигвам поднялся,
В облаках поплыл прозрачных,
По воздушному течению,
И пристал к Звезде Вечерней, —
На звезду спустился тихо,
Как снежинка на снежинку,
Как листок на волны речки,
Как пушок репейный в воду.

Там с приветливой улыбкой
Вышел к ним отец Оссро,
Старец с кротким, ясным взором,
С серебристыми кудрями,
И сказал: «Повесь, Оссро,
Клетку с птицами своими,
Клетку с пестрой птичьей стаей,
У дверей в моем вигваме!»

У дверей повесив клетку,
Он вошел в вигвам с женою,
И тогда отец Оссро,
Властелин Звезды Вечерней,
Им сказал: «О мой Оссро!
Я мольбы твои услышал,
Возвратил тебе, Оссро,
Красоту твою и юность,
Превратил сестер с мужьями
В разноперых птиц за шутки,
За насмешки над тобою.
Не сумел никто меж ними
Оценить в убогом старце,
В жалком образе калеки

Сердца пылкого Оссэо,
Сердца вечно-молодого.
Только Овини сумела
Оценить тебя, Оссэо!

Там, на звездочке, что светит
От Звезды Вечерней влево,
Чародей живет, Вэбино,
Дух и зависти и злобы;
Превратил тебя он в старца.
Берегись лучей Вэбино:
В них волшебная есть сила,—
Это стрелы чародея!»

Долго, в мире и согласье,
На Звезде Вечерней мирной
Жил с отцом своим Оссэо;
Долго в клетке над вигвамом
Птицы пели и порхали
На серебряных шесточках,
И супруга молодая
Родила Оссэо сына:
В мать он вышел красотою,
А в отца — дородным видом.

Мальчик рос, мужал с летами,
И отец, ему в утеху,
Сделал лук и стрел наделал,
Отворил большую клетку
И пустил всех птиц на волю,
Чтоб, стреляя в теток, в дидей,
Позабавился малютка.

Там и сям они кружились,
Наполяя воздух звонким
Пеньем счастья и свободы,
Блеском перьев разноцветных;
Но напряг свой лук упругий,
Запустил стрелу из лука
Мальчик, маленький охотник —
И упала с ветки птичка,

В ярких перышках, на землю,
Насмерть раненная в сердце.

Но — о чудо! — уж не птицу
Видит он перед собою,
А красавицу младую
С роковой стрелою в сердце!

Кровь ее едва упала
На священную планету,
Как разрушились чары,
И стрелок отважный, юный
Вдруг почувствовал, что кто-то,
По воздушному пространству,
В облаках его спускает
На зеленый, зланный остров
Посреди Большого Моря.

Вслед за ним блестящей стаей
Птицы падали, летели,
Как осеннею порою
Листья падают, пестрея;
А за птицами спустился
И виггам с блестящей кровлей,
На серебряных стропилах,
И принес с собой Оссэо,
Овиши принес с собою.

Вновь тут птицы превратились,
Получили образ смертных,
Образ смертных, но не рост их:
Все Пигмеями остались,
Да, Пигмеями — Пок-Вэджис,
И на острове скалистом,
На его прибрежных мелях,
И доныне хороводы
Водят летними почамн,
Под Вечернею Звездю.

Это их чертог блестящий
Виден в тихий летний вечер;
Рыбаки с побережья часто

Слышат их веселый говор,
Видят танцы в звездном свете».

Кончив свой рассказ чудесный,
Кончив сказку, старый Ягу
Всех гостей обвел глазами
И торжественно промолвил:
«Есть возвышенные души,
Есть непонятые люди!
Я знавал таких немало,
Зубоскалы их нередко
Даже на смех поднимают,
Но насмешники должны бы
Чаще думать об Оссэо!»

Очарованные гости
Повесть слушали с восторгом
И рассказчика хвалили,
Но шептались друг с другом:
«Неужель Оссэо — Ягу,
Мы же — тетушки и дяди?»

После снова Чайбайабос
Пел им песнь любви-томлеья,
Пел им пежно, сладкозвучно
И с задумчивой печалью
Песню девушки, скорбящей
Об Алгонкине, о милом.

«Горе мне, когда о милом,
Ах, о милом я мечтаю,
Все о нем томлюсь-тоскую,
Об Алгонкине, о милом!

Ах, когда мы расставались,
Он на память дал мне вампум,
Белоснежный дал мне вампум,
Мой возлюбленный, Алгонкин!

Я пойду с тобой, — шептал он, —
Ах, в твою страну родную;
О, позволь мне, — прошептал он,
Мой возлюбленный, Алгонкин!

Далеко,— я отвечала,—
Далеко,— я прошептала,—
Ах, страна моя родная,
Мой возлюбленный, Алгонкиня!

Обернувшись, я глядела,
На него с тоской глядела,
И в мои глядел он очи,
Мой возлюбленный, Алгонкин!

Он один стоял под ивой,
Под густой плакучей ивой,
Что роняла слезы в воду,
Мой возлюбленный, Алгонкин!

Горе мне, когда о милом,
Ах, о милом я мечтаю,
Все о нем томлюсь-тоскую,
Об Алгонкине, о милом!»

Вот как праздновали свадьбу!
Вот как пир увеселяли
По-Пок-Кивис — бурной пляской,
Ягу — сказкою волшебной,
Чайбайабос — нежной песней.
С песней кончился и праздник,
Разошлись со свадьбы гости
И оставили счастливых
Гайавату с Миннегагой
Под покровом темной ночи.

ХIII

БЛАГОСЛОВЕНИЕ ПОЛЕЙ

Пой, о песнь о Гайавате,
Пой дни радости и счастья,
Безмятежные дни мира
На земле Оджибуэв!

Пой таинственный Мондамин,
Пой полей благословенье!

Погребен топор кровавый,
Погребен наеки в землю
Тяжкий, грозный томагук;
Позабыты клики битвы,—
Мир настал среди народов.
Мирно мог теперь охотник
Строить белую пирогу,
На бобров капканы ставить
И ловить сетями рыбу;
Мирно женщины трудились:
Гнали сладкий сок из клена,
Дикий рис в лугах собирали
И выделявали кожи.

Вкруг счастливого селенья
Зеленели пышно ивы,—
Вырастал Мондамин стройный
В глицевитых длинных перьях,
В золотистых мягких косах.
Это женщины весною
Обрабатывали ивы,—
Хоропили в землю маис
На равнинах плодородных;
Это женщины под осень
Желтый плащ с него срывали,
Обрывали косы, перья,
Как учил их Гайавата.

Раз, когда посев был кончен,
Рассудительный и мудрый
Гайавата обратился
К Миннегаге и сказал ей:
«Ты должна сегодня ночью
Дать полям благословенье;
Ты должна волшебным кругом
Обвести свои посевы,
Чтоб ничто им не вредило,
Чтоб никто их не коснулся!

В час ночной, когда все тихо,
В час, когда все тьмой покрыто,
В час, когда Дух Спа, Нэпавни,
Затворяет все вигвамы,
И пицье не слышит ухо,
И пицье не видит око,—
С ложка встань ты осторожно,
Все сними с себя одежды,
Обойди свои посевы,
Обойди кругом все нивы,
Только косами прикрыта,
Только тьмой ночной одета.

И обильней будет жатва;
От следов твоих на пице
Круг останется волшебный,
И тогда ни ржа, ни черви,
Ни стрекозы, Куо-ни-ши,
Ни тарантул, Соббикаши,
Ни кузнечик, Па-пок-кина,
Ни могучий Вэ-мок-квана,
Царь всех гусениц мохнатых,
Никогда не переступят
Круг священный и волшебный!»

Так промолвил Гайавата;
А ворон голодных стая,
Жадный Кáгаги, Царь-Ворон,
С шайкой черных мародеров,
Отдыхали в ближней роще
И смеялись так, что сосны
Содрогались от смеха,
От зловещего их смеха
Над словами Гайаваты.
«Ах, мудрец, ах, заговорщик!» —
Говорили птицы громко.

Вот простерлась ночь немал
Над полями и лесами;
Вот и скорбный Вавонэйса
В темноте запел тоскливо,

Притворил Дух Сна, Нэпавип,
Двери каждого вигвама,
И во мраке Миннегага
Поднялась безмолвно с ложа;
Все сияла она одежды
И, окутанная тьмою,
Без смущенья и без страха
Обошла свои посева,
Начертала по равнине
Круг полшебный и священный.

Только Полночь созерцала
Красоту ее во мраке;
Только смолкший Вавонэйса
Слышал тихое дыханье,
Трепет сердца Миннегаги,
Плотно мантией священной
Ночи мрак ее окутал,
Чтоб никто не мог хвастливо
Говорить: «Ее я видел!»

На заре, лишь день забрезжил,
Кагаги, Царь-Ворон, скликал
Шайку черных мародеров —
Всех дроздов, ворон и соек,
Что шумели на деревьях,
И бесстрашно устремился
На посевы Гайаваты,
На зеленую могилу,
Где покоился Мондамин.

«Мы Мондамина подыдем
Из его могилы тесной! —
Говорили мародеры. —
Нам не страшен след священный,
Нам не страшн круг волшебный,
Обведенный Миннегагой!»

Но разумный Гайавата
Все предвидел, все обдумал:
Слышал он, как издевались

Над его словами птицы.
«Ко, друзья мои,— сказал он,—
Ко, мой Кагаги, Царь-Ворон!
Ты с своею шайкой долго
Будешь помнить Гайавату!»

Он проснулся до рассвета,
Он для черных мародеров
Весь посев покрыл сетями,
Сам же лег в сосновой роще,
Стал в засаде терпеливо
Поджидать ворон и соек,
Поджидать дроздов и галок.

Вскоре птицами все поле
Зацестрело и покрылось;
Дикой, шумною ватагой,
С криком, карканьем нестройным,
Прицелись они за дело;
Но, при всем своем лукавстве,
Осторожности и знанье
Разных хитростей военных,
Не заметили, что скрывается
Недалеко их погибель,
И неожиданно очутились
Все в тенетах Гайаваты.

Грозно встал тогда он с места,
Грозно вышел из засады —
И объял великий ужас
Даже самых храбрых пленных!
Без пощады истреблял он
Их направо и налево,
И десятками их трупы
На шестах высоких вешал
Вкруг посевов освященных,
В знак своей кровавой мести!

Только Кагаги, Царь-Ворон,
Предводитель мародеров,
Пощажен был Гайаватой
И заложником оставлен.

Он полес его к вигваму
И веревкою из вяза,
Босвой веревкой плетных,
Привязал его на кровле.

«Кагаги, тебя,— сказал он,—
Как зачинщика разбоя,
Предводителя злодеев,
Оскорбивших Гайавату,
Я заложником оставляю:
Ты порукою мне будешь,
Что враги мои смирились!»

И остался черный пленник
Под вигвамом Гайаваты;
Злобно хмурился он, сидя
В блеске утреннего солнца,
Дико каркал он с досады,
Хлопал крыльями большими,—
Тщетно рвался на свободу,
Тщетно звал друзей на помощь.

Лето шло, и Шавондази
Посылал, вздыхая страстно,
Из полдневных стран на север
Негу пламенных лобзаний.
Рос и зрел на солнце манс
И во всем великолесье
Наконец предстал на нивах:
Нарядился в кисти, в перья,
В разноцветные одежды;
А блестящие початки
Малились сладким соком,
Засверкали из подсохших,
Разорвавшихся покровов.

И сказала Миннегаге
Престарелая Нокомис:
«Вот и Месяц Листопада!
Дикий рис в лугах уж собран,
И готов к уборке манс;

Время нам идти на нивы
И с Мондамином бороться —
Спать с него все перья, кисти,
Снять наряд зелено-желтый!»

И сейчас же Минипага
Вышла весело из дома
С престарелою Нокомис,
И они созвали женщин,
Молодежь к себе созвали,
Чтоб собирать созревший манс,
Чтоб лущить его початки.

Под душистой тенью сосен,
На траве лесной опушки
Старцы, воины сидели
И, покуривая трубки,
Важно, молча любовались
На веселую работу
Молодых людей и женщин,
Важно слушали в молчанье
Шумный говор, смех и пенье:
Как Опечи на вигваме,
Пели девушки на ниве,
Как сороки, стрекотали
И смеялись, точно сойки.

Если девушке счастливой
Попадался очень спелый,
Весь пурпуровый початок,
«Нэшка! — все кругом кричали: —
Ты счастливница, — ты скоро
За красавца замуж выйдешь!»
«Уг!» — согласно отзывались
Из-под темных сосен старцы.

Если ж кто-нибудь на ниве
Находил кривой початок,
Вялый, ржавчиной покрытый,
Все смеялись, пели хором,
Шли, хромая и согнувшись,

Точно дряхлый старикашка,
Шли и громко пели хором:
«Вагэмни, степной воришка,
Пэмосад, ночной грабитель!»

И звенело поле смехом;
А на кровле Гайаваты
Каркал Кагаги, Царь-Ворон,
Бился в ярости бессильной.
И на всех соседних слях
Раздавались, не смолкая,
Крики черных мародеров.
«Уг!» — с улыбкой отзывались
Из-под темных сосен старцы.

XIV

ПИСЬМЕНА

«Посмотри, как быстро в жизни
Все забвенье поглощает!
Блекнут славные преданья,
Блекнут подвиги героев;
Гибнут знанья и искусство
Мудрых Мидов и Вэбиннов,
Гибнут дивные виденья,
Грезы вещей Джосакидов!

Память о великих людях
Умирает вместе с ними;
Мудрость наших дней исчезнет,
Не достигнет до потомства,
К поколениям, что сокрыты
В тьме таинственной, великой
Дней безгласных, дней грядущих.

На гробницах наших предков
Нет ни знаков, ни рисунков.
Кто в могилах, — мы не знаем,
Знаем только — наши предки;
Но какой их род иль племя,

Но какой их древний Тотэм —
Бобр, Орел, Медведь, — не знаем;
Знаем только: «это предки».

При свиданье — с глазу на глаз
Мы ведем свои беседы;
Но, расставшись, мы вверяем
Наши тайны тем, которых
Посылаем мы друг к другу;
А посланники передко
Искажают наши вести
Иль другим их открывают».

Так сказал себе однажды
Гайавата, размышляя
О родном своем народе
И бродя в лесу пустынном.

Из мешка он вынул краски,
Всех цветов он вынул краски
И на гладкой на бересте
Много сделал тайных знаков,
Дивных и фигур и знаков;
Все они изображали
Наши мысли, наши речи.

Гитчи Манито могучий
Как лицо был нарисован;
Выдающиеся точки
На лице — обозначали
Все четыре ветра неба.
«Вездесущ Владыка Жизни» —
Вот что значил этот символ.

Митчи Манито могучий,
Властелин всех Духов Злобы,
Был представлен на рисунке,
Как великий змей, Князёнок.
«Пресмыкается Дух Злобы,
Но лукав и изворотлив» —
Вот что значил этот символ.

Белый круг был знаком жизни,
Черный круг был знаком смерти;
Дальше шли изображения
Неба, звезд, луны и солнца,
Вод, лесов и горных высей,
И всего, что населяет
Землю вместе с человеком.

Для земли нарисовал он
Краской линию прямую,
Для небес — дугу над нею,
Для восхода — точку слева,
Для заката — точку справа,
А для полдня — на вершине.
Все пространство под дугою
Белый день обозначало,
Звезды в центре — время ночи,
А волнистые полосы —
Тучи, дождь и непогоду.

След, направленный к вигваму,
Был эмблемой приглашенья,
Знаком дружеского пира;
Окровавленные руки,
Грозно поднятые вверх, —
Знаком гнева и угрозы.

Копчик труд свой, Гайавата
Показал его народу,
Разъяснил его значение
И промолвил: «Посмотрите!
На могилах ваших предков
Нет ни символов, ни знаков.
Так пойдите, нарисуйте
Каждый — свой домашний символ,
Древний прадедовский Тотэм,
Чтоб грядущим поколениям
Можно было различать их».

И на столбиках могильных
Все тогда нарисовали
Каждый — свой фамильный Тотэм,

Каждый — свой домашний символ:
Журавля, Бобра, Медведя,
Черепашу или Оленя.
Это было указаньем,
Что под столбиком могильным
Погребен пачальник рода.

А пророки, Джосакиды,
Заклинатели, Вэбины,
И врачи педугов, Минды,
Начертали на бересте
И на коже много страшных,
Много ярких, разноцветных
И таинственных рисунков
Для своих волшебных гимнов:
Каждый был с глубоким смыслом,
Каждый символом был песни.

Вот Великий Дух, Создатель,
Озаряет светом небо;
Вот Великий Змей, Кипрабик,
Приподняв кровавый гребень,
Извиваясь, смотрит в небо;
Вот журавль, орел и филин
Рядом с певчим пеликаном;
Вот идущие по небу
Обезглавленные люди
И прозенные стрелами
Трупы воинов могучих;
Вот поднявшиеся грозно
Руки смерти в пятнах крови,
И могилы, и герои,
Захватившие в объятья
Небеса и землю разом!

Таковы рисунки были
На коре и ланьей коже;
Песни битвы и охоты,
Песни Миндов и Вэбинов —
Все имело свой рисунок!
Каждый был с глубоким смыслом.
Каждый символом был песни.

Песнь любви, которой чары
Всех врачебных средств сильнее,
И сильнее заклинаний,
И опасней всякой битвы,
Не была забыта тоже.
Вот как в символах и знаках
Песнь любви изображалась:

Нарисован очень ярко
Человек багряной краской —
Музыкант, любовник пылкий.
Смысл таков: «Я обладаю
Дивной властью надо всеми!»

Дальше — он поет, играя
На волшебном барабане,
Что должно сказать: «Внемли мне!
Это мой ты слышишь голос!»

Дальше — эта же фигура,
Но под кровлею вигвама.
Смысл таков: «Я буду с милой.
Нет преград для пылкой страсти!»

Дальше — женщина с мужчиной,
Стоя рядом, крепко сжали
Руки с нежностью друг другу.
«Все твоё я вижу сердце
И румянец твой стыдливый!» —
Вот что значил символ этот.

Дальше — девушка средь моря,
На клочке земли, средь моря;
Песня этого рисунка
Такова: «Пусть ты далеко!
Пусть нас море разделяет!
Но любви моей и страсти
Над тобой всеильны чары!»

Дальше — юноша влюбленный
К спящей девушке склонился
И, склонившись, тихо шепчет,

Говорит: «Хоть ты далеко,
В царстве Сна, в стране Молчанья,
Но любви ты слышишь голос!»

А последняя фигура —
Сердце в самой середине
Заколдованного круга.
«Вся душа твоя и сердце
Предо мной теперь открыты!» —
Вот что значил символ этот.

Так, в своих заботах мудрых
О народе, Гайавата
Научил его искусству
И письма и рисованья
На бересте глянцевитой,
На оленьей белой коже
И на столбиках могильных.

XV

ПЛАЧ ГАЙАВАТЫ

Видя мудрость Гайаваты,
Видя, как он неизменно
С Чайбайабосом был дружен,
Злые духи устрашились
Их стремлений благородных
И, собравшись, заключили
Против них союз коварный.

Осторожный Гайавата
Говорил нередко другу:
«Брат мой, будь всегда со мною!
Духов Злых остерегайся!»
Но беспечный Чайбайабос
Только встряхивал кудрями,
Только нежно улыбался.
«О, не бойся, брат мой милый:
Надо мной бессильны Духи!» —
Отвечал он Гайавате.

Раз, когда зима покрыла
Синим льдом Большое Море
И метель, кружась, шипела
В почерневших листьях дуба,
Осыпала снегом ели,
И в снегу они стояли,
Точно белые вигамы,—
Взявши лук, надевши лыжи,
Не внимая просьбам брата,
Не страшась коварных Духов,
Смело вышел Чайбайабос
На охоту за оленем.

Как стрела, олень рогатый
По Большому Морю мчался;
С ветром, снегом, словно буря,
Он преследовал оленя,
Позабыв в пылу охоты
Все советы Гайаваты.

А в воде сидели Духи,
Стерegli его в засаде,
Подломили лед коварный,
Увелили певца в пучину,
Погребли в песках подводных.
Эктаги, владыка моря,
Вероломный бог Дакотов,
Утопил его в студенной,
Зыбкой бездне Гитчи-Гюми.

И с побережья Гайавата
Испустил такой ужасный
Крик отчаянья, что полки
На лугах завывали в страхе,
Встрепенулися бидоны,
А в горах раскаты грома
Эхом гремели: «Бэм-Вава!»

Черной краской лоб покрыл он,
Плащ на голову накинул
И в вигаме, полный скорби,

Семь недель сидел и плакал,
Однозвучно повторяя:

«Он погиб, он умер, печный,
Сладкогласый Чайбайабос!
Он покинул нас навеки,
Он ушел в страну, где лютят
Неземные песнопенья!
О мой брат! О Чайбайабос!»

И задумчивые пихты
Тихо вели своими
Опахалами из хвои,
Из зеленой, темной хвои,
Над печальным Гайаватой;
И вздыхали, и скорбели,
Утешая Гайавату.

И весна пришла, и рощи
Долго-долго поджидали,
Не придет ли Чайбайабос?
И вздыхал тростник в долине,
И вздыхал с ним Сибовиша.

На деревьях пел Овейса,
Пел Овейса сипеперый:
«Чайбайабос! Чайбайабос!
Он покинул нас навеки!»

Опечен пел на вигваме,
Опечен пел красногрудый:
«Чайбайабос! Чайбайабос!
Он покинул нас навеки!»

А в лесу, во мраке ночи,
Раздавался заунывный,
Скорбный голос Вавонзайсы:
«Чайбайабос! Чайбайабос!
Он покинул нас навеки,
Сладкогласый Чайбайабос!»

Собрались тогда все Миды,
Джосакиды и Вэбины,
И, построив в чаще леса,
Близ вигвама Гайаваты,
Свой приют — Вигвам Священный.
Важно, медленно и молча
Все пошли за Гайаватой,
Взяв с собой мешки и сумки, —
Кожу выдр, бобров и рысей,
Где хранились корни, травы,
Исцелявшие недуги.

Услыхав их приближенье,
Перестал взывать он к другу,
Перестал стенать и плакать,
Не промолвил им ни слова,
Только плащ с лица откинул,
Смыл с лица печали краску,
Смыл в молчании глубоко
И к Священному Вигваму,
Как во сне, пошел за ними.

Там его пойли зельем,
Наколдованным пастосом
Из корней и трав целебных:
Нама-Вэск — зеленой мяты
И Вэбино-Вэск — сурепки,
Там над ним забили в бубны
И запели заклинанья,
Гимн таинственный запели:

«Вот я сам, я сам с тобою,
Я, Седой Орел могучий!
Собирайтесь и внимайте,
Белоперые вороны!
Гулкий гром мне помогает,
Дух незримый помогает,
Слышу всюду их призывы,
Голоса их слышу в небе!
Брат мой! Встань, исполнись силы,
Исцелись, о Гайавата!»

«Ги-о-га!» — весь хор ответил,
«Вэ-га-вэ!» — весь хор волшебный.

«Все друзья мои — все змен!
Слушай — кожей соколиной
Я трякну над головою!
Манг, вырок, тебя убью я,
Прострелю стрелою сердце!
Брат мой! Встань, исполнись силы,
Исцелись, о Гайавата!»

«Ги-о-га!» — весь хор ответил,
«Вэ-га-вэ!» — весь хор волшебный.

«Вот л, вот пророк великий!
Говорю — и сею ужас,
Говорю — и весь трепещет
Мой пигвам, Вигвам Спящий!
А иду — свод неба гнется,
Содрогаясь подо мною!
Брат мой! Встань, исполнись силы,
Говори, о Гайавата!»

«Ги-о-га!» — весь хор ответил,
«Вэ-га-вэ!» — весь хор волшебный.

И, мешками потрясая,
Танцевали танец Мидов
Вкруг больного Гайаваты, —
И вкочил он, встрепепулел,
Исцелился от недуга,
От безумья лютой скорби!
Как уходит лед весною,
Минували дни печали,
Как уходят с неба тучи,
Думы черные сокрылись.

После к другу Гайаваты,
К Чайбайабосу зывали,
Чтоб восстал он из могилы,
Из песков Большого Моря.

И настолько властны были
Заклинанья и призывы,
Что услышал Чайбайабос
Их в пучине Гитчи-Гюми.
Из песков он встал, внимая
Звукам бубнов, пенью гимнов,
И пришел к дверям вигвама,
Повинуясь заклинаньям.

Там ему, в дверную щелку,
Дали уголь раскаленный,
Нарекли его владыкой
В царстве духов, в царстве мертвых
И, прощаясь, приказали
Разводить костры для мертвых,
Для печальных их ночлегов
На пути в Страну Понима.

Из родимого селенья,
От родных и близких сердцу,
По зеленым чащам леса,
Как дымок, как тень, безмолвно
Удалился Чайбайабос.
Где касался он деревьев —
Не качались деревья,
Где ступал — трава не мялась,
Не шумела под ногами.

Так четыре дня и ночи
Шел он медленной стопою
По дороге всех усопших;
Земляникою усопших
На пути своем питался,
Переправился на дубе
Чрез печальную их реку,
По Серебряным Озерам
Плыл на Каменной Пироге,
И в Селения Блаженных,
В царство духов, в царство теней,
Припесло его течение.

На пути он много видел
Блестящих духов, нагруженных,
Истомленных тяжелой пошей:
И одеждой, и оружием,
И горшками с разной пищей,
Что друзья им подавали
На дорогу в край Понима.

Горько жаловались духи;
«Ах, зачем на нас живые
Возлагают бремя это!
Лучше б мы пошли нагими,
Лучше б голод мы терпели,
Чем нести такое бремя! —
Истощил нас путь далекий!»

Гайавата же подолго
Своей родной вигвам оставил,
На Восток пошел, на Запад, —
Поучал употреблению
Трав целебных и волшебных.
Так священное искусство
Врачевания недугов
В первый раз познали люди.

XVI

ПО-ПОК-КИВИС

Стану петь, как По-Пок-Кивис,
Как красавец Йенадиззи
Взбудоражил всю деревню
Дерзкой удалью своею;
Как, спасаясь только чудом,
Он бежал от Гайаваты,
И какой конец печальный
Был чудесным приключеньем.

На побережье Гитчи-Гюмп,
Светлых вод Большого моря,
На песчаном Нэго-Воджу

Жил красавец По-Пок-Кивис.
Это он во время свадьбы
Гайаваты с Миннегагой
Так безумно и разгульно
Танцевал под звуки флейты,
Это он в безумном танце
Накидал песок холмами
На побережье Гитчи-Гюми.

Заскучавши от безделья,
Вышел раз он из вигвама
И направился поспешно
Прямо к Ягу, где собиралась
Слушать сказки и преданья
Молодежь со всей деревни.

Старый Ягу в это время
Забавлял гостей рассказом
Об Оджиге, о купце:
Как она пробила небо,
Как вскарабкалась на небо,
Лето выпустила с неба;
Как сначала подвиг этот
Совершить пыталась выдра,
Как барсук с бобром и рысью
На вершины гор взбирались,
Бились в небо головами,
Бились лапами, но небо
Только трескалось над ними;
Как отважилась на подвиг,
Наконец, и росомаха.

«Подскочила росомаха,—
Говорил гостям рассказчик,—
Подскочила — и над нею
Так и вздулся спод небесный,
Словно лед в реке весною!
Подскочила снова — небо
Гулко треснуло над нею,
Словно льдина в половодье!
Подскочила напоследок —

Небо вдребезги разбила,
Скрылась в небе, а за нею
И Оджиг в одно мгновение
Очутилась на небе!»

«Слушай! — крикнул По-Пок-Кивис,
Появляясь на пороге: —
Надоели эти сказки!
Надоели хуже мудрых
Поучений Гайаваты!
Мы отыщем для забавы
Кое-что получше сказок».

Тут, торжественно раскрывши
Свой кошелек из волчьей кожи,
По-Пок-Кивис выпул чашу
И фигуры Погасэна:
Томагаук, Погэвогон,
Рыбку маленькую, Киго,
Пару змей и пару пешек,
Три утенка и четыре
Медных диска, Озавабик.
Все фигуры, кроме диска,
Темных сверху, светлых снизу,
Были сделаны из кости
И покрыты яркой краской, —
Красной сверху, белой снизу.

Положив фигуры в чашу,
Он встряхнул, перемешал их,
Кинул наземь пред собою
И выкрикивал, что вышло:
«Красным сверху пали кости.
А змея, Кинэбик, стала
На блестящем медном диске;
Счетом сто и тридцать восемь!»

И опять смешал фигуры,
Положил опять их в чашу,
Кинул наземь пред собою
И выкрикивал, что вышло:
«Белым сверху пали змея,

Белым кверху пали пенки,
Красным — прочие фигуры;
Плтьдесят и восемь счетом!»

Так учил их По-Пок-Кивис,
Так, играя для примера,
Он метал и объяснял им
Все приемы Погасэпа.
Двадцать глаз за ним следили,
Разгораясь любопытством.

«Много игр,— промолвил Ягу,—
Много игр, опасных, трудных,
В разных странах, в разных землях
На своем веку я видел;
Кто играет с старым Ягу,
Должен быть на редкость ловок!
Не хвались, По-Пок-Кивис!
Будешь ты сейчас обыгран,
Жестоко наказан мною!»

Началась игра, и дико
Увлеклись игрою гости!
На одежду, на оружие,
До полночи, до рассвета,
Старики и молодые —
Все играли, все метали,
И лукавый По-Пок-Кивис
Обыграл их без пощады!
Взял все лучшие одежды,
Взял оружие боевое,
Пояса и ожерелья,
Перья, трубки и ксеты!
Двадцать глаз пред ним сверкали,
Как глаза волков голодных.

Напоследок он промолвил:
«Я в товарище нуждаюсь:
В путешествиях и дома
Я всегда один, и нужен

Мне помещник, Мршинова,
Кто б послал за мною трубку.
Весь мой выигрыш богатый —
Все меха и украшения,
Все оружие и перья —
Все в один я кон поставлю
Вот на этого красавца!»
То был юноша высокий
По шестнадцатому году,
Сирота, племянник Ягу.

Как огонь сверкает в трубке,
Под седой золой краснея,
Засверкали взоры Ягу
Под нависшими бровям.
«Уг!» — ответил он свирепо,
«Уг!» — ответили и гости,

И, костлявыми руками
Стиснув чашу роковую,
Ягу с яростью подбросил
И рассыпал вокруг фигуры.

Красным кверху пали пешки,
Красным кверху пали змен,
Красным кверху и утята,
Озавабики — все черным,
Белым только рыбка, Кнго;
Только пять всего по счету!

Улыбаясь, По-Пок-Кивис
Положил фигуры в чашу,
Ловко вскинул их на воздух
И рассыпал пред собою:
Красной, белой, черной краской
На земле они блестели,
А меж ними встала пешка,
Встал Инайивизг, подобно
По-Пок-Кивису красавцу,
Говорившему с улыбкой:
«Пять десятков! Все за мною!»

Двадцать глаз горели злобой,
Как глаза волков голодных,
В тот момент, как По-Пок-Кивис
Встал и вышел из вигвама,
А за ним племянник Ягу,
Стройный юноша высокий,
Уносил оленьи кожи,
Горностаевые шубы,
Полса и ожерелья,
Перья, трубки и оружие!

«Отнеси мою добычу
В мой вигвам па Нэго-Воджу!» —
Властно молвил По-Пок-Кивис,
Пышным веером играя.

От игры и от куренья
У него горели веки,
И отрадно грудь дышала
Летней утренней прохладой.
В рощах звонко пели птицы,
По лугам ручьи шумели,
А в груди у Ипадиizzi
Пело сердце от восторга,
Пело весело, как птица,
Билось гордо, как источник.
Гордо шел он по деревне
В сером сумраке рассвета,
Пышным веером играя,
И прошел по всей деревне
До последнего вигвама,
До жилища Гайаваты.

Тишина была в вигваме.
На порог никто не вышел
К По-Пок-Кивису с приветом;
Только птицы у порога
Пели, прыгали, порхали,
Там и сям собирал зерна;
Только Кагаги с вигвама
Встретил гостя хриплым криком,

С приком крыльями захлопат,
Взором огненным сверкая.

«Все ушли! Жилище пусто! —
Так промолвил По-Пок-Кивис,
Замышляя злую шутку. —
Нет ни глупой Миннегаги,
Ни хозяйки, ни бабки;
Тут теперь что хочешь делай!»

Стиснув ворона за горло,
Он вертел им, как трещоткой,
Как мешком с травой целебной,
Придушил его и бросил,
Чтоб висел он над вигвамом,
На позор его владельцу,
На позор для Гайаваты.

А потом вошел в жилище,
Раскидал кругом порога
Всю хозяйственную утварь,
Раскидал куда попало
Все котлы, горшки и миски,
Мех бобров и горностаев,
Шкуры буйволов и рысей,
На позор Нокомис старой,
На позор для Миннегаги.

Беззаботно напевая
И посвистывая белкам,
Шел он по лесу, а белки
Грызли желуди на ветках,
Шелухой в него кидали;
Беззаботно пел он птицам,
И за темною листвою
Так же весело и звонко
Отвечали леньем птицы.

Со скалистого побережья
Он смотрел на Гитчи-Гюми,
Лег на самом видном месте

И с злорадством дождался
Возвращения Гайаваты.

На спине, раскинув руки,
Он дремал в полдневном зное.
Далеко под ним плескались,
Омывали берег волны,
Высоко над ним сияло
Голубою бездной небо,
А кругом носились птицы,
Стаи птиц носились с криком
И почти что задевали
По-Пок-Кивиса крылами.

Он убил их много-много,
Он десятками швырлял их
Со скалистого побережья
Прямо в волны Гитчи-Гюми.
И Кайошк, морская чайка,
Наконец вскричала громко:
«Это дерзкий По-Пок-Кивис!
Это он нас избивает!
Где же брат наш, Гайавата?
Известите Гайавату!»

ХVII

ПОГОНЯ ЗА ПО-ПОК-КИВИСОМ

Гневом вспыхнул Гайавата,
Возвратившись на деревню,
Увидав народ в смятенье,
Услыхавши, что наделал
Дерзкий, хитрый По-Пок-Кивис.

Задыхался он от гнева;
Злобно стискивая зубы,
Он шептал врагу проклятья,
Бормотал, гудел, как шершень.
«Я убью его,— сказал он,—
Я убью, найду злодея!

Как бы ни был путь мой долог,
Как бы ни был путь мой труден,
Гнев мой все преодолеет,
Мсть моя врага настигнет!»

Тотчас кликнул он соседей
И поспешно устремился
По следам его в погоню,—
По лесам, где проходил он
На побережье Гитчи-Гюми;
Но никто врага не встретил:
Отыскали только место
На траве, в кустах черники,
Где лежал он, отдыхая,
И принял цветы и травы,

Вдруг на Мускодэ зеленой,
На долине под горами,
Показался По-Пок-Кивис:
Сделав дерзкий знак рукою,
На бегу он обернулся,
И с горы, ему вдогонку,
Громко крикнул Гайавата:
«Как бы ни был путь мой долог,
Как бы ни был путь мой труден,
Гнев мой все преодолеет,
Мсть моя тебя настигнет!»

Через скалы, через реки,
По кустарникам и чащам
Мчался хитрый По-Пок-Кивис,
Прыгал, словно антилопа.
Наконец остановился
Над прудом в лесной долине,
На плотине, возведенной
Осторожными бобрами,
Над разлившимся потоком,
Над затоном полусонным,
Где в воде росли деревья,
Где кувшинчики желтели,
Где камыш шептал, качаясь.

Над затоном По-Пок-Кивис
Стал на гать из пней и сучьев;
Сквозь нее вода сочилась,
А по ней ручьи бежали;
И со дна пруда к плотине
Выплыл бобр и стал большими,
Удивленными глазами
Из воды смотреть на гостя.

Над затоном По-Пок-Кивис
Пред бобром стоял в раздумье,
По ногам его струились
Ручейки серебристой влагой,
И с бобром заговорил он,
Так сказал ему с улыбкой:
«О мой друг Амик! Позволь мне
Отдохнуть в твоём вигваме,
Отдохнуть в воде прохладной,—
Преврати меня в Амика!»

Осторожно бобр ответил,
Помолчал и так ответил:
«Дай я с прочими бобрами
Посоветуюсь сначала».
И, ответив, опустился,
Как тяжелый камень, в воду,
Скрылся в чаще темно-бурых
Тростников и листьев лилий.

Над затоном По-Пок-Кивис
Ждал бобра на зыбкой гати;
Ручейки с певнятым плеском
По ногам его бежали,
Серебристыми струями
С гати падали на камни
И спокойно разливались
Меж камнями по долине;
А кругом листвою зеленой
Лес шумел, качались ветви,
И сквозь ветви свет и тени,
По земле скользя, играли.

Не спеша, поодиночке
Собрались бобры к плотине:
Осторожно показалась
Голова, потом другал,
Наконец весь пруд широкий
Рыльца черные покрыли,
Лоснился в ярком блеске солнца.

И к бобрам с улыбкой хитрой
Обратился По-Пок-Кивис:
«О друзья мои! Покойно,
Хорошо у вас в вигвамах!
Все вы опытни и мудры,
Все на выдумки искусны,
Превратите же скорее
И меня в бобра, Амика!»

«Хорошо! — Амик ответил,
Царь бобров, Амик, ответил; —
Опускайся с нами в воду,
Опускайся в пруд с бобрами!»

Молча в тихий пруд с бобрами
Опустился По-Пок-Кивис.
Черной, гладкой и блестящей
Стала вся его одежда,
А хвосты лисиц на пятках
В толстый черный хвост слился,
И бобром стал По-Пок-Кивис.

«О друзья мои, — сказал он, —
Я хочу быть выше, больше,
Больше всех бобров на свете».
«Хорошо, — Амик ответил, —
Вот когда придем в жилище,
В наш вигвам на дне потока,
В десять раз ты станешь больше».

Так под темною водою
Шел с бобрами По-Пок-Кивис,
Под водою, где лежали

Ветви, пни и груды корма,
И пришел с бобрами к арке,
Что вела в пигвам обширный.

Там опять он превратился,
В десять раз стал выше, больше,
И бобры ему сказали:
«Будь у нас вождем отныне,
Будь над нами властелином».

Но недолго По-Пок-Кивис
Мог почетом наслаждаться:
Бобр, поставленный на страже
В чаще шнажинок и лилий,
Вдруг воскликнул: «Гайавата!
Гайавата на плотине!»

Вслед за этим раздался
На плотине крики, говор,
Треск валежника и топот,
А вода заволновалась,
Стала падать, понижаться,
И бобры поняли в страхе,
Что плотина прорвалась.

С треском рухнула и крыша
Их просторного вигвама;
В щели крыши засверкало
Солнце яркими лучами,
И бобры поспешно скрылись
Под водой, где было глубже;
Но могучий По-Пок-Кивис
Не пролез за ними в двери:
Он от гордости и пищи,
Как пузырь, распух, раздулся.

В щели крыши Гайавата
На него смотрел и громко
Восклизал: «О По-Пок-Кивис!
Тщетны все твои уловки,
Бесполезны превращения, —
Не спасешься, По-Пок-Кивис!»

Без пощады колотили
По-Пок-Кивиса дубины,
Молотили, словно маис,
Па куски разбили череп.
Шесть охотников высоких
Положили на посылки,
Попесли его в деревню;
Но не умер По-Пок-Кивис,
Джиби, дух его, не умер.

Он барахтался, метался,
Изгибаясь и качаясь,
Как дверные занавески
Изгибаются, качаясь,
Если ветер дует в двери,
И опять собрался с силой,
Припал образ человека,
Встал п в бегство устремился
По-Пок-Кивисом лукавым.

Но от взоров Гайаваты
Не успел в лесу он скрыться;
В голубой и мягкий сумрак
Под ветвями дальних сосен,
К светлой просеке за пими
Вихрем мчался По-Пок-Кивис,
Нагибая ветви с шумом,
Но сквозь шум ветвей он слышал,
Что его, как бурный ливень,
Настигает Гайавата.

Задыхаясь, По-Пок-Кивис
Наконец остановился
Перед озером широким,
По которому средь лилий,
В тростниках, меж островами,
Тихо плавали казарки,
То скрываясь в тень деревьев,
То сверкая в блеске солнца,
Подымая кверху клювы,
Глубоко ныряя в воду.

«Пишпэкэ! — воскликнул громко
По-Пок-Кивис, — превратите
Поскорей меня в казарку,
Только в самую большую, —
В десять раз сильнее и больше,
Чем другие все казарки!»

Но едва они успели
Превратить его в казарку, —
В исполинскую казарку
С круглой лоснящейся грудью,
С парой темных мощных крыльев
И с большим широким клювом, —
Как из леса с громким криком
Стал пред ними Гаїавата!

С громким криком поднялися
И казарки над водою,
Поднялися шумной стаей
Из озерных трав и лилий
И сказали: «По-Пок-Кивис!
Будь теперь поосторожней, —
Берегись смотреть на землю,
Чтобы не было несчастья,
Чтоб беды не приключилось!»

Смело путь они держали,
Путь на дальний, дикий север,
Пролетали то в тумане,
То в сиянье ярком солнца,
Ночевали и кормились
В камышах болот пустынных
И с зарей пустились дальше.
Плавню мчал их южный ветер,
Дул свежо и сильно в крылья.

Вдруг донесся к ним дясный,
Отдаленный шум и говор,
Донеслись людские речи
Из селения под ними:
То народ с земли двинулся

На невиданные крылья
По-Пок-Кивиса, казарки,—
Эти крылья были шире,
Чем дверные занавески.

По-Пок-Кивис слышал крики,
Слышал голос Гайаваты,
Слышал громкий голос Ягу,
Позабыл совет казарок,
С высоты взглянул на землю —
И в одно мгновенье ветер
Подхватил его, смял крылья
И понес, вертя, на землю.

Тщетно справиться хотел он,
Тщетно думал удержаться!
Вихрем падал на землю,
Он порой то землю видел,
То казарок в синем небе,
Видел, что земля все ближе,
А простор небес — все дальше,
Слышал громкий смех и говор,
Слышал крики все яснее,
Потерял из глаз казарок,
Увидел внизу вигвамы
И с размаху пал на землю,—
С тяжким стуком средь народа
Пала мертвая казарка!

Но его лукавый Джиби,
Дух его, в одно мгновенье
Принял образ человека,
По-Пок-Кивиса, красавца,
И опять пустился в бегство,
И опять за ним в погоню
Устремился Гайавата,
Воскликая: «Как бы ни был
Путь мой долог и опасен,
Гнев мой все преодолеет,
Мсть моя тебя настигнет!»

В двух шагах был По-Пок-Кивис,
В двух шагах от Гайаваты,
Но мгновенно закружился,
Поднял вихрем пыль и листья
И исчез в дупле дубовом,
Перекинулся змеею,
Проскользнул змеей под корни.

Быстро правою рукою
Искрошил весь дуб на щепки
Гайавата,— но напрасно!
Вновь лукавый По-Пок-Кивис
Принял образ человека
И помчался в бурном вихре
К Живописным Скалам красным,
Что с побережья озирают
Всю страну и Гитчи-Гюми.

И Владыка Гор могучий,
Горный Манито могучий
Распахнул пред ним ущелье,
Распахнул широко пропасть,—
Скрыл его от Гайаваты
В мрачном каменном жилище,
Ввел его с радушной лаской
В тьму своих пещер угрюмых.

А снаружи Гайавата,
Пред закрытым входом стоя,
Рукавицей, Мипджикавоп,
Пробивал в горе пещеры
И кричал в великом гневе:
«Отопри! Я Гайавата!»
Но Владыка Гор не отпер,
Не ответил Гайавате
Из своих пещер безмолвных,
Из скалистой мрачной бездны.

И простер он руки к небу,
Призывая Энпрмики
И Вэвэссимо на помощь,
И пришли они во мраке,

С ночью, с бурей, с ураганом,
Пронеслись по Гитчи-Гюми
С отдаленных Гор Громовых,
И услышал По-Пок-Кивис
Тяжкий грохот Энцимики,
Увидал он блеск огнистый
Глаз Вэвэссимо и в страхе
Задрожал и притаился.

Тяжкой палицей своею
Скалы молния разбила
Над преддверием пещеры,
Грянул гром в ее средину,
Говоря: «Где По-Пок-Кивис?» —
И рассыпались утесы,
И среди развалин мертвым
Пал лукавый По-Пок-Кивис,
Пал красавец Йенадиззи.

Благородный Гайавата
Вынул дух его из тела
И сказал: «О По-Пок-Кивис!
Никогда уж ты не примешь
Снова образ человека,
Никогда не будешь больше
Танцевать с беспечным смехом,
Но высоко в синем небе
Будешь ты парить и плавать,
Будешь ты Кию отвыне —
Боевым Орлом могучим!»

И живут с тех пор в пароде
Песни, сказки и преданья
О красавце Йенадиззи;
И зимой, когда в деревне
Вихри снежные гуляют,
А в трубе виглама свищет,
Завывает буйный ветер, —
«Это хитрый По-Пок-Кивис
В пляске бешеной песется!» —
Говорят друг другу люди.

СМЕРТЬ КВАЗИНДА

Далеко прошел по свету
 Слух о Квазинде могучем:
 Он соперников не ведал,
 Он себе не ведал равных,
 И завистливое племя
 Злобных Гиомов и Пигмеев,
 Злобных духов Пок-Уэджис,
 Погубить его решило.

«Если этот дерзкий Квазинд,
 Ненавидимый всем нам Квазинд,
 Поживет еще на свете,
 Все губя, уничтожая,
 Удивляя все народы
 Дивной силою своею, —
 Что же будет с Пок-Уэджис? —
 Говорили Пок-Уэджис. —
 Он растопчет нас, раздавит,
 Он подводным злобным духам
 Всех нас кинет на съеденье!»

Так, пылая лютой злобой,
 Совещались Пок-Уэджис
 И убить его решили,
 Да, убить его, — избавить
 Мир от Квазинда навеки!

Сила Квазинда и слабость
 Только в темени таилась:
 Только в темноте можно было
 Насмерть Квазинда поранить,
 Но и то одним оружием —
 Голубой еловой шишкой,
 Роковая тайна эта
 Не была известна смертным,
 Но коварные Пигмеи,
 Пок-Уэджис, знали тайну,
 Знали, как врага ослабить,

И они набрали шишек,
Голубых еловых шишек
По лесам над Таквамино,
Отнесли их и сложили
На ее высокий берег,
Там, где красные утесы
Нависают над подою,
Сами спрятались и стали
Поджидать врага в засаде.

Было это в полдень летом;
Тих был сонный знойный воздух,
Неподвижно спали тени,
В полусне река струилась;
По реке, блестя на солнце,
Насекомые скользили,
В знойном воздухе далеко
Раздавалось их жужжанье,
Их папевы боевые.

По реке плыл мощный Квазинд,
По теченью плыл лениво,
По дремотной Таквамино,
Плыл в березовой пироге,
Истомленный тяжким зноем,
Усыпленный тишиною.

По ветвям, к реке склоненным,
По кудрям берез плакучих,
Осторожно опустился
Па него Дух Спа, Нэпавин;
В сояме спутников незримых,
Во главе воздушной рати,
По ветвям сошел Нэпавин,
Бирюзовой Дэш-кво-пи-ши,
Стрекозою, стал он тихо
Над пловцом усталым реять.

Квазинд слышал чей-то шепот,
Смутный, словно вздох сосец,
Словно дальний ропот моря,

Словно дальний шум прибоя,
И почувствовал удары
Томагауков воздушных,
Поражавших прямо в темя,
Управляемых несметной
Ратью Духов Сна незримых.

И от первого удара
Обняла его дремота,
От второго — он бессильно
Опустил весло в пирогу,
После третьего — окрестность
Перед ним покрылась тьмою:
Крепким сном забылся Квазинд.

Так и плыл он по теченью, —
Как слепой, сидел в пироге,
Сонный плыл по Таквамино,
Под прибрежными лесами,
Мимо трепетных березок,
Мимо вражеской засады,
Мимо лагеря Пигмеев.

Градом сыпались шишки,
Голубые шишки елей
В темя Квазинда с побережья.
«Смерть врагу!» — раздался громкий
Боевой крик Пок-Уэджис.

И упал на борт пироги
И свалился в реку Квазинд,
Головою вниз, как выдра,
В воду сонную спалился,
А пирога, кверху килем,
Поплыла одна, блуждая
По теченью Таквамино.

Так погиб могучий Квазинд.
Но храпилось долго-долго
Имя Квазинда в народе,
И когда в лесах зимою

Бушевали, выли бури,
С треском гнули и ломали
Ветви стонущих деревьев,—
«Квазинд! — люди говорили,—
Это Квазинд собирает
На костер себе валежник!»

ХІХ
П Р И В И Д Е Н И Я

Никогда хохлатый коршун
Не спускается в пустыне
Над пораненным бизопом
Без того, чтоб на добычу
И второй не опустил;
За вторым же в синем небе
Тотчас явится и третий,
Так что вскорости от крыльев
Собирающейся стаи
Даже воздух потемнеет.

И беда одна не ходит;
Сторожат друг друга беды;
Чуть одна из них нагрывает,—
Вслед за ней спешат другие
И, как птицы, выются, выются
Черной стайей над добычей,
Так что белый свет померкнет
От отчаянья и скорби.

Вот опять на хмурый север
Мощный Пибоан вернулся!
Ледяным своим дыханьем
Превратил он воды в камень
На реках и на озерах.
С кос стряхнул он хлопья снега,
И поля покрылись белой,
Ровной снежной пеленою,
Будто сам Владыка Жизни
Сгладил их рукой своею.

По лесам, под песни вьюги,
Зверолов бродил на лыжах;
В деревнях, в вигвамах теплых,
Мирно женщины трудились,
Молотили кукурузу
И выделявали кожи;
Молодежь же проводила
Время в играх и забавах,
В танцах, в беганье на лыжах.

Темным пещером однажды
Престарелая Нокомис
С Миннегатою сидела
За работою в вигваме,
Чутко слушая в молчанье,
Идет ли Гайавата,
Запоздавший на охоте.

Свет костра багряной краской
Разрисовывал их лица,
Трепетал в глазах Нокомис
Серебристым лунным блеском,
А в глазах у Миннегаги —
Блеском солнца над водою;
Дым, клубами собирался,
Уходил в трубу над ними,
По углам вигвама тени
Изгибались за ними.

И открылась тихо-тихо
Занавеска над порогом;
Ярче пламя запылало,
Дым сильнее заволопался —
И две женщины безмолвно,
Без привета и без зова,
Чрез порог переступили,
Проскользнули по вигваму
В самый дальний, темный угол,
Сели там и притаились.

По обличью, по одежде,
Это были чужеземки;
Бледны, мрачны были обе,
И с безмолвною тоскою,
Содрогаясь, как от стужи,
Из угла они глядели.

То не ветер ли полночный
Загудел в трубе вигвама?
Не сова ли, Куку-кугу,
Застонала в мрачных соснах?
Голос вдруг изрек в молчанье:
«Это мертвые восстали,
Это души погребенных
К вам пришли из Стран Понима.
Из страны Загробной Жизни!»

Скоро из лесу, с охоты,
Возвратился Гайавата,
Весь осыпан белым снегом
И с оленем за плечами.
Перед милой Миннегагой
Он сложил свою добычу
И теперь еще прекрасней
Показался Миннегаге,
Чем в тот день, когда за пею
Он пришел в страну Дакотов,
Положил пред ней олепя,
В знак своих желаний тайных,
В знак своей любви сердечной.

Положив, он обернулся,
Увидал в углу двух женщин
И сказал себе: «Кто это?
Страшны гости Миннегаги!»
Но расспрашивать не стал их,
Только с ласковым приветом
Попросил их разделить с ним
Кровь его, очаг и пищу.

Гости бледные ни слова
Не сказали Гайавате;
Но когда готов был ужин
И олень уже разрезан,
Из угла они вскочили,
Завладели лучшей долей,
Долей милой Миннегаги,
Не спросясь, схватили дерзко
Нежный, белый жир оленя,
Съели с жадностью, как звери,
И опять забились в угол,
В самый дальний, темный угол.

Промолчала Миннегага,
Промолчал и Гайавата,
Промолчала и Нокомис;
Лица их спокойны были.
Только Миннегага тихо
Прошептала с состраданьем,
Говори: «Их мучит голод;
Пусть берут, что им по вкусу,
Пусть едят,— их мучит голод».

Много зорь зажглось, погасло,
Много дней стряхнули очи,
Как стряхают хлопья снега
Сосны темные на землю;
День за днем сидели молча
Гости бледные в вигваме;
Ночью, даже в непогоду,
В ближний лес они ходили,
Чтоб набрать сосновых шишек,
Чтоб набрать ветвей для топки,
Но едва светало, снова
Появлялись в вигваме.

И всегда, когда с охоты
Возвращался Гайавата,
В час, когда готов был ужин
И олень уже разрезан,
Гости бледные беспечно

Из угла к нему кидались,
Не спросясь, хватали жадно
Нежный, белый жир олеся,—
Долю милой Миннепаги,—
И скрывались в темный угол.

Никогда не упрекнул их
Даже взглядом Гайавата,
Никогда не возмутилась
Престарелая Нокомис,
Никогда не показала
Недовольства Миннегага;
Все они терпели молча,
Чтоб права святые гости
Не нарушить грубым взглядом,
Не нарушить грубым словом.

В полночь раз, когда печально
Догорал костер, краснея,
И мерцал дрожащим светом
В полусумраке вигвама,
Бодрый, чуткий Гайавата
Вдруг услышал чьи-то вздохи,
Чьи-то горькие рыдания.

С ложа встал он осторожно,
Встал с косматых шкур бизона
И, отдернувши над ложем
Из олешей кожи полог,
Увидал, что это Тени,
Гости бледные, вздыхают,
Плачут в тишине полночной.

И промолвил оп: «О гости!
Что так мучит ваше сердце?
Что рыдать вас заставляет?
Не Нокомис ли вас, гости,
Ненароком оскорбила?
Иль пред вами Миннегага
Позабыла долг хозяйки?»

Тепи смолкли, перестали
Горько сетовать и плакать
И сказали тихо-тихо:
«Мы усопших, мертвых души,
Души тех, что жили с вами;
Мы пришли из Страи Понима,
С островов Загробной Жизни,
Испытать вас и наставить».

Вопли скорби достигают
К нам, в Селения Блаженных:
То живые погребенных
Призывают вновь на землю,
Мучат нас бесплодной скорбью;
И вернулись мы на землю,
Но узнали скоро, скоро,
Что везде мы только в тягость,
Что для всех мы стали чужды:
Нет нам места,— нет возврата
Мертвецам из-за могилы!

Помни это, Гайавата,
И скажи всему народу,
Чтоб отныне и навеки
Вопли их не огорчали
Отошедших в мир Повима,
К нам, в Селения Блаженных.

Не кладите тяжелой ноши
С мертвецами в их могилы,—
Ни мехов, ни украшений,
Ни котлов, ни чаш из глины,—
Эта ноша мучит духов.
Дайте лишь темного пищи,
Дайте лишь огня в дорогу.

Дух четыре грустных ночи
И четыре дня проводит
На пути в Страну Понима;
Потому-то и должны вы
Над могилами усопших
С первой ночи до последней

Жечь костры неугасимо,
Освещать дорогу духам,
Озарять веселым светом
Их печальные почлеги.

Мы идем, прости навеки,
Благородный Гайавата!
И тебя мы искушали,
И твоё терпенье долго
Мы испытывали дерзко,
Но всегда ты оставался
Благородным и великим.
Не слабей же, Гайавата,
Не слабей, не падай духом:
Ждет тебя еще труднее
И борьба и испытанье!»

И внезапно тьма упала
И наполнила жилище,
Гайавата же в молчанье
Услыхал одежды шорох,
Услыхал, что кто-то поднял
Занавеску над порогом,
Увидал на небе звезды
И почувствовал дыханье
Зимней полночи морозной,
Но уже не видел духов,
Теней бледных и печальных
Из далеких Стран Поинма,
Из страны Загробной Жизни.

XX

ГОЛОД

О зима! О дни жестокой,
Бескопечной зимней стужи!
Лед все толще, толще, толще
Ставовился на озерах;
Снег все больше, больше, больше

Запасил луга и степи;
Все грозней шумели вьюги
По лесам, вокруг селенья.

Еле-еле из вигвама,
Занесенного снегами,
Мог пробраться в лес охотник;
В рукавицах и на лыжах
Тщетно по лесу бродил он,
Тщетно он искал добычи,—
Не видал ни птиц, ни зверя,
Не видал следов оленя,
Не видал следов Вабассо.
Страшен был, как привиденье,
Лес блестящий и пустынный,
И от голода, от стужи
Потеряв сознание, падал,
Погибал в снегах охотник.

О всемогущий Бюкадвин!
О могучий Акозивин!
О безмолвный, грозный Погон!
О жестокие мученья,
Плач детей и вопли жепшин!

Всю тоскующую землю
Испурил недуг и голод,
Небеса и самый воздух
Лютым голодом томились,
И горели в небе звезды,
Как глаза волков голодных!

Вновь в вигваме Гайаваты
Поселились два гостя:
Так же мрачно и безмолвно,
Как и прежние два гостя,
Без приветов и без зова
В дом вошли они и сели.
Прямо рядом с Миннстагой,
Не сводя с нее свирепых,
Впалых глаз ни на минуту.

И один сказал ей: «Видишь?
Пред тобою — Бюкадэвиц!»
И другой сказал ей: «Видишь?
Пред тобою — Акозивиц!»

И от этих слов и взглядов
Содрогнулось, сжалось страхом
Сердце милой Миннепаги;
Без ответа опустилась,
Скрыв лицо, она на ложе
И томилась, трепетала,
Холодея и сгорая,
От зловещих слов и взглядов.

Как безумный, устремился
В лес на лыжах Гайавата;
Стиснув зубы, затаивши
В сердце боль смертельной скорби,
Мчался он, и капли пота
На челе его смерзались.

В меховых своих одеждах,
В рукавицах, Минджикэвои,
С мощным луком наготове
И с колчаном за плечами,
Он бежал все дальше, дальше
По лесам пустым и мертвым.

«Гитчи Манито! — вскричал он,
Обращая взоры к небу
С беспредельною тоскою.—
Попадай пас, о Всесильный,
Дай нам пищи, нль погибнем!
Пищи дай для Миннепаги —
Умирает Миннепага!»

Гулко в дебрях молчаливых,
В бесконечных дебрях бора,
Прозвучали вопли эти,
Но никто не отзывался,
Кроме отклика лесного,

Повторявшего тоскливо:
«Миннегага! Миннегага!»

До заката одиноко
Он бродил в лесах печальных,
В темных чащах, где когда-то
Шел он с милой Миннегагой,
С молодой женою рядом,
Из далеких стран Дакотов.
Весел был их путь в то время!
Все цветы благоухали,
Все лесные птицы пели,
Все ручьи сверкали солнцем,
И сказала Миннегага
С беззаветною любовью:
«Я пойду с тобою, муж мой!»

А в вигваме, близ Нокомис,
Близ пришельцев молчаливых,
Карауливших добычу,
Уж томилась пред кончиной,
Умирала Миннегага.

«Слышишь? — вдруг она сказала. —
Слышишь шум и гул далекий
Водопадов Миннегаги?
Он зовет меня, Нокомис!»

«Нет, дитя мое, — печально
Отвечала ей Нокомис, —
Это бор гудит от ветра».

«Глянь! — сказала Миннегага, —
Вон — отец мой! Одиноко
Он стоит и мне кивает
Из родимого вигвама!»

«Нет, дитя мое, — печально
Отвечала ей Нокомис, —
Это дым плывет, кивает!»

«Ах! — вскричала Миннегага, —
Это Погока сверкают
Очи грозные из мрака,
Это он мне стиснул руку
Ледяной своей рукою!
Гайавата, Гайавата!»

И несчастный Гайавата
Издалека, издалека,
Из-за гор и дебрей леса,
Услыхал тот крик внезапный,
Скорбный голос Миннегаги,
Призывающий во мраке:
«Гайавата! Гайавата!»
По долинам, по сугробам,
Под ветвями белых сосен,
Нависавшими от снега,
Он бежал с тяжелым сердцем,
И услышал он тоскливый
Плач Нокомис престарелой:
«Вагономин! Вагономин!
Лучше б я сама погибла,
Лучше б мне лежать в могиле!
Вагономин! Вагономин!»

И в вигвам он устремился,
И увидел, как Нокомис
С плачем медленно качалась,
Увидал и Миннегагу,
Неподвижную на ложе,
И такой издал ужасный
Крик отчаянья, что звезды
В небесах затрепетали,
А леса с глубоким стоном
Потряслись до основанья.

Осторожно и безмолвно
Сел он к ложу Миннегаги,
Сел к ногам ее холодным,
К тем ногам, что никогда уж
Не пойдут за Гайаватой,

Никогда к нему из дома
Уж не выбегут навстречу.

Он лицо закрыл руками,
Семь ночей и дней у ложа
Просидел в оцепененье,
Без движенья, без сознанья:
День царит иль тьма ночная?

И простились с Миннегагой;
Приготовили могилу
Ей в лесу глухом и темном,
Под печальною цикутой,
Обернули Миннегагу
Белым мехом горносталя,
Закидали белым снегом,
Словно мехом горносталя,—
И простились с Миннегагой.

А с закатом на могиле
Был зажжен костер из хвой,
Чтоб душе четыре ночи
Освещал он путь далекий,
Путь в Селения Блаженных.
Из вигвама Гайавате
Видно было, как горел он,
Озарял из-под низу
Ветви черные цикуты.
И не раз в час долгой ночи
Подымался Гайавата
На своем бессонном ложе,
Ложе милой Миннегаги,
И стоял, следил с порога,
Чтобы пламя не погасло,
Дух во мраке не остался.

«О, прости, прости! — сказал он,—
О, прости, моя родная!
Все мое с тобою сердце
Схоронил я, Миннегага,

Вся душа моя стремится
За тобою, Миннегага!
Не ходи, не возвращайся
К нам на труд и на страданья,
В мир, где голод, лихорадка
Мучат душу, мучат тело!
Скоро подвиг свой я кончу,
Скоро буду я с тобою
В царстве светлого Попова,
Бесконечной, вечной жизни!»

XXI С Л Е Д Б Е Л О Г О

Средь долины, над рекою,
Над замерзшею рекою,
Там сидел в своем вигваме
Одинокий, грустный старец.
Волоса его лежали
На плечах сугробом снега,
Плащ его из белой кожи,
Вобивайон, был в лохмотьях,
А костер среди вигвама
Чуть светился, догорая,
И дрожал от стужи старец,
Ослепленный снежной выюгой,
Оглушенный свистом бури,
Оглушенный гулом леса.

Угли пеплом уж белели,
Пламя тихо умирало,
Как бесшумно появился
Стройный юноша в вигваме.
На щеках его румянец
Разливался алой краской,
Очи кроткие сияли,
Как весенней ночью звезды,
А чело его венчала
Из пахучих трав гирлянда.

Улыбался и улыбкой
Все, как солнцем, озаряя,
Он вошел в вигвам с цветами,
И цветы его дышали
Нежным, сладким ароматом.

«О мой сын, — воскликнул старец. —
Как отрадно видеть гостя!
Сядь со мною на циновку,
Сядь сюда, к огню поближе,
Будем вместе ждать рассвета.
Ты свои мне порасскажешь
Приключения и встречи,
Я — свои: свершил я в жизни
Не один великий подвиг!»

Тут он вынул Трубку Мира,
Очень старую, чудную,
С красной каменной головкой,
С чубуком из трости, в перьях,
Наложил ее корою,
Закурил ее от угля,
Подав гостю-чужеземцу
И повел такие речи:

«Стоит мне своим дыханьем
Только раз на землю дунуть,
Остановятся все реки,
Вся вода окаменеет!»

Улыбался, гость ответил:
«Стоит мне своим дыханьем
Только раз на землю дунуть,
Зацветут цветы в долинах,
Запоют, заплещут реки!»

«Стоит мне потрянуть во гнев
Головой своей седою, —
Молвил старец, мрачно хмурясь, —
Всю страну снега покроют,
Вся листва спадет с деревьев,

Все поблекнет и погибнет,
С рек и тундр, с болотных топей
Улетят и гусь, и цапля
К отдаленным, тайным странам;
И куда бы ни пришел я,
Звери дикие лесные
В норы причутся, в пещеры,
Как кремень, земля твердеет!»

«Стоит мне тряхнуть кудрями,—
Молвил гость с улыбкой кроткой,—
Благодатный теплый ливень
Оросит поля и доли,
Воскресит цветы и травы;
На озера и болота
Возвратятся гусь и цапля,
С юга ласточка примчится,
Запоют лесные птицы;
И куда бы ни пришел я,
Дуг колыхнется цветами,
Лес звучит веселым пеньем,
От листвы темнеют чащи!»

За беседой ночь минула;
Из далеких стран Востока,
Из серебряных чертогов,
Словно воин в ярких красках,
Солнце вышло и сказала:
«Вот и я! Любуйтесь солнцем,
Гизисом, могучим солнцем!»

Онемел при этом старец.
От земли теплом пахнуло,
Над вигвамом стали сладко
Опечн петь и Овейса,
Зажурчал ручей в долине,
Нежный запах трав весенних
Из долины в вигвам повел,
И при ярком блеске солнца
Увидал Сэгвон яснее
Старца лик холодный, мертвый:
То был Пибоан могучий.

По щекам его бежали,
Как песенные потоки,
Слезы теплые струями,
Сам же он все уменьшался
В блеске радостного солнца —
Паром таял в блеске солнца,
Влагой всасывался в землю,
И Сэгвон среди вигвама,
Там, где ночью мокрый хворост
В очаге дымился, тлел,
Увидал цветок весенний,
Первоцвет, привет весенний,
Мискодит в зеленых листьях.

Так на север после стужи,
После лютой зимней стужи,
Вновь пришла весна, а с нею
Зацвели цветы и травы,
Возвратились с юга птицы.

С ветром путь держа на север,
В небе стаями летели,
Мчались лебеди, как стрелы,
Как большие стрелы в перьях,
И скликались, как люди;
Плыли гуси длинной цепью,
Изгибавшейся, подобно
Тетиве из жил оленя,
Разорвавшейся на луке;
В одиночку и попарно,
С быстрым, резким свистом крыльев,
Высоко пырки летели,
Пролетали на болота
Мушкодаза и Шух-шух-га.

В чащах леса и в долинах
Пел Овейса синеперый,
Над вигвамами, на кровлях,
Опечи пел красногрудый,
Под густым наметом сосен
Ворковал Омими, голубь,

И печальный Гафавата,
Онемевший от печали,
Услыхал их зов веселый,
Услыхал — и тихо вышел
Из угрюмого вигвама
Любоваться внешним солнцем,
Красотой земли и неба.

Из далекого похода
В царство яркого рассвета,
В царство Вебона, к Востоку,
Возвратился старый Ягу,
И принес он много-много
Удивительных повинок.

Вся деревня собралась
Слушать, как хвалился Ягу
Приключеньями своими,
Но со смехом говорила:
«Уг! Да это точно — Ягу!
Кто другой так может хвастать!»

Он сказал, что видел море
Больше, чем Большое Море,
Много больше Гитчи-Гюми
И с такой водою горькой,
Что никто не пьет ту воду.
Тут все воины и жены
Друг на друга поглядели,
Улыбнулись друг другу
И шепнули: «Это враки!
Ко! — шепнули, — это враки!»

В нем, сказал он, в этом море
Плыл огромный челн крылатый,
Шла крылатая пирога
Больше целой рощи сосен,
Выше самых старых сосен.
Тут все воины и старцы
Поглядели друг на друга,
Засмеялись и сказали:
«Ко, не верится нам что-то!»

Из жерла се, сказал он,
Вдруг раздался гром, в честь Ягу,
Стрелы молнии сверкнули.
Тут все воины и жены
Без стыда захохотали.
«Ко,— сказали,— вот так сказка!»

В ней, сказал он, плыли люди,
Да, сказал он, в этой лодке
Я сто воинов увидел.
Лица воинов тех были
Белой выкрашены краской,
Подбородки же покрыты
Были густо волосами.
Тут уж все над бедным Ягу
Стали громко издеваться,
Закричали, зашумели,
Словно вброны на соснах,
Словно серые воробьи.
«Ко! — кричали все со смехом.—
Кто ж тебе поверит, Ягу!»

Гаипата не смеялся,—
Он на шутки и насмешки
Строго им в ответ промолвил:
«Ягу правду говорит нам;
Было мне дано виденье,
Видел сам я чели крылатый,
Видел сам я бледилицы,
Бородатых чужеземцев
Из далеких стран Востока,
Лучезарного рассвета.

Гитчи Манито могучий,
Дух Великий и Создатель,
С ними шлет свои веленья,
Шлет свои нам приказанья.
Где живут они — там вьются
Амо, делатели меда,
Мухи с жалами роятся.

Где идут они — повсюду
Вырастает вслед за ними
Мискодит, краса природы.

И когда мы их увидим;
Мы должны их, словно братьев,
Встретить с лаской и приветом.
Гитчи Манито могучий
Это мне сказал в виденье.

Он открыл мне в том виденье
И грядущее, — все тайны
Дней, от нас еще далеких.
Видел я густые рати
Неизвестных нам народов,
Надвигавшихся на Запад,
Переполнивших все страны.
Разны были их парчя,
Но одно в них билось сердце,
И кипела неустанно
Их веселая работа:
Топоры в лесах звенели,
Города в лугах дымились,
На реках и на озерах
Плыли с молнией и громом
Окрыленные пироги.

А потом уже иное
Предо мной прошло виденье —
Смутно, словно за туманом:
Видел я, что гибнут наши
Племена в борьбе кровавой,
Восставая друг на друга,
Позабыв мои советы;
Видел с грустью их остатки,
Отступавшие на Запад,
Убегавшие в смятенье,
Как рассеянные тучи,
Как сухие листья в бурю!»

XXII
ЭПИЛОГ

На побережье Гитчи-Гюми,
Светлых вод Большого моря,
Тихим, ясным летним утром
Гайавата в ожиданье
У дверей стоял вигвама.

Воздух полон был прохлады,
Вся земля дышала счастьем,
А над нею, в блеске солнца,
На закат, к соседней роше,
Золотистыми роями
Пролетали пчелы, Амо,
Пели в ярком блеске солнца.

Ясно глубь небес сияла,
Тихо было Гитчи-Гюми;
У побережья прыгал Нама,
Искрясь в брызгах, в блеске солнца;
На побережье лес зеленый
Возвышался над водою,
Созерцал свои вершины,
Отраженные водою.

Светел взор был Гайаваты:
Скорбь с лица его исчезла,
Как туман с восходом солнца,
Как ночная мгла с рассветом;
С торжествующей улыбкой,
Полный радости и счастья,
Словно тот, кто видит в грезах
То, что скоро совершится,
Гайавата в ожиданье
У дверей стоял вигвама.

К солнцу руки протянул он,
Обратил к нему ладони,
И меж пальцев свет и тени
По лицу его играли,

По плечам его открытым;
Так лучи, скользя меж листьев,
Освещают дуб могучий.

По воде, в дали неясной,
Что-то белое летело,
Что-то плыло и мелькало
В легком утреннем тумане,
Опускалось, подымалось,
Подходя все ближе, ближе,

Не летит ли там Шух-шух-га?
Не ныряет ли гагара?
Не плывет ли Птица-баба?
Или это Во-би-нава
Брызги стряхивает с перьев,
С шеи длинной и блестящей?

Нет, не гусь, не цапля это,
Не нырок, не Птица-баба
По воде плывет, мелькает
В легком утреннем тумане:
То березовая лодка,
Опускалась, подымаясь,
В брызгах искрится на солнце,
И плывут в той лодке люди
Из далеких стран Востока,
Лучезарного рассвета;
То наставник бледнолицых,
Их пророк в одежде черной,
По воде с проводниками
И с друзьями путь свой держит.

И, простерши к небу руки,
В знак сердечного привета,
С торжествующей улыбкой
Ждал их славный Гайавата,
Ждал, пока под их пирогой
Захрустит прибрежный щебень,
Зашуршит песчаный берег
И наставник бледнолицых
На песчаный берег выйдет,

И когда наставник вышел,
Громко, радостно воскликнув,
Так промолвил Гайавата:
«Светел день, о чужеземцы,
День, в который вы пришли к нам!
Все селенье наше ждет вас,
Все вигвамы вам открыты.

Никогда еще так пышно
Не цвела земля цветами,
Никогда на небе солнце
Не сияло так, как ныне,
В день, когда из стран Востока
Вы пришли в селенье наше!
Никогда Большое Море
Не бывало так спокойно,
Так прозрачно и свободно
От подводных скал и мелей:
Там, где шла пирога ваша,
Нет теперь ни скал, ни мелей!

Никогда табак наш не был
Так душист и так приятен,
Никогда не зеленели
Наши нивы так, как ныне,
В день, когда из стран Востока
Вы пришли в селенье наше!»

И наставник бледнолицых,
Их пророк в одежде черной,
Отвечал ему приветом:
«Мир тебе, о Гайавата!
Мир твоей стране родимой,
Мир молитвы, мир прощенья,
Мир Христа и свет Марии!»

И радушный Гайавата
Ввел гостей в свое жилище,
Посадил их там на шкурах
Горностаев и бизонов,

А Нокомис подала им
Пищу в мисках из березы,
Воду в ковшиках из липы
И зажгла им Трубку Мира.

Все пророки, Джосакиды,
Все волшебники, Вэбины,
Все врачи недугов, Мида,
С ними воины и старцы
Собралися пред вигвамом,
Чтоб почтить гостей приветом.
Тесным кругом у порога
На земле они сидели
И курили трубки молча,
А когда к ним из вигвама
Вышли гости, так сказали:
«Всех нас радует, о братья,
Что пришли вы навестить нас
Из далеких стран Востока!»

И наставник бледнолицых
Рассказал тогда народу,
Что пришел он им поведать
О святой Марии-Деве,
О ее предвечном Сыне.
Рассказал, как в дни былые
Он сошел на землю к людям,
Как он жил в посте, в молитве,
Как учил он, как еврен,
Богом проклятое племя,
На кресте его распяли,
Как восстал он из могилы,
Вновь ходил с учениками
И с земли вознесся в небо.

И народ ему ответил:
«Мы словам твоим внимали,
Мы внимали мудрой речи,
Мы должны о ней подумать.
Всех нас радует, о братья,
Что пришли вы навестить нас
Из далеких стран Востока!»

И, простясь, все удалились,
Разошлись к своим вигвамам,
Рассказали на деревне
Юным воинам и женам,
Что прислал Владыка Жизни
К ним гостей из стран Востока.

От жары, в затишье полдня,
Тяжким воздух стапавился;
В полусне шептались сосны
Позади вигвамов душных,
В полусне плескались волны
На песчаное побережье,
А на нивах, не смолкая,
Нел кузнечик, Па-пок-кина.
Спали гости Гайаваты,
Истомленные жарою,
В душном сумраке вигвама.

Тихо вечер приближался,
Освежая знойный воздух,
И метало солнце стрелы,
Пробивая чащи леса,
В тайники его врывался,
Все осматривая зорко.
Спали гости Гайаваты
В тихом сумраке вигвама.

С мягких шкур встал Гайавата
И простился он с Нокомис,
Тихим шепотом сказал ей,
Чтоб гостей не потревожить:

«Ухожу я, о Нокомис,
Ухожу я в путь далекий,
Ухожу в страну Заката,
В край Кивайдина родимый.
По гостей моих, Нокомис,
На тебя я оставляю:
Сохраняй их и заботься,
Чтоб ни страх, ни подозренье,

Ни печаль их не смущали;
Чтоб в вигваме Гайаваты
Им всегда готовы были
И приют, и кров, и пища».

Так сказав ей, он покинул
Отчий дом, пошел в селенье
И простился там с народом,
Говоря такие речи:

«Ухожу я, о народ мой,
Ухожу я в путь далекий:
Много зим и много весен
И придет, и вновь исчезнет,
Прежде чем я вас увижу;
Но гостей моих оставил
Я в родном моем вигваме:
Наставленьям их принимайте,
Слову мудрости внимайте,
Ибо их Владыка Жизни
К нам прислал из царства света».

На побережье Гайавата
Обернулся на прощанье,
На сверкающие волны
Сдвинул легкую пирогу,
От кремнистого побережья
Оттолкнул ее на волны,—
«На закат!» — сказал ей тихо
И пустился в путь далекий.

И закат огнем багряным
Облака зажег, и небо,
Словно прерии, пылало.
Длинным огненным потоком
Отражался в Гитчи-Гюми
Солнца след, и, удаляясь
Все на запад и на запад,
Плыл по нем к заре огнистой,
Плыл в багряные туманы,
Плыл к закату Гайавата.

И парод с побережья долго
Провожал его глазами,
Видел, как его пирога
Поднялась высоко к небу
В море солнечного блеска —
И сокрылась в тумане,
Точно бледный полумесяц,
Потонувший тихо-тихо
В полумгле, в дали багряной.

И сказал: «Прости павеки,
Ты прости, о Гайавата!»
И лесов пустынных недра
Содрогнулись — и пронесся
Тяжкий вздох по мраке леса,
Вздох: «Прости, о Гайавата!»
И о берег волны с шумом
Разбивались и рыдали,
И звучал их стон печальный,
Стон: «Прости, о Гайавата!»
И Шух-шух-га на болоте
Испустила крик тоскливый,
Крик: «Прости, о Гайавата!»

Так в пурпурной мгле печерней,
В славе гаснущего солнца,
Удалился Гайавата
В край Кивайдина родимый,
Отошел в Страну Повима,
К Островам Блаженных, — в царство
Бесконечной, вечной жизни!

СЛОВАРЬ ИНДЕЙСКИХ СЛОВ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В ПОЭМЕ

Аджидбо — белка.

Амик — бобр.

Амо — пчела.

Бимэгут — виноградник.

Бэм-вава — звук грома.

Вабессо — кролик; север.

Ва-ва-тэйзи — светляк.

Вава — дикий гусь.

Вавбик — утес.

Вавонэйса — полупочник
(птица).

Вагондмин — крик горя.
Вамлум — ожерелья, пояса и различные украшения из раковин и бус.
Во-би-вава — белый гусь.
Вобнайон — кожаный плащ.
Вэбино — волшебник.
Вэбино-Васк — сурепка.
Вэ-мок-квана — гусеница.

Гитчи-Гюми — Верхнее озеро.

Дагинда — гигантская лгушка.
Джиби — дух.
Джосакиды — пророки.
Дэш-кво-пэ-ши — стрекоза.

Иза — стыдись!
Ипайкивэг — пешка (в игре в кости).
Ишкуда — огонь, комета.

Пенадиззи — щеголь, франт.

Кагаи — ворон.
Каго — не тронь!
Кайдиш — морская чайка.
Киадиди — северо-западный ветер.
Кинэбик — змея.
Киню — орел.
Ко — пет.
Куку-Куку — сова.
Куо-ни-ши — стрекоза.
Кэндза, Маскеноза — щука.

Манг — пырок.
Маномоки — дикий рис.
Ман-гд-тэйзи — отважный.
Месяц Светлых Ночей — апрель.
Месяц Листьев — май.
Месяц Земляники — июнь.
Месяц Падающих Листьев — сентябрь.
Месяц Лыж — ноябрь.
Миды — врачи.
Миндга — черника.

Минджикэвои — рукавицы.
Минни-вава — порох деревьев.
Мискодит — «След Белого» (цветок).
Мише-Мдква — Великий Медведь.
Мише-Нама — Великий Осетр.
Мондэмин — мане.
Мурикодэза — глухарка.
Мэдвэй-дшка — плеск воды.
Мэма — зеленый дятел.
Мэшиндва — прислужник.

Нама — осетр.
Нама-Васк — зеленая мята.
Нинимуша — милый друг.
Пэза — отец.
Нэго-Вдджу — дюны Верхнего озера.
Пэпавин — сон, дух сна.
Нэшка — смотри!

Овэйса — сивоворопка (птица).
Одэмин — земляника.
Озавабик — медный диск (в игре в кости).
Окадэвис — речная сельдь.
Омили — голубь.
Опэвэ — проснись, встань!
Опечи — красногрудка (птица).

Па-пок-кина — кузнечик.
Пибои — зима.
Пимикаи — высушенное оленьё мясо.
Пинпэкэ — казарка (птица).
Поггэвдгон — палица.
Пдгок — смерть.
Пок-Уэджис — пигмен.
Понима — загробил жизнь.

Сива — окунь.
Сибовиша — ручей.
Соббикэши — тарантул.
Сон-джи-тэгэ — сильный.
Сэгвди — весна.

Тэмрак — ливневница.

Уг — да.

Угудводш — самглав, луна-рыба.

Читовэйк — зуск.

Ша-ша — далекое прошлое.

Шебамик — крыжовник.

Шингебис — пырок.

Шинэбвэг — утенок (фигурка в игре в кости).

Шовэк-нэмэшин — сжалась!

Шогани — морской рак.

Шогадайл — трус.

Шо-шо — ласточка.

Шух-шух-га — цапля.

Эктаги — бог Воды.

Энимики — гром.

Эндква — тростник.

ПСАЛОМ ЖИЗНИ

Не тверди в строфах унылых:
«Жизнь есть сон пустой». — В ком спит
Дух живой, — тот духом умер:
В жизни высший смысл сокрыт.

Жизнь не грезы! Жизнь есть подвиг!
И умрет не дух, а плоть.
«Прах еси — и в прах вернешься» —
Не о духе рек господь.

Не печаль и не блаженство
Жизни цель: она зовет
Нас к труду, в котором бодро
Мы должны идти вперед.

Путь далек, а время мчится, —
Не теряй в нем ничего.
Помни, что биенье сердца —
Погребальный марш его.

На житейском бранном поле,
На биваке жизни будь
Не рабом, а будь героем,
Закалившим в битвах грудь.

Не оплакивай Былого,
О Грядущем не мечтай,
Действуй только в Настоящем
И ему лишь доверяй.

Жизнь великих — призывает
Нас к великому идти,
Чтоб в песках времен остался
След и нашего пути, —

След, что выведет, быть может,
На дорогу и других —
Заблудившихся, усталых —
И пробудит бодрость в них.

Встань же смело на работу,
Отдавай все силы ей
И учись в труде упорном
Ждать прихода лучших дней!

1898

ИЗ «ЗОЛОТОЙ ЛЕГЕНДЫ»

1. БУРЯ РОЖДЕСТВЕНСКОЙ НОЧИ

Люцифер

Сбросьте, сбросьте!
О, скорее
Сбросьте, духи,
Крест собора, на позор вам
Вознесенный в небеса!

Голоса

Мы бессильны!
Херувимы
И святые тесным сонмом
Заступили крест, повсюду
Отражая нашу рать!

Колокола

Laudo Deum verum!
Plebem voco!
Congrego clerum! ¹

Люцифер

В башню, в башню!
Овладейте

¹ Славлю истинного бога!
Призываю народ!
Собираю причт! (лат.)

Колокольней — и со звоном,
С гулом, с шумом пизвергайте
С башни медь колоколов!

Г о л о с а

Мы бессильны!
Их кропили
Освященною водою!
Их крестили! Паша ярость
Бесполезна и жалка!

К о л о к о л а

Defunctos ploro!
Pestem fugo!
Festa decoro!¹

Л ю ц и ф е р

Рвите рамы!
Бейте в окна,
В пурпур, в золото их стекол!
Размечите их, как листья
Пред лицом осенних бурь!

Г о л о с а

Мы бессильны!
Жжет и блещет
Меч палланий Михаила,
Меч того, кто нас, смятенных,
Свергнул некогда с небес!

К о л о к о л а

Funera plango!
Fulgura frango!
Sabbata pango!²

¹ Оплакиваю умерших!
Изгоняю пагубу!
Украшаю праздники! (лат.)

² Возвещаю погребенье!
Угрожаю молнии!
Назначаю дни отдыха! (лат.)

Люцифер

Метьте стрелы
Молний в двери,
В латы сумрачных порталов!
Сокрушите храм, рассейте
Прах и пепел мертвецов!

Голоса

Мы бессильны!
Страстотерпцы
И апостолы Иисуса,
В строгих маантиях, в хитонах,
Стражей встали при дверях!

Колокола

Excito lentos!
Dessipo ventos!
Paco cruentos!¹

Люцифер

Род презренный,
Малодушный!
Мчитесь, скройтесь
В ночь и мрак! Близка заря.

Голоса

Мчимся, мчимся!
С ветром ночи,
Над полями, над лесами,
Над поселками темными,
Все, как смерть, губя в пути!

Орган и хор

Nocte surgentos!
Vigilimus omnes!²

¹ Пробуждаю ленивых!
Прекращаю бури!
Умиротворяю ожесточенных! (лат.)
² Поднимающиеся ночью!
Мы все бодрствуем! (лат.)

II. ОЧАРОВАННЫЙ ИНОК

Однажды утром,
По вековому сумрачному лесу,
Из древних, серых степ монастыря,
С задумчиво покинутой головою
И тихою молитвой на устах
Шел инок Феликс.

Был жаркий день,
Был зноен летний воздух, и зеленый
Теплый лес
Уподоблялся мирной
Обители безгрешных. Золотые
Лежали мхи среди деревьев, ветви
Как бы творили знаменье креста,
Качалась и шепча свои молитвы,
И разливался сладкий, нежный запах
Лесных цветов и виноградных лоз,
Тлнувших из чащи к свету солнца.
Исполнено все было красоты;
Но инок Феликс
Был погружен в глубокое раздумье:
Его глаза
Покоились на книге Августина,
Где он прочел
О дивном и незримом божьем граде
В далекой и неведомой стране.
«Всем сердцем верю
В твои деянья, господи! — сказал он, —
Но не могу постигнуть их». — И вдруг
В лесу раздался голос, — дивный голос
Какой-то птицы, райски белоснежной,
Упавшей точно с неба и запевшей
Столь сладостно, столь звучно, что казалось,
Запели в небе струны золотые
Несметных арф. И Феликс
Забыл святую книгу
И долго, долго

Шел и принимал той птице, восхищенный,
Доколе не увидел, как во сне,
Небесного убежища блаженных,
Доколе не узрел
Сонм ангелов, ходящих в божьем граде
По золотым, по звучным плитам улиц.
Он искушен был дерзкой
Мечтой поймать таинственную птицу,
Но птица по холмам и по долам
Все далее и далее летела —
И Феликс, вместо сладостного пенья,
Услышал наконец
Далекий звон обители, зовущий
К полуденной молитве, и поспешно
В обитель возвратился. Что ж он видит?
Он узнает знакомые места,
Шпиг колокольни, пасмурные степы
Из серого гранита, кельи, вышки,
Но, вглядываясь в братию, не может
Найти в толпе
Ни одного знакомого! Повсюду
Чужие, неприветливые лица,
И новые для слуха голоса
Поют псалмы под голоса органа!
И всем чужой,
Меж старыми дубовыми скамьями,
Остановился Феликс, и монахи
Рассматривали тоже с удивленьем
Его лицо. «Я вот уж сорок лет
Живу в святой обители, — промолвил
Один из них, — но этого лица
За сорок лет я никогда не видел».
Похолодев от страха, Феликс робко
Сказал в ответ: «Окончив Первый час,
Я нынче утром вышел за ворота
И долго шел, влекомый сладким пеньем
Какой-то белоснежной дивной птицы,
Пока вдали
Не услышал полуденного звона.
Я был как бы во сне:
Часы мне показались кратким мигом».

«Часы!» — сказал монах,
Сидевший за дубовой темной партой
Под северной стеною. «Не часы,
А целые года!» — сказал он. Это был
Старейший между всеми. Он столетье
Провел в лесу, в святом служенье богу,
Он вспомнил голос Феликса, всмотрелся
В его лицо и медленно промолвил:
«Сто лет назад,
Когда я был послушником, был в этой
Обители, хранимой богом, инок,
Весьма ему угодный и носивший
Святое имя: Феликс. Это Феликс!»

И вынесли на свет
Из пыльного скрипторнума книгу,
Огромную, оправленную медью
И темной кожей дикого медведя,
В которой отмечались имена
Всех иноков, здесь живших и умерших.
И там прочли
Все сказанное старцем: что столетье
Тому назад, в такой-то день и месяц,
Ушел из врат обители брат Феликс
И под ее благословенный кров
Уж больше не вернулся — слыл умершим.
И, прочитав,
Признали, что ему,
Плененному бессмертной райской песнью,
Век показался истинно мгновеньем.

1908

О ХРИСТЕ И ДОЧЕРИ ХАЛИФА

Ферма в Одсвальде. — Сад. — Утро. — Принц Генри читает
книгу. Эльзи подходит к нему с цветами.

Эльзи

Я нарвала цветов,
Вот это вам,
А это пречистой деве
И святой Цецилии.

П р и н ц Г е н р и

Ты похожа сейчас
На того ангела,
Что украсил бессмертными цветами
Брачный чертог Цецилии.

Э л ь з и

Мои цветы умрут!

П р и н ц Г е н р и

Цветы умрут,
Но не умрет память о них,
А памяти дапа
Власть воскрешать из мертвых.

Э л ь з и

Знаете ли вы легенду
О Христе и дочери халифа?
Я не знаю легенды прекрасней.

П р и н ц Г е н р и

Тогда расскажи мне ее.
Но прежде подойди поближе,
Положи цветы и дай мне руки.
Теперь рассказывай.

Э л ь з и

Равним утром
Гуляла дочь халифа
В саду отца своего,
Срывая яркие розы,
Полные росы.

П р и н ц Г е н р и

Как нынче утром
Ты, дорогая Эльзи.

Эльзи

И, срывая,
Все более дивилась.
Кто Господин цветов,
Кто возрастил их
Из темной и холодной земли?
«В душу мою,— сказала она, —
Вошла любовь к Нему; я для Него
Оставлю дом отца, я буду
В Его саду трудиться».

Припц Генри

Дорогое, невинное дитя!
Как сладко рассказываешь ты
Давно забытую легенду,
Что в раннем детстве
Слышал я от матери!

Эльзи

И в полночь,
Когда почивала дочь халифа,
Послышался из сада голос.
Он звал ее. И, взглянув в окно,
Она увидела прекрасного юношу,
Стоящего среди цветов.
То был господь наш.
И дочь халифа
Вышла и отворила ему,
И он сказал ей: «Дева!
Ты подумала обо мне с любовью,
И ради твоего спасения
Я оставил дом отца моего.
Я Господин цветов,
Мой сад в небесном царстве,
И если ты последуешь за мной,
Твой брачный венок
Будет из ярко-красных цветов».

И снял с руки своей
Золотой перстень
И спросил дочь халифа,
Хочет ли она быть его невестой.
И когда она с любовью ответила ему,
Раскрылась рана в его груди,
И он сказал: «Вот розы,
Что расцвели на Голгофе,
Где я умер ради тебя.
Иди за мной,
Меня зовет отец мой небесный,
Ты моя нареченная невеста».
И дочь халифа
Последовала за ним
В сад отца его.

Принц Генри

А ты, Эльзи, последовала бы?

Эльзи

Да, с радостью.

Принц Генри

Тогда небесный жених
Придет за тобой.
Он на чело твое
Возложит не терновый венец,
А венок из роз.
В брачном чертоге своем
Ты, как святая Цецилия,
Услышишь сладкогласные клиры
И упьешься благоуханием
Цветов бессмертных.
Иди и положи цветы
Перед ее изображеньем.

16.III.15

ДЖОРДЖ ГОРДОН БАЙРОН

КАИН

Мистерия

Этот же бы мудрейший всех
зверей сущих на земли, иже
сотвори господь бог.

Быт. 3, 1

*Dramatis personae*¹

Адам.	Люцифер.
Канн.	Ева.
Авель.	Ада.
Ангел господень.	Сетла.

АКТ ПЕРВЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Местность близ рая.— Восход солнца.

Адам, Ева, Канн, Авель, Ада, Сетла — на молитве.

Адам

Иегова, вечный, мудрый, бесконечный!
Ты, кто воззвал единым мощным словом
Из мрака свет — хвала тебе и слава!
На утре днѣ — хвала тебе и слава!

Ева

Иегова! Ты, кто дал нам день, и утро
Впервые отделил от тьмы, и воды
С водами разлучил, и назвал небом
Твердь между вод — хвала тебе и слава!

¹ Действующие лица (лат.).

А в е л ь

Иегова! Ты, кто разделил стихии
На землю, воду, воздух и огонь,
Кто, сотворив светила дня и ночи,
Создал и тех, которые могли бы
Любить тебя, любить твои создания
И ликовать — хвала, хвала тебе!

А д а

Иегова, бог! Отец всей твари,
Создавший человека всех прекрасней,
Достойней всех земной любви, дозволяя мне
Любить его! — Хвала, хвала тебе!

С е л л а

Иегова! Ты, кто, все благословляя,
Все сотворив и все любя, дозволил
Войти в Эдем и погубить нас змию,
Храни нас впредь! Хвала тебе и слава!

А д а м

Мой первенец, а что же ты молчишь?

К а и н

Что сделать мне?

А д а м

Молись.

К а и н

Ведь вы молились.

А д а м

От всей души.

К а и н

И громко: я вас слышал.

А д а м

Как и творец, падеюсь я.

А в е л ь

Аминь.

А д а м

Но ты молчишь, сын Каин.

К а и н

Это лучше.

А д а м

Скажи яслей.

К а и н

Мне не о чем молиться.

А д а м

И не за что быть благодарным?

К а и н

Нет.

А д а м

Но ты живешь?

К а и н

Чтоб умереть?

Е в а

О горе!

Плод древа запрещенного созрел.

А д а м

И мы опять должны его вкусить.
Зачем, о боже, дал ты древо знания?

К а и н

Зачем ты не вкусил от древа жизни?
Тогда б он не страшил тебя.

Адам

О Каин!

Не богохульствуй: это речи змия.

Каин

Что ж, змий не лгал! дало же древо званье;
Другое — жизнь дало бы. Жизнь есть благо,
И знание есть благо. Как же может
Быть злом добро?

Ева

Мой сын, ты говоришь,
Как я, свершая грех свой, говорила:
Не дай его мне видеть возрожденным
В тлом грехе. Я примирилась с небом.
Не дай мне зреть, здесь, за пратами рая,
Свое дитя в той сети, что сгубила
В раю его родителей. Доволен
Будь тем, что есть: довольствуйся мы раем,
И ты б теперь доволен был. О сын мой!

Адам

Молитва наша кончена, идемте
К своим трудам урочным, не тяжелым,
Но все ж необходимым: пивы щедро
Нам воздают за малый труд.

Ева

Сын Каин,

Смотри, как он покoren и как бодр:
Бери пример.

Адам и Ева уходят.

Авель

Брат, не гневи печалью
Предвечного: печаль бесплодна.

Ада

Каин,

Ты и на Аду хмуришься?

К а н н

Нет, Ада!

Но я одип побуду. Авель, мне
Не по себе; но это ненадолго.
Иди же, брат. И вы идите, сестры.
Не должно нежность грубостью встречать:
Я буду вслед за вами.

А да

Если ж нет,

Я за тобой вернусь сюда.

А в е л ь

Да будет

Мир над тобою, брат!

Авель, Селла и Ада уходят.

К а н н

(один)

И это жизнь!

Трудись, трудись! Но почему я должен
Трудиться? Потому, что мой отец
Утратил рай. Но в чем же я виновен?
В те дни я не рожден был,— не стремился
Рожденным быть,— родившись, не люблю
Того, что мне дало мое рождение.
Зачем он уступил жене и змие?
А уступив, за что страдает? Дерево
Росло в раю и было так прекрасно:
Кто ж должен был им пользоваться? Если
Не он, так для чего оно росло
Вблизи его? У них на все вопросы
Один ответ: «Его свлтал воля,
А он есть благ». Всесилен, так я благ?
Зачем же благость эта наказует
Меня за грех родителей?

Но кто-то

Идет сюда. По виду это ангел,
Хотя он и суровей и печальней,
Чем ангелы: он мне внушает страх.

Он не страшнее тех, что потрясают
Горлцкими мечами пред вратами,
Вокруг которых часто я скитаюсь,
Чтоб на свое законное наследье —
На райский сад взглянуть хотя мельком,
Считаюсь до поры, пока не скроет
Ночная тьма Эдема и бессмертных
Эдемских пасаждений, осенивших
Зубцы твердынь, храпимых грозной стражей;
Я не дрожал при виде херувимов,
Так отчего ж я с трепетом встречаю
Того, кто приближается? Он смотрит
Величественней ангелов; он так же
Прекрасен, как бесплотные, но, мнится,
Не столь прекрасен, как когда-то был
Иль мог бы быть: скорбь кажется мне частью
Его души, — хотя доступна ль скорбь
Для ангелов? Но он подходит.

Люцифер
(приближаясь)

Смертный!

К а и н

Кто ты, о дух?

Люцифер

Я повелитель духов.

К а и н

Но если так, зачем ты их покинул
Для смертного?

Люцифер

Я знаю мысли смертных
И сострадаю смертным.

К а и н

Как! Ты знаешь,

Что мысля я?

Люцифер

Да, это мысли всех
Достойных мысли; это говорит в вас
Бессмертные.

Канн

Бессмертные? О пем
Не знаем мы: безумием Адама
Мы лишены плодов от древа жизни,
Меж тем как мать вкусила слишком рано
Плода от древа знания — нашей смерти.

Люцифер

Ты будешь жить, — не верь им.

Канн

Я живу,
Но лишь затем, чтоб умереть, и в жизни
Я ничего не вижу, что могло бы
Смерть сделать ненавистною мне, кроме
Врожденной нам привязанности к жизни,
Презренной, но ничем не победимой:
Живя, я проклиная час рожденья
И презираю самого себя.

Люцифер

Но ты живешь и будешь жить: не думай,
Что прах земной, что плоть твоя есть сущность.
Прах твой умрет, а ты вовек пребудешь
Тем, чем ты был.

Канн

Чем был? Но и не больше?

Люцифер

Быть может, ты подобен будешь нам.

Канн

А вы?

Люцифер

Мы вечны.

К а и н

Счастливы?

Л ю ц и ф е р

Могучи.

К а и н

Я говорю, вы счастливы?

Л ю ц и ф е р

Мы — нет.

А ты?

К а и н

Взгляни!

Л ю ц и ф е р

О жалкий прах! Ты смеешь
Считать себя несчастным?

К а и н

Я несчастен.

А ты с твоим могуществом — кто ты?

Л ю ц и ф е р

Тот, кто дерзал с твоим творцом равняться
И кто тебя таким не сотворил бы.

К а и н

Да, ты глядишь почти что богом. Ты...

Л ю ц и ф е р

Но я не бог и, не достигнув бога,
Хочу одно: самим собой остаться.
Он победил,— пусть царствует!

К а и н

Кто — он?

Л ю ц и ф е р

Творец земли, творец людей...

К а н н

И неба

И сущего на небе. Так поют
Архангелы, так говорит родитель.

Л ю ц и ф е р

Они поют и говорят лишь то,
Что им велят. Их устрашает участь
Быть в мире тем, чем мы с тобою стали:
Ты — меж людей, я — меж бессмертных духов.

К а н н

А мы с тобой — кто мы?

Л ю ц и ф е р

Мы существа,
Дерзнувшие сознать свое бессмертье,
Взглянуть в лицо всемогущему тирану,
Сказать ему, что зло не есть добро.
Он говорит, что создал нас с тобою —
Я этого не знаю и не верю,
Что это так, — но, если он нас создал,
Он нас не уничтожит: мы бессмертны!
Он должен был бессмертными создать нас,
Чтоб мучить нас: пусть мучит! Он велик,
Но он в своем величии несчастней,
Чем мы в борьбе. Зла не рождает благо,
А он родит одно лишь зло. Но пусть
Он на своем престоле величавом
Творит миры, чтоб облегчить себе
Ни с кем не разделенное бессмертье,
Пусть громоздит на звезды звезды: все же
Он одинок, тиран бессмертный. Если б
Он самого себя мог уничтожить,
То это был бы лучший дар из всех
Его даров. Но пусть царит, пусть страждет!
Мы, духи, с вами, смертными, мы можем
Хоть сострадать друг другу; мы, терзаясь,
Мучения друг другу облегчаем
Сочувствием: оно весь мир связует;

Но он! в своем величии несчастный,
В несчастии не знающий отрады,
Он лишь творит, чтоб без конца творить!

К а н н

Ты говоришь о том, что хоть неясно,
Но уж давно в моем уме посилось:
Я никогда не мог согласовать
Того, что видел, с тем, что говорят мне.
Мать и отец толкуют мне о змие,
О древе, о плодах его; я вижу
Врата того, что было их Эдемом,
И ангелов с палящими мечами,
Изгнавших нас из рая; я томлюсь
В трудах и думах; чувствую, что в мире
Ничтожен я, меж тем как мысль моя
Сильна, как бог! Но я молчал, я думал,
Что я один страдаю. Мой отец
Давно смирился; в матери угасла
Та искра, что влекла ее к познанию;
Брат бдит стада и совершает жертвы
Из первенцев от этих стад тому,
Кто повелел, чтоб нам земля давала
Плоды лишь за тяжелый труд; сестра
Поет ему хвалы еще до солнца,
И даже Ада, сердцу моему
Столь близкая, не понимает мыслей,
Меня гнетущих: я еще не встретил
Ни в ком себе сочувствия! Тем лучше:
Я с духами в сообщество вступаю.

Л ю ц и ф е р

Ты этого сообщества достоин.
Иначе ты не видел бы меня:
Довольно было б змие.

К а н н

А! Так это
Ты соблазнитель матери?

Люцифер

Ничем,

Помимо правды, я не соблазню.
Ведь вы вкусили знания, ведь были
Плоды на древе жизни? Разве я
Давал запрет вкушать от них? И я ли
Растил плоды запретные к соблазну
Существ, душой невинных, любопытных
В своей святой невинности? Я б создал
Богамн вас, а он лишил вас рая,
«Чтоб вы от древа жизни не вкусили
И не были, как боги». — Таковы
Его слова.

Канн

Ты прав. Я это слышал
От тех, кому они звучали в грое.

Люцифер

Так кто ж злой дух? Тот, кто лишил вас жизни,
Иль тот, кто вам хотел дать жизнь, и радость,
И знание?

Канн

Им нужно было оба
Сорвать плода иль не срывать совсем.

Люцифер

Один уж ваш; стремитесь к другому.

Канн

Но как?

Люцифер

Сопротивляясь. Угасить
Ничто не может духа, если хочет
Дух быть самим собой и средоточьем
Всего, что окружает дух; он создан,
Чтоб царствовать.

К а н н

Не ты ли соблазнил
Отца и мать?

Л ю ц и ф е р

Я? Жалкий прах! Зачем мно
Вас соблазнять? И как?

К а н н

Мне говорили,
Что змий был дух.

Л ю ц и ф е р

Кто это говорит?

Не жалкое ль тщеславье человека,
Что силится свалить свое паденье
На нас, на духов? Змий был змий, не больше,
Но и не меньше тех, что соблазнились.
Он тоже прах, но он мудрее их,
Затем, что победил их. Разве стал бы
Я принимать подобье смертной твари?

К а н н

Но тварь в себе скрывала злого духа.

Л ю ц и ф е р

Нет, тварь его лишь разбудила в тех,
С кем говорил язык ее коварный.
Я говорю, что змий был только змий:
Спроси у херувимов, стерегущих
Запретный плод. Когда века веком
Пройдут над вашим прахом безглагольным,
Потомки ваши баснею украсят
Ваш первый грех и мне припишут образ,
Который презираю я, как все,
Что пред творцом склопнется, создавшим
Все сущее в живых для поклоненья
Перед его бессмертным угрюмым.
Но мы — мы знаем истину и станем
Провозглашать лишь истину. Адам

Пленен был пресмыкающейся тварью.
Но дух не пресмыкается: чему
Завидовать в пределах тесных рая
Владыке беспредельного пространства?
Но я с тобою речь веду о том,
Чего ты, несмотря на древо знания,
Не можешь знать.

К а н н

Но укажи мне то,
Чего я не хотел бы знать, не жаждал?

Л ю ц и ф е р

Дерзнешь ли ты взглянуть на смерть?

К а н н

Ее

Никто еще не видел.

Л ю ц и ф е р

Испытать же

Придется всем.

К а н н

Отец мой говорит

О ней, как о чудовище; мать плачет
При слове «смерть»; брат Авель к небесам
Возводит очи; Селла потупляет
Свои к земле, шепча молитву; Ада
Глядит в мои.

Л ю ц и ф е р

А ты?

К а н н

Когда я слышу

Об этой всемогущей и, как видно,
Ничем не отвратимой смерти, думы
Несметные в моем уме теснятся
И жгут его. Возможно ль с ней бороться?
Я мальчиком со львом боролся в играх

И так сжимал в объятиях его,
Что он ревел и обращался в бегство.

Люцифер

Смерть не имеет образа, по все,
Что посит вид земных существ, поглотит.

Кани

Я смерть считал за существо. Что может
Столь злостным быть, помимо существа?

Люцифер

Спроси у разрушителя.

Кани

Какого?

Люцифер

Иль у творца — зови его, как хочешь.
Ведь он творит затем, чтоб разрушать.

Кани

Я этого не знал еще, но думал
Почти что то же самое, как только
Я услышал о смерти. Я не знаю,
Что значит смерть, но смерть мне представлялась
Всегда ужасным чем-то. Я нередко
Вперял свой взор во тьму пустынной ночи,
Ища ее; я видел чьи-то тепи
У райских степ, во мраке, где пылают
Мечи в деснице ангелов, и жадно
Следил за тем, что мне казалось смертью,
Весь трепеща от страха и желанья
Увидеть то, пред чем мы все трепещем.
Но мрак был пуст, и я свой взор усталый
От стен родного рая отвращал
К светилам горним, к синему эфиру,
К его огням, столь печным и прекрасным.
Ужели и они умрут?

Люцифер

Быть может;
Но надолго всех вас переживут.

Кайн

Я рад. Но смерть! Смерть мне внушает трепет.
Она есть нечто грозное: но что же?
Она нам всем, виновным и невинным,
Как зло была объявлена: какое?

Люцифер

Вновь прахом стать.

Кайн

Стать неподвижным прахом
Еще не зло; но только бы не быть
Ничем иным!

Люцифер

Презренное желанье!
Презренней, чем желанья Адама:
Тот хоть стремился к знанью.

Кайн

Но не к жизни;
Иначе почему он не вкусил
От древа жизни?

Люцифер

Изгнан был из рая.

Кайн

Ужасная ошибка! Он был должен
Сперва сорвать плод жизни, но, не зная
Добра и зла, не ведал он и смерти.
Увы! Я смерть узнал еще так мало,
Но уж страшусь... того, чего не знаю.

Люцифер

А я, познавший все, уж не страшусь
Ни перед чем. Вот истинное знание.

К а н н

Наставь меня.

Л ю ц и ф е р

С условием.

К а н н

Каким?

Л ю ц и ф е р

Падн и поклоннись мпе, как владыке.

К а н н

Ты разве бог?

Л ю ц и ф е р

Не бог.

К а н н

Так равный богу?

Л ю ц и ф е р

О нет, я не имею ничего
С ним общего — и не скорблю об этом.
Я соглашусь быть чем угодно — выше
Иль даже ниже — только не слугою
Могущества Иеговы. Я не бог,
Но я велик: немало тех, что сердцем
Чтут власть мою, — их будут сонмы; будь же
Из первых — ты.

К а н н

Я никогда еще

Пред божеством отца не преклонялся,
Хотя нередко Авель умоляет,
Чтоб мы свершали жертвы богу вместе.
Зачем же мне склоняться пред тобой?

Л ю ц и ф е р

Ты никогда пред ним не преклонялся?

К а и п

Ты разве не слышал меня? И разве
Ты сам не знал об этом? Ты всеведущ.

Л ю ц и ф е р

Но не поклонник бога — мой поклонник.

К а и п

Я не хочу сгибаться ни пред кем.

Л ю ц и ф е р

Ты все же мой: непоклопенье богу
Есть поклоненье мне.

К а и п

Скажи яспее.

Л ю ц и ф е р

Ты сам поймешь — со временем.

К а и п

Открой

Мне тайну моего существования.

Л ю ц и ф е р

Иди за мной.

К а и п

Мне нужно на работу.

Я обещал...

Л ю ц и ф е р

Что обещал?

К а и п

Для жертвы

Набрать плодов.

Л ю ц и ф е р

Не ты ли говорил,
Что пред творцом ни разу не склонялся?

К а и н

Но Авель упросил меня. Ведь жертву
Свершу не я — скорее он. И Ада...

Л ю ц и ф е р

Чем ты смущен?

К а и н

Она моя сестра,
Мы рождены одним и тем же чрепом
В один и тот же день: она слезами
Исторгла обещанье у меня.
Я все готов перенести для Ады,
Я преклонюсь пред чем угодно, лишь бы
В слезах ее не видеть.

Л ю ц и ф е р

Так иди

Вослед за мной.

К а и н

Дух, я иду.

А д а

(входя)

Брат Каин!

Я за тобой: уж полдень, — наступает
Час отдыха и радости, и пам
Недостает тебя. Ты не работал,
Но я твой труд исполнила; созрели
Твои плоды и блещут, точно солнце.
Идем.

К а и н

Иль ты не видишь?

А д а

Вижу — ангел.

Мы видим их нередко. Он разделит
Час нашего полднего досуга?

К а и н

Он не похож на ангелов, которых
Мы видели.

А д а

Есть разве и другие?
Но и ему мы будем рады — так же,
Как и другим: те не гнушались нами.

К а и н

(Люциферу)

Идешь ли ты?

Л ю ц и ф е р

Иди за мной.

К а и н

Я должен

Идти за ним.

А д а

И нас покинуть?

К а и н

Да.

А д а

И даже Аду?

К а и н

Ада!

А д а

Так позволь мне

Идти с тобой!

Л ю ц и ф е р

Нет, он пойдет один.

А д а

Кто ты, разъединяющий так властно
Сердца людей?

Каин
Он бог.

Ада
А кто об этом
Тебе сказал?

Каин
Он говорит, как бог.

Ада
Так говорил и лживый змий.

Люцифер
Нет, Ада,
Змий вам не лгал: дало же древо званья
Познание.

Ада
На горе вам!

Люцифер
О да.
Но это горе — знание, и, значит,
Змий вам не лгал; он истиной прельстил вас,
А истина, по существу, есть благо.

Ада
Но истина песет вам только беды:
Изгнание из нашего приюта,
Тяжелый труд, душевный гнет и страх,
Томление о прошлом и надежды
На то, что не вернется. Не ходи
За ртим духом, Каин! Примиришь
С своей судьбой, как мы с ней примирились,
Люби меня, как я тебя люблю.

Люцифер
Сильней отца и матери?

А да

Сильнее!

Но разве это тоже смертный грех?

Люцифер

Пока — не грех; но будет им — в грядущем,
Для вашего потомства.

А да

Как! Ужели

Любить Эноха дочь моя не будет?

Люцифер

Не так, как Ада — Каина.

А да

О боже!

Ужель они не будут ни любить,
Ни жизнь давать созданиям, что возникли б
Из их любви, чтоб вновь любить друг друга?
Но разве не питаются они
Одною грудью? Разве не родился
Он, их отец, в один и тот же час
Со мной от лона матери? И разве
Не любим мы друг друга и любовью
Не множим тех, что будут так же нежно
Любить, как мы их любим? — как люблю я
Тебя, мой брат? Нет, не ходи за ним —
За этим духом: это дух — нам чуждый.

Люцифер

Но я не говорил тебе, что ваша
Любовь есть грех: она преступной будет
В глазах лишь тех, что вас заменят в жизни.

А да

Так, значит, добродетель и порок
Зависят от случайности? Тогда
Мы все — рабы.

Люцифер

Рабамн даже духи
Могли бы стать, не предпочти они
Свободных мук бряцанию на арфах
И низким восхвалениям Иеговы
За то, что он, Иегова, всемогущ
И не любовь внушает им, а ужас,

А да

Кто всемогущ, тот и всеблаг.

Люцифер

Таким ли

Он был в раю?

А да

Враг! Не смущай меня
Своею красотою; ты прекрасней,
Чем демон змий, но так же лжив.

Люцифер

Правдив.

Спроси у вашей матери, у Евы:
Солгал ли змий?

А да

О мать! Твое паденье
Для чад твоих губительнее было,
Чем для тебя; ты пропела хоть юность
В Эдеме, в беззаботном и блаженном
Обществе с блаженными; а нас,
Не педавших Эдема, обступают
Враги, что лишь присвоили себе
Слова творца и соблазняют наши
Млечущие души нашей жадной,
Неутоленной мыслью, как тебя
Змий соблазнил на лопе беззаботных,
Невинных, юных радостей твоих!
Бессмертному, стоящему пред нами,
Я не могу ответить, не могу
Проклясть его; я с сладостной боязвью

Любуюсь им — я не могу бежать:
В его глазах — таинственная прелесть,
И я не в силах взора отвести
От этих глаз; в груди трепещет сердце,
Мне страшно с ним, но он влечет меня,
Влечет к себе все ближе... Канн! Канн!
Спаси меня!

К а н н

Не бойся: он не демон.

А д а

Но и не бог, не ангел божий: я
Видала херувимов, серафимов;
Он не похож на них.

К а н н

Есть духи выше:

Архангелы.

Л ю ц и ф е р

Еще есть выше.

А д а

Есть,

Но разве те блаженны?

Л ю ц и ф е р

Если рабство

Равняется блаженству — не блаженны.

А д а

Я слышала; что нежны — серафимы,
А мудры — херувимы. Дух, ты — мудрый,
Ты — херувим, тебе любовь чужда.

Л ю ц и ф е р

Когда любовь от зная гибнет, — кем же
Быть должен тот, кого, узнав, не любишь?

Всезнающим и мудрым херувимам
Любовь чужда; так, значит, серафимы
Лишь по незнанию любят. Что любовь
Несовместима с знанием, мы видим:
Пример — судьба Адама. Выбирайте
Меж знанием и любовью, — ведь другого
Нет выбора. Адам уже избрал:
Он почитает бога лишь из страха,

А д а

О Каин! Избери любовь,

К а и н

С любовью

К тебе, сестра, я был рожден. Но больше
Я ничего на свете не люблю,

А д а

А мать, отец?

К а и н

Они нас не любили,
Срывая плод, лишивший нас Эдема.

А д а

Мы не были в то время рождены,
А если бы и были — неужели
Мы не должны любить их так же нежно,
Как любим мы своих малюток, Каин?

К а и н

Мои едва лепечущие крошки!
Будь я уверен в счастье их, я мог бы
Почти простить... Но это не простится
Чрез тысячи столетий! Никогда
Любить не будут память человека,
Что семя человеческого рода
И семя зла посеять мог в один
И тот же час. Он пал, но мало было
Ему своих страданий: он зачал
Меня, тебя, всех нас, — пока немногих,

И песь безмерный, бесконечный ряд,
Мирьяды, сонмы тех, что народятся
Для новых, горших мук, и чьим отцом
Быть должен я! Твоя любовь и юность,
Моя любовь и радость, миг блаженства,
Мгновение покоя, все, что любим
Мы в детях и друг в друге — все ведет
И нас и их путем греха и скорби,
Лишь изредка даруя миг отрады,
К неведомому — смерти. Древо знанья
Нас обмануло: грех свершен, но все ли
Познали мы о жизни и о смерти?
Мы знаем лишь одно: что мы несчастны.

А д а

Я не несчастна, Каин, и когда бы
Ты счастлив был...

К а и н

Будь счастлива одна,
Я не нуждаюсь в том, что унижает
Во мне мой дух.

А д а

Одна я не хочу
И не могу быть счастлива; но с теми,
Что близки мне, я думаю, могла бы!
Я не смущаюсь смерти, непонятной
И потому не страшной мне, хотя
Она и страшной кажется, как часто
Приходится мне слышать.

Л ю ц и ф е р

Так одна
Ты счастлива не можешь быть?

А д а

Но кто же
Один бы мог быть счастлив или добр?
Одна! но мне мое уединенье
Всегда грехом казалось, если я
Не чаяла, что скоро встречу с близким.

Люцифер

Но бог твой одиноч: так неужели
Не счастлив он, не добр?

А да

Он не один:
Есть ангелы и смертные, — он счастлив,
Даруя счастье ангелам и смертным.
Ведь радость в том, чтоб радовать других.

Люцифер

А твой отец, — давно ли из Эдема
Был изгнан он? А Каин? Ты сама?
Спокойна ли душа твоя?

А да

Увы!

Но ты — ведь ты не ангел?

Люцифер

Нет, не ангел.

А почему — спроси у всеблагого,
Всесильного создателя вселенной:
Он знает тайну эту. Мы смирились,
Другие воспротивились — и тщетно,
Как говорят нам ангелы. По мне же,
Не тщетно, нет, — раз лучше быть не может.
Есть в духе мудрость, — мудрость же влечет
Дух к истине, как сквозь рассветный сумрак
Ваш взор влечет далекий блеск денницы.

А да

Она прекрасна; я ее люблю
За красоту.

Люцифер

Боготворишь или любишь?

А да

Отец боготворит лишь одного
Незримого.

Люцифер

Незримое являет

Себя в прекрасных символах. А эта
Звезда есть вождь небесной звездной рати.

А да

Отец и бога видел.

Люцифер

Да. А ты?

А да

Я видела творца в его твореньях.

Люцифер

А в существе?

А да

Нет; разве лишь в отце,
Который есть подобие Иеговы,
Иль в ангелах, столь на тебя похожих.
Их образ лучезарнее, чем твой,
Хотя не так он властен и прекрасен:
Как тихий полдень, светом напоенный,
Они на нас взирают, ты же — ночь,
Ночной вфир, где облака, белая,
Сквозят на темном пурпуре, а звезды
Лучистыми огнями испещряют
Таинственный и дивный свод небес.
Несметные, мерцающие нежно,
Но так к себе влекущие, они
Мои глаза слезами наполняют,
Как ты теперь. Ты кажешься несчастным;
Не делай нас такими же! Ты видишь —
Я плачу о тебе.

Люцифер

О рти слезы!

Когда б ты знала, сколько их прольется!

А да

Мной?

Люцифер

Всеми.

А да

Кем?

Люцифер

Мирьядами мирьяд,
Милльонами милльонов,— всей землею,
Опустошенной, снова населенной,
И адом переполненным, чье семя
В твоей груди.

А да

О Каин! Этот дух

Нас проклиняет.

Каин

Он меня ведет.

А да

Ведет — куда?

Люцифер

Туда, где он пробудет
Лишь только час, но где увидит то,
Что создано песчетными веками.

А да

Возможно ль это?

Люцифер

Разве ваш создатель
В шесть дней не создал мир ваш из обломков
Былых миров? И разве я, помощник
В его создание мира, не могу
В час показать того, что создавал он
Иль разрушал в часы?

К а н н

Веди меня.

А д а

Но через час вернется он?

Л ю ц и ф е р

Вернется.

Мы временем не связаны. Я вечность
Могу вместить в единое мгновенье
И превратить мгновенье в вечность. Духи
Свое существование измеряют
Не тем, чем вы. Но это тайна.— Канн,
Иди за мной.

А д а

Но он ко мне вернется?

Л ю ц и ф е р

Да, женщина. Он первый и последний,
За исключением только Одного,
Из этих мест вернется, чтобы сделать
Их мир, еще безмолвный и пустынный,
Таким же населенным, как и землю.

А д а

Где ты живешь?

Л ю ц и ф е р

В пространстве. Где могу
Я обитать? Там, где твой бог, иль боги.
Все в мире разделил я: вечность, время,
Жизнь, смерть, пространство, землю, небо
И то, что ни земля, ни небо — мир,
Который населен и населится
От тех, что населяли иль населят
То и другое: вот мои владенья.
Я разделил с ним царство и владею
Еще и тем, где он не властен. Если б
Я не был столь могуществен, то разве
Я был бы здесь? Здесь ангелы витают.

А д а

Но ангелы витали и в раю,
Где говорил лукавый змий.

Лю ц и ф е р

Ты слышал

Призыв мой, Каин? Если жаждешь зная,
Иди за мною — жажда утолится,
И даже без запретного плода,
Способного лишить тебя навеки
Единственного блага, что оставил
Тебе мой враг. Иди за мною, Каин.

К а и н

Дух, я иду.

Люцифер и Каин уходят.

А д а

(*вослед им*)

О Каин! Брат мой! Каин!

А К Т В Т О Р О Й

С Ц Е Н А П Е Р В А Я

Бездна пространства.
Лю ц и ф е р и К а и н.

К а и н

Не падал, я воздух попираю,
Хотя боюсь, что упаду.

Лю ц и ф е р

Не бойся —

Доверься мне, владыке этой бездны.

К а и н

Но разве вера в духа не греховна?

Люцифер

Сомненье — гибель, пера — жизнь. Таков
Устав того, кто именует бесом
Меня пред сонмом ангелов, они же
Передают название это тварям,
Которым непонятно то, что выше
Их жалких чувств, которые трепещут
Велений господина и считают
Добром или злом все, что прикажет он.
Я в рабстве не нуждаюсь. Ты увидишь
За тесной гранью маленького мира,
Где ты рожден, песметные миры,
И я не обреку тебя на муки
За страхи и сомненья. Будет день —
И человек, несомый водной хлябью,
Другому скажет: *веруй и гряди* —
И тот пойдет по хляби неведомо.
Я веры, как условия спасенья,
Не требую. Лети со мной, как равный,
Над бездною пространства, — я открою
Тебе живую летопись миров
Прошедших, настоящих и грядущих.

Каин

О бог или бес — кто бы был ты: что это?
Ужель земля?

Люцифер

Ты не узнал земли?
Той персти, из которой ты был создан?

Каин

Как! Этот круг, синеющий в эфире
Вблизи кружка, похожего на то,
Что ночью освещает нашу землю,
И есть наш рай? А где же стены рая?
И те, что стерегут их?

Люцифер

Покажи

Мне место рая.

К а н н

Это невозможно!

Чем дальше мы уносимся вперед,
Тем круг земли становится все меньше
И, уменьшаясь, светится вдали
Все ярче серебристым звездным светом.
Мы с быстротою солнечных лучей
Летим вперед, и он уж начинает
Теряться средь бесчисленного сонма
Окрестных звезд.

Л ю ц и ф е р

Но что бы ты подумал,
Когда б узнал, что есть миры громадней,
Чем мир земной, что есть создания выше,
Чем человек, что их число несметно,
Что все они на смерть обречены
И все живут, все страждут?

К а н н

Я б гордился
Своим умом, постигнувшим все это.

Л ю ц и ф е р

А если дух твой скован от рожденья
Тяжелой, грубой плотью, если он,
Столь гордый тем, что знает, жаждет новых,
Все новых, высших знаний, а меж тем
Не победит ничтожнейших, грубейших,
Мерзейших нужд, и высшею отрадой
Считает только сладостный и грязный,
Без меры истомляющий обман,
Влекущий к созиданию лишь новых
Несметных душ, несметных тел, с рожденья
Приговоренных к смерти?

К а н н

Дух! я знаю
О смерти только то, что смерть ужасна,
Что смерть — наш общий горестный удел,
Как слышал я от матери, которой

Обязаны мы смертью вместе с жизнью.
Но если так, дай умереть мне, дух!
Ведь быть отцом созданий, обреченных
На жизнь среди страданий и на гибель,
Не все ль равно, что смерть плодит и в мире
Распространять злодейство?

Люцифер

Ты не можешь
Весь умереть: есть нечто, что бессмертно.

Каин

Бог это скрыл, изгнав отца из рая
И заклеив зловещим знаком смерти
Его чело. Но пусть во мне погибнет
Хоть смертное, чтоб в остальном я был
Как ангелы.

Люцифер

Я ангельского чина:
Ты хочешь быть таким, как я?

Каин

Но кто ты?

Я вижу только мощь твою и то,
Что ты мне открываешь мир, гнетущий
Величием мою земную мощь
И все же не превысивший желаний
И дум моих.

Люцифер

О гордые желанья,
Которые так скромно разделяют
Юдоль червей!

Каин

А ты,— ты разделяешь
Обитали с бессмертными,— ты разве
Не кажешься печальным?

Люцифер

Я печален.
Итак, скажи: ты хочешь быть бессмертным?

К а н н

Ты говоришь, что я им *должен* быть.
Я этого не знал еще, но если
Должно так быть, то я хочу изведать
Бессмертие заранее.

Л ю ц и ф е р

Ты изведal.

К а н н

Когда и как?

Л ю ц и ф е р

Страдал.

К а н н

Но страданья
Должны быть вечны?

Л ю ц и ф е р

Это мы узнаем,—
Мы и твои потомки. Но взгляни:
Как все полно величия!

К а н н

О дивный,
Невыразимо дивный мир! И вы,
Несметные, растущие без меры
Громады звезд! Скажите: что такое
И сами вы, и эта голубая
Безбрежная воздушная пустыня,
Где кружитесь вы в бешеном веселье,
Как листья вдоль прозрачных рек Эдема?
Исчислены ль пути для вас? Иль вы
Стремитесь в даль, сжимающую душу
Своею бесконечностью, свободно?
Творец! Творцы! Иль я не знаю — кто!
Как дивны вы и как прекрасны яши
Созданий! Пусть я умру, как атом,—
Быть может, умирает он! — иль ваше
Величие постигну! Мысль моя

Достойна вас, хоть прах и недостойн.
Дух! Дай мне умереть или покажи
Мне ближе их.

Люцифер

Ты разве к ним не близок?
Взгляни на землю.

Кайн

Где она? Я вижу
Лишь сонмы звезд.

Люцифер

Гляди сюда.

Кайн

Не вижу.

Люцифер

Но приглядишься: она еще мерцает.

Кайн

Вон там?

Люцифер

Да, там.

Кайн

Возможно ли? Я видел
Ночной порой в лугах и в темных рощах
Светящихся мух: они сверкали ярче,
Чем этот мир, который их питает.

Люцифер

Ты видел и миры и светляков,—
Те и другие искрятся,— что ж скажешь
Ты мне о них?

Кайн

Скажу, что и миры
И светляки по-своему прекрасны,
И что полет ночной ничтожной мушки
И мощный бег бессмертного светила
Равно руководимы...

Люцифер

Кем?

К а н н

Открой мне.

Люцифер

И ты взглянуть дерзнул бы?

К а н н

Как мне звать,

На что взглянуть дерзну я? Ты пока

Не показал мне ничего такого,

Чтоб не дерзнул я большего увидеть.

Люцифер

К чему тебя влекло всего сильнее?

К а н н

К тому, чего я никогда не ведал

И ведать бы не должен — к тайне смерти.

Люцифер

Я покажу отживших и умерших,

Как показал бессмертных.

К а н н

Покажи.

Люцифер

Тогда вперед на наших мощных крыльях!

К а н н

О, как мы рассекаем воздух! Звезды

Скрываются от наших глаз! Земля!

Где ты, земля? Дай мне взглянуть на землю.

Я сын ее.

Люцифер

Земли уже не видно.

Пред вечностью она гораздо меньше.

Чем ты пред ней. Но ты с землею связан
И скоро к ней вернешься. Прах земной —
Часть нашего бессмертия.

К а н н

Куда же

Лежит ваш путь?

Л ю ц и ф е р

К тому, что только призрак
Былых миров, земля же их обломок.

К а н н

Так мир не нов?

Л ю ц и ф е р

Не более, чем жизнь.
А жизнь древней, чем ты, чем я, и даже
Древней того, что выше нас с тобою.
Есть многое, что никогда не будет
Иметь конца; а то, что домогалось
Считаться не имеющим начала,
Имеет столь же низкое, как ты;
И многое великое погибло,
Чтоб место дать ничтожному, — такому,
Что и помыслить трудно: ибо в мире
Лишь время и пространство неизменны,
Хотя и перемены только праху
Приносят смерть. Ты — прах, ты не постигнешь
Того, что выше праха, и увидишь
Лишь то, что было прахом.

К а н н

Только прахом!

Но я дерзну взглянуть на все, что хочешь.

Л ю ц и ф е р

Тогда — вперед!

Каин

Как быстро меркнут звезды!
А ведь они казались мне мирами,
Когда мы приближались к ним.

Люцифер

Они

И есть миры.

Каин

И есть на них эдемы?

Люцифер

Быть может, есть.

Каин

И люди?

Люцифер

Есть и люди.

Иль существа, что выше их.

Каин

И эмии?

Люцифер

Раз люди есть — как им не быть? И разве
Дышать должны ходячие лишь твари?

Каин

Как быстро меркнут звезды вслед за нами!
Куда летим мы?

Люцифер

К миру привидений,
Существ, еще не живших и отживших.

Каин

Но мрак растет — все звезды уж исчезли.

Люцифер

Но ты, однако, видишь,

К а и н

Жуткий сумрак!

Ни ярких звезд, ни солнца, ни луны,
И все же в этом сумраке я вижу
Какие-то угрюмые громады,
Но только непохожие на те,
Которые светились в пространстве
Своими ореолами и были,
Как мне тогда казалось, полны жизни.
На тех, сквозь их силпне, я видел
Глубокие долины, выси гор
И водные безбрежные равнины;
Вкруг тех сияли огненные кольца
И диски лун, напоминая землю;
А здесь все страшно, сумрачно!

Л ю ц и ф е р

Но лспо.

Ты ищешь смерть увидеть и умерших?

К а и н

Раз грех Адама предал всех нас смерти,
То я хочу заранее увидеть
То, что мы все увидим поневоле
Когда-нибудь.

Л ю ц и ф е р

Смотри.

К а и н

Повсюду мрак!

Л ю ц и ф е р

И вечный мрак; но мы с тобой раскроем
Врата его.

К а и н

Гигантскими клубами
Катится пар — откуда он?

Л ю ц и ф е р

Войди.

К а н н

Вернусь ли я?

Л ю ц и ф е р

Не сомневайся в этом.

Ведь кто наполнить должен царство смерти?
Ты и твой род. Оно еще так пусто
В сравнение с тем, чем будет.

К а н н

Облака

Все шире расступаются пред нами,
Кругами обвивая нас.

Л ю ц и ф е р

Входи.

К а н н

А ты?

Л ю ц и ф е р

Входи. Ты без меня не мог бы
Проникнуть в царство призраков. Смелее!

Исчезают в облаках.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Царство смерти.

Л ю ц и ф е р и К а н н.

К а н н

Как молчалив, как необъятен этот
Угрюмый мир! Он населен обильней,
Чем даже те горящие громады,
Которые в воздушных безднах блещут
В таком несметном множестве, что я
Сперва считал их за каких-то светлых
Небесных обитателей. Но как
Здесь сумрачно, как все напоминает
Угасший день!

Люцифер

Здесь царство смерти. Хочешь
Увидеть смерть?

Каин

Я не могу ответить,
Не ведаю, что значит смерть. Но если
Отец мой прав... О боже! Я подумать
Страшусь о ней! Будь проклят тот, кто дал
Мне бытие, ведущее лишь к смерти!

Люцифер

Ты проклинаешь мать, отца?

Каин

Но разве
Они меня не проклинали, дерзнувши
Вкусить от древа знания?

Люцифер

Ты прав:
Меж вами обоюдное проклятье.
Но твой Эпох, твой брат?

Каин

Они должны
Делить мое проклятие со мною,
Родителем и братом их. Что принял
В наследство сам, то им и завещаю.
О бесконечный и угрюмый мир
Скользящих телей, призраков-гигантов,
То явственных, то смутных, но всегда
Печальных и величественных,— что ты?
Жизнь или смерть?

Люцифер

И жизнь и смерть.

Каин

Тогда есть смерть?

Но что же

Люцифер

А разве не сказал вам
Создатель ваш, что смерть — другая жизнь?

Кайн

Мы от него пока одно узнали —
Что мы умрем.

Люцифер

Придет, быть может, день,
Когда он вам раскроет тайну эту.

Кайн

Счастливым день!

Люцифер

О да! Ведь эта тайна
Откроется в невыразимых муках,
Соединенных с печной адской мукой,
Еще не варожденным, что родится
Лишь для нее — для этой вечной муки.

Кайн

Как величавы теги, что витают
Вокруг меня! В них незаметно сходства
Ни с духами, которых видел я
На страже заповедных врат Эдема,
Ни с смертными — с моим отцом и братом,
Со мной самим, с моей сестрой, с женою,
А между тем, отличные от духов
И от людей своим непостижимым,
Невиданным мной обликом, они,
Бесплотным уступая, превышают
Людей и красотой горделивой,
И мощью, и величием. У них
Нет крыльев, как у ангелов, нет лика,
Как у людей, нет мощных форм животных,
Нет ничего подобного тому,
Что видел я; они в себе вмещают
Всю красоту прекраснейших, сильнейших

Земных существ, по так не схожи с пими,
Что я не знаю — были ли они
Когда-нибудь живыми существами?

Люцифер

Когда-то были.

Каин

Были? Где?

Люцифер

Где ты

Живешь.

Каин

Когда?

Люцифер

Когда владели миром,
Который называешь ты землей.

Каин

Но в этом мире первый — мой родитель.

Люцифер

Из вас он, правда, первый, но из них
Он даже недостойн быть последним.

Каин

А кто они?

Люцифер

Они есть то, чем будут
Все смертные.

Каин

А были чем?

Люцифер

Живыми,

Великими, разумными, — во всем
Настолько превышавшими Адама,
Насколько сын Адама превышает
Своих потомков будущих.

К а и н

Увы!

И все они погибли, все исчезли
С лица земли?

Л ю ц и ф е р

С лица *своей* земли,
Как некогда и ты с своей исчезнешь.

К а и н

Но ты сказал, что прежде их землею
Была мол?

Л ю ц и ф е р

Была.

К а и н

Но изменилась.
Моя земля для них была бы слишком
Ничтожна.

Л ю ц и ф е р

Да, она при них была
Прекраснее.

К а и н

И почему так пала?

Л ю ц и ф е р

Спроси его.

К а и н

Но как он это сделал?

Л ю ц и ф е р

Смешанием стихий, преобразивших
Лицо земли. Но дальше, — созерцай
Минувшее.

К а и н

Минувшее ужасно!

Люцифер

Но истинно. Смотри на эти тепи:
Они когда-то жили и дышали,
Как ты теперь.

Каип

И некогда я буду
Подобен им?

Люцифер

На это пусть ответит
Создатель ваш. Я показал, чем стали
Предшественники ваши. Созерцай их
Иль, если это тяжело для тебя,
Вернись к земле, к своим трудам: ты будешь
Перенесен на землю неведомо.

Каип

Я здесь останусь.

Люцифер

Надолго?

Каип

Навеки.

Я все равно сюда вернуться должен,
Мне тяжело жить на земле: так лучше
Остаться здесь.

Люцифер

Но это невозможно:
Мир призраков — действительность, а ты
Теперь их созерцаешь как виденье.
Чтоб разделить обитель их, ты должен
Войти сюда вратами смерти — так же,
Как и они.

Каип

Какими же вратами
Входили мы?

Люцифер

Моими. Ты на землю
Вернуться должен; в царстве бездыханных
Ты дышишь только мною. Не мечтай же
Остаться в нем, пока твой час не пробил.

Каин

А вот они,— скажи, они не могут
На землю возвратиться?

Люцифер

Их земля
Прошла навеки: бурные стихии
Лицо земли так резко изменили,
Что на ее поверхности теперь
Едва ль найдется атом, им знакомый.
А это был прекрасный,— о, какой
Прекрасный мир!

Каин

Он и теперь прекрасен.
Я не с землей, хотя на ней тружусь я,
Веду вражду, а с тем, что я беру
Все, что она прекрасного приносит,
Ценой труда, что, жаждая познания,
Не в силах этой жажды утолить,
Что на земле меня приводит в трепет
И жизнь и смерть.

Люцифер

Чем стал твой мир, ты видишь,
Но чем он был — не можешь и постигнуть.

Каин

А это кто? Вот эти исполины,
Которые, мне кажется, похожи
На диких обитателей дремучих
Земных лесов, но только в десять раз
Громадней и страшнее тех, громадней,
Чем стены рая,— эти привиденья,

Чьи очи пламенеют, как мечи
В деспицах херувимов, стерегущих
Эдемский сад, и чьи клыки торчат,
Как голые деревья?

Люцифер

Это то же,
Что мамонты земные. Мириады
Таких существ лежат в земле.

Кая

И больше

Уж нет таких?

Люцифер

Нет; если б вам пришлось
Вступить в борьбу с такими существами,
То вы могли бы сделать бесполезным
Проклятие, висшее над вами:
Так скоро вы погибли бы.

Кая

Но разве

Борьба необходима?

Люцифер

Ты забыл

Завет того, кто нас изгнал из рая:
«Борьба со всем, что дышит, смерть всему,
И всем болезни, скорби и мученья» —
Плод древа запрещенного.

Кая

Но звери —

Они ведь не касались древа знания?

Люцифер

Ваш бог сказал, что создал их для смертных,
А смертных — для создавшего. Вы разве
Хотели бы, чтоб участь их была
Счастливее, чем ваша? Грех Адама
Всех погубил.

К а и н

Несчастные! Им тоже,
Как и сынам Адама, суждено
Страдать за грех, не ими совершенный,
За райский плод, который не дал знания,
А дал лишь смерть. Он оказался лживым,
Мы ничего не знаем. Он сулил
Нам знание — ужасною ценою,
Но знание; а что же знаем мы?

Л ю ц и ф е р

Быть может, смерть даст высшее познание;
Ведь только смерть для смертных несомненна
И, значит, к несомненному приводит.
Нет, ты не прав, — запретный плод не лжив,
Хотя и смертоносен.

К а и н

Неспомянутый,

Угрюмый мир!

Л ю ц и ф е р

Твой час еще не пробил.
Материя не может в совершенстве
Постигнуть духа. Все же ты узнал,
Что есть миры такие.

К а и н

Я и прежде

О смерти знал.

Л ю ц и ф е р

Но не о царстве смерти.

К а и н

Оно мне непонятно.

Л ю ц и ф е р

Будет день,
Когда оно тебе понятней станет.

К а н н

А это безграничное пространство
Текучей ослепительной лазури,
Которое сравнил бы я с водой,
С рекою, проходящей из Эдема
Близ нашего жилища, если б только
Не эта безграничность, беспредельность,
Не этот цвет небесный,— это что?

Л ю ц и ф е р

И этому лазурному пространству
Есть слабое подобье на земле,
И на его побережьях поселится
Твой потомки: призрак океана.

К а н н

Оно горит, как солнце,— целый мир
Лазурных вод! Но в этом ярком блеске
Я различил играющих чудовищ:
Что это?

Л ю ц и ф е р

Призраки левиафанов.

К а н н

А этот непомерно-длинный змей
С струящеюся гривой, что воздвигнул
Чудовищную голову из бездны
И в десять раз превысил высочайший
Эдемский кедр,— вот этот змей, что мог бы
Обвиться вокруг небесных тел,— похож ли
Он на того, что нежился когда-то
Под деревом в Эдеме?

Л ю ц и ф е р

Еще лучше
Известен змий, ее пресльстивший.

К а н н

Этот
Ужасен слишком. Верно, искустель
Красивей был.

Люцифер

А ты его не видел?

Канн

Я гадов много видел, но того,
Что Еве дал запретный плод, — ни разу.

Люцифер

И твой отец его не видел?

Канн

Нет;

Ведь мой отец был соблазнен не змием:
Змий соблазнил лишь Еву.

Люцифер

О невинность!

Когда тебя или сынов твоих
Смущают жены чем-нибудь, что ново
И необычно, знай, что пред тобой —
Сам искушитель.

Канн

Слишком запоздали

Твои советы: змиям больше печем
Жен искушать.

Люцифер

Но есть еще немало

Таких вещей, которыми и жены
Своих мужей и жен мужья способны
Вводить в соблазн: вам это надо помнить.
Я вам добра желаю, предлагая
Подобные советы, — я даю их
В ущерб себе... хоть правда, что не будут
Им следовать.

Канн

Мне это непонятно.

Люцифер

И к лучшему! Твой мир и ты так юны!
Ты мнишь себя преступным и несчастным —
Не правда ли?

Канп

Преступным — нет, но скорби
Я испытал немало.

Люцифер

Первородный

Сын первого из смертных! Твой удел
Жить во грехе и скорби, по Эдемом
Покажутся тебе твои несчастья
В сравненье с тем, что ты узнаешь вскоре,
А то, что ты узнаешь, будет расм
В сравненье с тем, что испытать должны
Твои сыны... Но нам пора па землю.

Канп

Ужели ты привел меня сюда
Лишь для того, чтоб показать мне это?

Люцифер

Не ты ли жаждал знания?

Канп

О да,

Но лишь затем, чтоб знание служило
Дорогой к счастью.

Люцифер

Если счастье в знанье,
То ты уж счастлив.

Канп

Прав же был творец,
Всевший не касаться древа знаний!

Люцифер

А если бы губительного древа
Не посаждал, еще бы лучше сделал.

Однако и неведение зла
От зла не ограждает. Зло всепьяно.

К а н н

Я этому не верю, нет! Я жажду
Душой добра!

Л ю ц и ф е р

А кто его не жаждет?
Кто *любит* зло? Никто, ничто.

К а н н

Но в эти

Несметные и дивные миры,
Которые мы видели с тобою,
Пока не погрузились в царство смерти,
Не выйдет зло: так все они прекрасны!

Л ю ц и ф е р

Ты видел их лишь издали.

К а н н

Но даль

Могла лишь утешать их красоту:
Вблизи их красота неизреченна.

Л ю ц и ф е р

Но подойди к прекраснейшему в мире
И пригляди к нему.

К а н н

Я это делал:

Вблизи оно еще прелестней.

Л ю ц и ф е р

Нет,

Тут есть обман. Скажи, о ком ты думал?

К а н н

Я думал о сестре моей. Все звезды,
Вся красота почных небес, вся прелесть

Вечерней тьмы, весь пышный блеск рассвета,
Вся дивная пленительность заката,
Когда, следя за уходящим солнцем,
Я проливаю сладостные слезы
И, мнится, вместе с солнцем утопаю
В раю вечерних легких облаков,
И сень лесов, и зелень их, и голос
Вечерних птиц, поющих про любовь,
Сливающийся с гимном херувимов,
Меж тем как тьма уж реет над Эдемом,
Все, все — ничто пред красотой Ады.
Чтоб созерцать ее, я отвращаю
Глаза свои от неба и земли.

Люцифер

Но если ты владеешь существом
Столь дивной красоты, то почему
Несчастен ты?

К а н н

Зачем я существую

И почему несчастен ты, и все,
Что существует в мире, все несчастно?
Ведь даже тот, кто создал всех несчастных,
Не может быть счастливым: созидать,
Чтоб разрушать — печальный труд! Родитель
Нам говорит: он всемогущ, — зачем же
Есть в мире зло? Об этом много раз
Я спрашивал отца, и он ответил,
Что это зло — лишь путь к добру. Ужасный
И странный путь! Я видел, как ягпенка
Ужалил гад: он извивался в муках,
А подле matka жалобно блеяла;
Тогда отец нарвал и положил
Каких-то трав на рану, и ягпенка,
До этого беспомощный и жалкий,
Стал возвращаться к жизни поемпогу
И скоро уж беспечно припадал
К сосцам своей обрадованной матки,
А та, вся трепеща, его лизала.

Смотри, мой сын, сказал Адам, как зло
Родит добро.

Люцифер

Что ж ты ему ответил?

Канн

Я промолчал, — ведь он отец мой, — только
Тогда ж подумал: лучше бы игнепку
Совсем не быть ужаленным змеею,
Чем возвратиться к жизни, столь короткой,
Ценою мук.

Люцифер

Но ты сказал, что ты
Из всех существ, тобой любимых, любишь
Всего сильнее ту, что воспиталась
С тобой одною грудью и питает
Своей — твоих малюток.

Канн

Да, сказал:
Чем был бы я без Ады?

Люцифер

Тем, чем я.

Канн

Ты чужд любви.

Люцифер

А он, твой бог, что любит?

Канн

Все сущее, как говорит отец;
Но, сознаюсь, я этого не вижу.

Люцифер

Поэтому не можешь и судить,
Чужда ли мне любовь или нет. Есть нечто
Великое и общее, в котором
Все частное, как снег пред солнцем, тает.

К а н н

Как снег — что это значит?

Л ю ц и ф е р

Будь доволен

Неведением того, что испытают
Сыны сынов твоих, и наслаждайся
Теплом небес, не знающих зимы.

К а н н

Но ты любил существ, тебе подобных?

Л ю ц и ф е р

А ты — ты любишь самого себя?

К а н н

Да, но не так, как ту, что украшает
Мне жизнь мою, что мне дороже жизни,
Затем, что я люблю ее.

Л ю ц и ф е р

Ты любишь,

Плепясь красотой ее, как Ева
Пленилась райским яблоком когда-то;
Но красота поблекнет — и любовь
Угаснет, как и всякое желанье.

К а н н

Но отчего ж поблекнет красота?

Л ю ц и ф е р

От времени.

К а н н

Но дни идут, проходят,
А Ева и Адам еще прекрасны,
Не так, как серафимы, как сестра,
Но все ж прекрасны.

Л ю ц и ф е р

Время беспощадно

Изменит их.

К а и н

Мне это очень больно;
По все ж я не могу себе представить,
Что разлюблю когда-нибудь сестру,
И если красота ее поблекнет,
То, думаю, создатель красоты,
При гибели прекрасного созданья,
Утратить должен более, чем я.

Л ю ц и ф е р

Мне жаль тебя: ты любишь то, что гибнет.

К а и н

Как мне — тебя: ты ничего не любишь.

Л ю ц и ф е р

А брат — ты любишь брата?

К а и н

Да, люблю.

Л ю ц и ф е р

Его твой бог и твой отец так любят!

К а и н

И я люблю.

Л ю ц и ф е р

Похвально и смиренно!

К а и н

Смиречно?

Л ю ц и ф е р

Да, ведь он не первородный
И с детства был любимцем Евы.

К а и н

Что ж,

Знай первым был любимцем, он — вторым.

Л ю ц и ф е р

Он и отца любимец.

К а н н

И об этом
Я не скорблю. Как будто я не должен
Любить того, кого отец мой любит!

Л ю ц и ф е р

Но и Иегова, кроткий ваш владыка,
Всещедрый насадитель райских кущ,
На Авеля с улыбкою взирает.

К а н н

Я не видал Иеговы и не знаю,
Пристойно ли Иегове улыбаться.

Л ю ц и ф е р

Так ангелов Иеговы видишь.

К а н н

Редко.

Л ю ц и ф е р

И все-таки ты должен был заметить,
Что Авель им угоден: от него
Все жертвы восприимлются.

К а н н

И пусть!
Зачем ты говоришь со мной об этом?

Л ю ц и ф е р

Затем, что ты об этом много думал.

К а н н

А если бы и думал,— для чего
Будить во мне...

(В волнении останавливается.)

Дух! Мы с тобою в мире,
Далеком от земли; не говори же
Мне о земле. Ты показал мне много
Чудесного; ты показал мне мощных
Предшественников наших, попиравших

Ту землю, от которой уцелел
Один обломок; ты мне показал
Тьмы тем миров, среди которых тускло
Мерцает наш ничтожный мир, теряясь
В воздушной бесконечности; ты тени
В зловещем царстве смерти показал мне;
Ты много показал мне — но не все:
Дай мне узреть обители Неговы
Или свою обитель: где они?

Люцифер

Здесь и везде — в пространстве бесконечном.

Канн

Но есть же у тебя и у Неговы
Какой-нибудь приют определенный?
Он есть у всех. Землей владеют люди,
В других мирах свое есть население,
У всех живых созданий есть своя
Особая стихия; ты сказал мне,
Что даже бездыханным есть обитель,
Так, значит, есть и богу, и тебе.
Вы вместе обитаете?

Люцифер

Мы вместе

Лишь царствуем; но обитаем порознь.

Канн

О, если б был один из вас! Быть может,
Единство цели создало б согласие
Стихий, теперь враждующих! И что
Вас привело к такой вражде, — вас, мудрых
И бесконечных? Разве вы не братья
По сущности, по естеству и славе?

Люцифер

А вы — вы братья с Авелем?

К а и н

Мы братья.
И братьями останемся. Но если б
И не были мы братьями: дух разве
Подобен нам? Как может враждовать
Бессмертный с бесконечным, превращая
Весь мир в обитель скорби? И за что?

Л ю ц и ф е р

За власть.

К а и н

За власть? Но ты мне говорил,
Что оба вы бессмертны.

Л ю ц и ф е р

Да, бессмертны.

К а и н

А голубая бездна бездн пространства
Не бесконечна разве?

Л ю ц и ф е р

Бесконечна.

К а и н

Так царствуйте в ней оба, не враждуя.
Иль тесно вам?

Л ю ц и ф е р

Мы царствуем в ней *оба*.

К а и н

Но зло творит — один из вас.

Л ю ц и ф е р

Который?

К а и н

Ты! Разве ты не можешь на земле
Творить добро? Ты можешь, но не хочешь.

Люцифер

Пусть он творит. Вы — не мои созданыя,
Он создал вас.

К а и н

Так предоставь отцу
Его детей, им созданных. Открой мне
Свою или *его* обитель.

Люцифер

Я

Могу открыть их обе. Но пастанет
Великий час, когда одна из них
Откроется *навек* пред тобою.

К а и н

Но не теперь?

Люцифер

Твой смертный ум не в силах
Постигнуть даже малого — того,
Что видел ты. И ты стремишься к Тайне!
К великой ипостаси Двух Начал!
К их сокровенным тронам! Прах! Ты дерзок.
Но зреть хотя одно из них — есть смерть.

К а и н

Пусть я умру — но только бы узреть их!

Люцифер

Речь сына той, что обольстилась змием!
По эта смерть — бесплодной смертью будет.

К а и н

Но разве смерть их не откроет?

Люцифер

Смерть —

Преддверие.

К а н н

Так, значит, смерть приводит
К чему-нибудь разумному! Теперь
Я менее боюсь ее.

Л ю ц и ф е р

И, значит,
Тебе пора на землю возвратиться,
Где должен ты умножить род Адама,
Есть, пить, любить, дрожать за жизнь, работать,
Смеяться, плакать, спать — и умереть.

К а н н

Но если так, скажи, с какою целью
Блуждали мы?

Л ю ц и ф е р

Но ты стремился к знанию;
А все, что я открыл тебе, вещает:
Познай себя.

К а н н

Увы! Я познаю,
Что я — ничто.

Л ю ц и ф е р

И это непреложный
Итог людских познаний. Завещай
Свой опыт детям, — это их избавит
От многих мук.

К а н н

Высокомерный дух!
Ты властен, да; но есть и над тобою
Владыка.

Л ю ц и ф е р

Нет! Клянуся небом, где
Лишь он царит! Клянуся бездной, сонмом
Миров и жившей, нам подвластных, — нет!
Он победитель мой — но не владыка,
Весь мир пред ним трепещет, — но не я:

Я с ним в борьбе, как был в борьбе и прежде,
На небесах. И не устану вечно
Бороться с ним, и на весах борьбы
За миром мир, светило за светилом,
Вселенная за новою вселенной
Должна дрожать, пока не прекратится
Великая нещадная борьба,
Доколе не погибнет Адонаи
Иль враг его! Но разве это будет?
Как угасить бессмертие и нашу
Неугасимую взаимную вражду?
Он победил, и тот, кто побежден им,
Тот назван злом; но благ ли победивший?
Когда бы мне досталась победа,
Злом был бы он. Вот вас, еще недавно
Пришедших в мир, еще столь юных смертных,
Какими одарил он вас дарами?

К а и н

Немногими — и горькими.

Л ю ц и ф е р

Верпись же

К своей земле, вкуси и остальных
Его небесных милостей. Даятель
Добра и зла не создал их такими,
Добро и зло суть сами по себе.
Но, если он дает добро,— зовите
Его благим; а если от него
Исходит зло, то изыщите верный
Источник зла,— не говорите: это
Свершил злой дух. Один лишь добрый дар
Дало вам древо знания — ваш разум:
Так пусть он не трепещет грозных слов
Тирана, принуждающего верить
Наперекор и чувству и рассудку.
Терпи и мысли — создай в себе
Мир внутренний, чтоб внешнего не видеть:
Сломп в себе земное естество
И приобщись духовному началу!

Исчезают.

АКТ ТРЕТИЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Местность близ Эдема.
Каин и Ада.

Ада

Иди тихонько, Каин.

Каин

Хорошо!

Но почему?

Ада

Вон там под кипарисом
Спит на листе наш мальчик.

Каин

Кипарис!

Угрюмый он, зачем ты положила
Под ним дитя? Он смотрит так, как будто
Оплакивает то, что осеняет.

Ада

Но он ветвист, под ним темно, как ночью.
Он точно создан, чтобы охранять
От зноя спящих.

Каин

Спящих сном последним
И вечным. Новеди меня к Эноху.

Подходят к ребенку.

Как он красив! Как разгорелись щетки!
Румянец их не уступает розам,
Рассыпанным под ним.

Ада

А посмотри,
Как хорошо полуоткрыл он губки!
Нет, не целуй; он скоро сам проснется,
Он выспался, но жаль будить!

К а н п

Да, правда,

Я удержусь пока от искушенья.
Он спит и улыбается! Спи мирно
И улыбайся, малепький наследник
Земли такой же юной, как ты сам!
Спи, улыбаясь! Ты переживаешь
Часы и дни невинности и счастья.
Ты не срывал запретного плода,
Не знаешь паготы своей. Настанет
И для тебя час кары за какой-то
Тяжелый грех, которого ни ты,
Ни я не совершали; но куда
Спи безмятежно! Щечки покраснелись,
Из-под ресниц трепещущих и темных,
Как кипарис, колеблемый над ним,
Просвечивает ясною лазурью
Дремотная улыбка... Спит и грезит —
О чем? О рас!.. Грезь о нем, мечтай,
Мой мальчик обездоленный! Он — греза:
Уж никогда и никому из смертных
Не быть в его обители блаженной!

А д а

Не сетуй, милый Канп, не тоскуй
О прошлом над малюткою! Что пользы
Весь век Эдем оплакивать? Ужели
Нельзя создать другого?

К а н п

Где?

А д а

Где хочешь:

Раз ты со мною — я счастлива без рая.
Нль у меня нет мужа, нет малюток,
Родителя и брата, кроткой Селлы
И матери, которой мы столь многим
Обязаны — помимо жизни?

К а н п

Смертью

Мы тоже ей обязаны.

А да
О Каин!

Тот гордый дух, с которым ты ходил,
Тебя еще сильнее опечалил.
Я думала, что дивные виденья,
Которые тебе он обещал,
Тымы тем миров, отживших и живущих,
Которые ты видел, успокоят,
Насытят ум твой знанием; но вижу,
Что дух принес одно лишь зло. И все же
Я благодарна духу и готова
Простить его за то, что ты вернулся
Так скоро к нам.

Каин
Так скоро?

А да
Да, прошло
Лишь два часа с тех пор, как мы расстались,
Лишь два часа — по солнцу.

Каин
Я вблизи
Смотрел на это солнце, созерцал
Миры, что озарялись им когда-то,
Но никогда не озарятся больше,
И те миры, что солнечного света
Не ведали от века: мне казалось,
Что протекли года.

А да
Едва часы.

Каин
Так, значит, дух наш время измеряет
Тем, что он видит: радость или скорбь,
Величье или ничтожество; я видел
Делания бессмертных, созерцал
Угасшие светила и, взирая
На вечное, участвовал, казалось,

И сам в его величии; теперь
Я снова — прах и снова понимаю,
Что я — ничто: дух истину сказал мне.

А д а

Нет, дух сказал неправду. Сам Иегова
Не говорил нам этого.

К а н и

Но создал
Ничтожеством; он поманил нас раем,
Бессмертием, но сотворил из праха
И в прах вернет — скажи, за что?

А д а

Ты знаешь,
За грех отца.

К а н и

А мы — в чем мы виновны?
Он согрешил, пусть он и умирает.

А д а

Пехорошо сказал ты; это мысли
Того, кто был с тобой, а не твои.
Я умереть готова — лишь бы жили
Отец и мать.

К а н и

Да, — если б можно было
Пасытить этой жертвой Ненасытность,
И если б этот мирно спящий крошка
И те, что от него произойдут,
Не испытали смерти и страданий.

А д а

Как знать, не будет ли когда-нибудь
Такою искупительною жертвой
Спасен весь род Адама?

К а и н

Искупленье!

Но в чем мы виноваты? Почему
Я должен пасть за грех, не мной свершенный,
Иль от другого жертвы ждать за этот
Таинственный и безымянный грех,
Весь состоявший только в жажде знания?

А д а

Увы! Ты говоришь, что ты не грешел,
А сам грешил: твои слова — кощунство.

К а и н

Тогда оставь меня.

А д а

О, никогда,
Хотя бы сам творец тебя оставил!

К а и н

А это что такое?

А д а

Алтари,
Воздвигнутые Авелем. Он хочет
Свершить с тобою жертву.

К а и н

Алтари!

А кто ему сказал, что я согласен
Делить его корыстные молитвы,
В которых вовсе нет благоговенья,
А есть лишь страх? Мне алтаря не нужно,
Мне нечего сжигать на нем.

А д а

Но богу

Всяк дар угоден, если этот дар
Приносится с душевным сокрушеньем
И кротостью: сожги цветы, плоды...

К а н н

Я сеял, рыл, я был в поту, согласно
Проклятию; но что еще мне делать?
Смиренным быть — среди борьбы с стихией
За мой пасущий хлеб? Быть благодарным
За то, что я во прахе пресмыкаюсь,
Зане я прах и возвращусь во прах?
Что я? Ничто. И я за это должен
Ханжою быть и делать вид, что очень
Доволен мукой? Каяться — но в чем?
В грехе отца? Но этот грех давно уж
Искуплен тем, что претерпели мы,
И выше всякой меры искупится
Веками мук, предсказанных в проклятье.
Он сладко спит, мой мальчик, и не знает,
Что в нем *одном* — зачатки вечной скорби
Для *мириад* сынов его! О, лучше б
Схватить его и раздробить о камни,
Чем дать ему...

А д а

Мой бог! Не тронь дитя —
Мое дитя! *Твое* дитя! О Канн!

К а н н

Не бойся! За небесные светила,
За власть над ними, я не потревожу
Ничем малютку, кроме поцелуя.

А д а

Но речь твоя ужасна!

К а н н

Я сказал,
Что лучше умереть, чем жить в мученьях
И завещать их детям! Если ж это
Тебя пугает, скажем мягче: лучше б
Ему совсем на свет не появляться.

А да

О нет, не говори так! А блаженство
Быть матерью — кормить, любить, лелеять?
Но, чу! Он просыпается, Мой милый!

(Подходит к ребенку.)

О, посмотри, как полон жизни он,
Сил, красоты, здоровья! Как похож
Он на меня — и на тебя, но только
Когда ты кроток: мы ведь все тогда
Похожи друг на друга; правда, Каин?
Люби же нас — и самого себя,
Хоть ради нас, — ты нам обоим дорог!
Смотри, он засмеялся, протянул
К тебе ручки, смотрит ясным взором
В твои глаза... Не говори о муках!
Тебе могли бы сами херувимы
Завидовать, — они детей не знают.
Благослови его!

Каин

Благословляю

Тебя, малютка, если только может
Благословенье смертного отринуть
Проклятие, завещающее змием.

А да

Аминь. Благословение отца
Сильнее пресмыкающейся твари.

Каин

Я не уверен в этом. Но да будет
Над ним благословение!

А да

Наш брат

Идет сюда.

Каин

Твой брат.

А в е л ь

(входя)

Брат Каин, здравствуй!
Господний мир с тобою!

К а и н

Авель, здравствуй.

А в е л ь

Сестра мне говорила, что с тобою
Беседовал какой-то дух. Он ангел?

К а и н

Нет.

А в е л ь

Так зачем общаться с ним? Быть может,
Он враг творца.

К а и н

И друг людей. А был ли
Таким творец, как ты назвал его?

А в е л ь

Назвал его! Ты, Каин, вывче странный.
Иди, сестра,— мы совершим сожжение.

А д а

Прости на время, Каин! Поцелуй
Малютку-сына,— пусть его невинность
И Авеля молитвы возвратят
Тебе и мир и веру!

(Уходит с ребенком.)

А в е л ь

Где ты был?

К а и н

Не знаю.

А в е л ь

Как? Но, может быть, ты знаешь,
Что видел ты?

К а и н

Бессмертие и смерть,
Безмерность и величие пространства,
Тьму тем миров, отживших и живущих,
Вихрь стальных ослепляющих миров,
Солц, лун и звезд, в их громозвучных сферах,
Что я к беседе с смертным не способен;
Оставь меня.

А в е л ь

Твое лицо пылает,
Твои глаза сверкают странным блеском,
Твои слова звучат необычайно.
Скажи, что это значит?

К а и н

Это значит...
Прошу тебя, оставь меня!

А в е л ь

Не прежде,
Чем мы с тобой помолимся творцу
И совершим пред ним сожжение.

К а и н

А в е л ь,
Прошу тебя — сверши его один.
Тебя Иегова любит.

А в е л ь

Я надеюсь,
Обоим пас.

К а и н

Но более тебя.
Я не смущаюсь этим: ты достойный
Слуга творца, — так и служи ему,
Но без меня.

А в е л ь

Я был бы печестивый

Сын нашего великого отца,
Когда б не почитал тебя, как младший,
И не просил тебя пред алтарем
Главенствовать, как старшего.

К а н и

Но я

Главенства никогда не домогался.

А в е л ь

Тем мне грустней. Не откажи хоть пылче
Принять его: твоя душа томится
Под гнетом наваждения; молитва
Тебя бы успокоила.

К а н и

Нет, Авель.

Ничто не даст душе моей покоя,
Да я и никогда, со дня рожденья,
Не знал его. Уйди, оставь меня,
Иль я уйду, чтоб не мешать тебе
Идти к своей благочестивой цели.

А в е л ь

Нет, мы должны идти к ней неразлучно.
Молю тебя об этом!

К а н и

Я согласен.

Что нужно делать?

А в е л ь

Выбери один

Из алтарей.

К а н и

Но я доволен буду

Любым из них: я вижу в них лишь камень
Да свежий дерн.

А в е л ь

И все же нужно выбрать.

К а н н

Я выбрал.

А в е л ь

Этот? Он и подобает
Тебе, как первородному: он выше.
Теперь готовь дары для всесожженья.

К а н н

А где твои?

А в е л ь

Вот первенцы от стад:
Смиренная пастушеская жертва.

К а н н

Я не имею стад, я земледелец,
И возложу на жертвенник плоды —
То, чем земля мой труд вознаграждает.

Разводят на алтарях огонь.

А в е л ь

Ты, брат, как старший, должен принести
Хвалу творцу и всесожжение первый.

К а н н

Нет, ты начини, — я в этом неискусен;
Я буду подражать тебе.

А в е л ь

(преклоняя колени)

О боже!

Ты, кто вдохнул в нас дуновение жизни,
Кто создал нас, благословил и не дал
Погибнуть чадам грешного отца,
Которые погибли бы навеки,

Когда бы правосудие твое
Не умерялось благостью твоею
К великим их неправдам! Боже вечный,
Датель жизни, света и добра,
Единый вождь, ведущий все ко благу
Своею всемогущей, сокровенной,
Но непреложной благостью! Прими
От первого из пастырей смиренных
Сих первенцев от первородных стад,
Дар недостойный господя, ничтожный,
Как все пред ним ничтожно, по несомый,
Как дань благодарения того,
Кто, пред лицом твоих небес пресветлых,
Слагая жертву эту, повергает
Свой лик по праху, от коего он создан,
И воздаст хвалу тебе — вовеки!

К а н н

(не преклоняя колен)

Дух, для меня неведомый! Всесильный
И всеблагый — для тех, кто забывает
Зло дел твоих! Иегова на земле!
Бог в небесах, — быть может, и другое
Носящий имя, — ибо бесконечны
Твои дела и свойства! Если нужно
Мольбами ублажать тебя, — прими их!
Прими и жертву, если нужно жертвой
Смягчать твой дух: два существа повергли
Их пред тобою. Если кровь ты любишь,
То вот алтарь дымящийся, облитый,
Тебе в угоду, кровью жертв, что тлеют
В кровавом фимиаме пред тобою.
А если и цветущие плоды,
Влелеянные солнцем лучезарным,
И мой алтарь бескровный удостоишь
Ты милостью своею, то воззри
И на него. Тот, кто его украсил,
Есть только то, что сотворил ты сам,
И ничего не ищет, что дается
Ценой молитвы. Если дурен он,

Рази его, — ведь ты могуч и властен
Над беззащитным! Если же он добр,
То пощади — иль порази, — как хочешь,
Затем что все в твоих руках: ты даже
Зло именуешь благом, благо — злом,
И прав ли ты — кто знает? Я не призван
Судить о всемогуществе: ведь я
Не всемогущ, — я раб твоих велений!

Огонь на жертвеннике Авель разрастается в столп
ослепительного пламени и поднимается к небу; в то же время
вихрь опрокидывает жертвенник Каина и далеко раскидывает по
земле плоды.

А в е л ь

(коленипреклоненный)

О брат, молись! Ты прогневил Иегову:
Он по земле твои плоды рассыл.

К а и н

Земля дала, пусть и возьмет земля,
Чтоб возродить их семя к новой жизни.
Ты угодил кровавой жертвой больше:
Смотри, как небо жадно поглощает
Огонь и дым, насыщенные кровью.

А в е л ь

Не думай обо мне; пока не поздно,
Готовь другую жертву для сожженья.

К а и н

Я больше жертв не буду приносить
И не стерплю...

А в е л ь

(вставая с колен)

Брат! Что ты хочешь делать?

К а и н

Низвергнуть в прах угодника небес,
Участника в твоих молитвах низких —
Твой жертвенник, залитый кровью агнцев,
Вскормленных и вспоенных для закланья.

А в е л ь

(удерживая Каина)

Не прибавляй безбожных дел к безбожным
Словам. Не тронь алтарь: он освящен
Божественной отрадою Иеговы,
Его благоволением.

К а и н

Его!

Его отрадой! Так его отрада —
Чад алтарей, дымящихся от крови,
Страдания блеющих маток, муки
Их детищ, умиравших под твоим
Ножом благочестивым! Прочь с дороги!

А в е л ь

Брат, отступись! Ты им не завладеешь
Насильственно; но если ты намерен
Для новой жертвы взять его — возьми.

К а и н

Для жертвы?! Прочь, иль этой жертвой будет...

А в е л ь

Что ты сказал?

К а и н

Пусти! Пусти меня!

Твой бог до крови жаден, — берегись же:
Пусти меня, не то она прольется!

А в е л ь

А я во имя бога становлюсь
Меж алтарем священным и тобою:
Он господу угоден.

К а н н

Если жизнью
Ты дорожишь, — уйди и не мешай мне.
Иначе я...

А в е л ь

Бог мне дороже жизни.

К а н н

*(поражая Авеля в висок головней, которую
схватил с жертвенника)*

Так пусть она и будет жертвой богу!
Он любит кровь.

А в е л ь

(падая)

Брат! Что ты сделал?!

К а н н

Брат!

А в е л ь

О боже сил! Прими мой дух смиренный
И отпусти убийце: он не ведал,
Что делает. Брат Канн, дай мне руку —
Дай руку мне... скажи несчастной Селле...

К а н н

(после минутного оцепенения)

Дать руку?.. Руку?.. В чем моя рука?

(Медленно озирается после долгого молчания.)

Где я? Один! Где Авель? Канн, где ты?
Возможно ли, что Канн — я? Проснись,
Встань, брат! Скажи, зачем ты лег на землю?
Теперь не ночь... И отчего ты бледен?
Брат, что с тобой?.. Ты был еще сегодня
Так полоп жизни! Авель, не шути, —
Прошу тебя. Удар мой был ужасен,
Но он ведь не смертелен... Ах, зачем

Ты шел ему навстречу? Я ударил,
Но ведь ударил только! О, я знаю,—
Ты хочешь напугать меня! Вздохни,
Пошевелись,— хоть раз пошевелился!
Вот так... вот так... Ты дышишь! Брат! Дыши!
О боже мой!

А в е л ь
(сдва слышно)

Кто здесь вызывает к богу?

К а и н

Убийца твой.

А в е л ь

Пусть бог ему отпустит.
Брат, не забудь о Селле; у нее
Брат — только ты.

(Умирает.)

К а и н

А у меня нет брата!..
Но он глядит! Так он не мертв? Ведь смерть
Подобна сну, а сон смыкает очи...
Вот и уста открыты — значит, дышат?
Но нет, они не дышат!.. Сердце, сердце,—
Послушаю, не бьется ль сердце?.. Нет!
Так где же я? Во сне или палву,
В каком-то страшном мире? Все кружится
В глазах моих... А это что? Роса?

(Касается рукой лба, потом смотрит на нее.)

Нет, не роса! Нет, это кровь — кровь брата,
И эта кровь — мною пролита! — На что же
Мне жизнь теперь, когда я отпил жизнь,
Исторгнул дух из столь родной мне плоти?
Но он не мертв! Смерть разве есть молчанье?
Нет, встанет он,— я буду ждать, я буду
Стеречь его. Ведь жизнь не столь ничтожна,

Чтоб так легко угаснуть. И давно ли
Он говорил?.. Скажу ему... Но что?
Брат!.. Нет, не так — он мне не отзовется
На этот зов: брат не убил бы брата...
И все-таки... И все-таки — хоть слово!
Хоть только звук из милых уст, чтоб я
Мог выносить звук собственного слова!

Входит Селла.

Селла

Я слышу стон, — кто стонет здесь? Вон Канп,
Вон Авель распростертый... Канп, что ты
Здесь делаешь? Он задремал? О небо!
Он бледен, он... Нет, то не кровь! Откуда
Возьмется кровь? Откуда? Авель, Авель!
Что это значит? Что с тобой?.. Не дышит,
Не движется: рука скользит, как камень,
Из рук моих! О бессердечный Кани!
Как мог ты не поспеть к нему на помощь?
Ты б отразил убийцу, ты могуч,
Ты должен был спасти его... Родитель!
Мать! Ада! где вы? В мире — Смерть!
(Убегает, призывая родителей.)

Канп

Да, смерть!

И это я, который несправедлив
Так страстно смерть, что даже мысль о смерти
Всю жизнь мне отравила, — это я
Смерть в мир призвал, чтоб собственного брата
Толкнуть в ее холодные объятия!
Я наконец проснулся, — обезумел
Меня мой сон, — а он уж не проснется!

Входят Адам, Ева, Ада и Селла.

Адам

Я прихожу на скорбный голос Селлы.
Что вижу я? Так это правда? Сын мой!
Вот, женщина, след змия!

Ева

О, молчи,
Молчи о нем: глубоко зубы змил
Впились мне в грудь! Мой неагладный Авель!..
Негопа! наказание превышает
Мои грехи!

Адам

Кто это сделал, Каин?
Ты был при нем, — скажи, кто это сделал?
Враждебный ли нам ангел, отступивший
От господ, или дикий зверь лесной?

Ева

Ах, в этой тьме, как молния, сверкает
Зловещий свет: вон голова, — смотрите.
Она в крови!

Адам

Скажи хоть слово, Каин,
Скажи и убеди нас, что в несчастье
Мы не вдвойне несчастны.

Ада

Отвечай им,
Скажи, что ты невинен.

Ева

Оя виновец,
Теперь я это вижу; он понык
Преступной головой и закрывает
Сверепый взор кровавыми руками.

Ада

Мать, ты несправедлива... Каин, что же
Ты не рассеешь страшных обвинений,
Сорвавшихся с уст матери в минуту
Безумных мук?

Ева

Внемли мне, о Иегова!
Будь проклят он проклятием вечным змия!
Да будет он снедаем печной скорбью,
Да будет...

Ада

Мать! Остановись, — он сын твой,
Он мой супруг, он брат мой...

Ева

Оп лишил
Тебя родного брата, Селлу — мужа,
Меня — родного сына. Будь же он
Навеки скрыт от глаз моих! Все узы
Я разрываю с ним, не пощадившим
Связь братских уз. О смерть! Не я ль ввела
Тебя в наш мир? Зачем же не меня ты
Взяла от мира?

Адам

Ева! Ты доводишь
Свою печаль до ропота на бога.
Наш тяжкий рок был нам давно предсказан,
И вот сбылось реченное, — склоним же
Свою главу пред господом: да будет
Его святая воля!

Ева

Не господь —
Нет, это он, вот этот призрак Смерти,
Которого на свет я породила,
Чтоб он усеял землю мертвецами, —
Поверг его! Да будут же над ним
Проклятья всех живущих, и в мученьях
Пусть он бежит в пустыню, как бежали
Из рая мы, пока родные дети
Не умертвят братоубийцу! Пусть
Горящими мечами херувимов
Преследуем он будет дни и ночи!

Пусть все плоды земные превратятся
В его устах во прах и пепел,— змен
Устелют все пути его,— листву,
Где он главу усталую преклонит,
Усеют скорпионы! Пусть он грезит
Во сне своею жертвой, наяву —
Зрит лишь одно — злоеший образ Смерти!
Пусть все ручьи, когда, сгорая жаждой,
Прильнет он к ним нечистыми устами,
Ручьями крови станут! Пусть стихии
Его врагами будут! Пусть живет он
В мучениях, в которых умирают,
А смерть ему пусть будет хуже смерти!
Сгинь с глаз, братоубийца! Этот звук
Отныне мир заменит словом *Каин*,
И будет ненавистен он вовеки
Для мириад сынов твоих. Пусть всюду,
Где ступишь ты, трава иссохнет! Пусть
Зеленый лес тебе откажет в сени,
Земля — в жилище, прах — в могиле, солнце —
В сиянии, и небеса — в их боге!

(Уходит.)

А д а м

Иди от нас: мы жить не можем вместе.
Иди! Оставь усопшего — отныне
Я одинок — мы не должны встречаться.

А д а

Отец, будь милосерд! Не прибавляй
К проклятиям Евы нового проклятья!

А д а м

Я не кляню. Его проклятье — совесть,
Селла! Идем.

С е л л а

Мой долг — остаться здесь,
Над телом мужа.

А д а м

Мы сюда вернемся,
Дай лишь уйти тому, кто уготовал
Тебе твой долг ужасный.

С е л л а

Дай хоть раз
Поцеловать мне холодный прах и эти
Уста, навек остывшие. О Авель!

Уходят Адам и Селла.

А д а

Ты слышал, Каин: мы должны идти.
Я в путь уже готова,— остается
Нам взять детей. Я повесу Эпоха,
Ты — девочку. Нам надо до заката
Найти ночлег, чтоб не идти пустыней
Под кровом тьмы. Но ты молчишь, не хочешь
Ответить мне — твоей супруге, Аде?

К а и н

Оставь меня.

А д а

Но ты оставлен всеми!

К а и н

И ты оставь. Ты разве не боишься
Жить с Канном, с убийцей?

А д а

Я боюсь
Лишь одного — с тобой разлуки. Тренет
Внушает мне твой тяжкий грех, но мне ли
Судить его? Судья — всевышний.

Г о л о с

Каин!

А да

Ты слышишь голос?

Г о л о с

Каин! Каин!

А да

Слышишь?

То голос ангела.

Входит ангел господень.

А н г е л

Где брат твой, Авель?

Каин

Я разве сторож Авеля?

А н г е л

О Каин!

Что сделал ты? Глас неповинной крови
Ко господу взывает. Проклят ты
Отныне всей землею, что отверзла
Свои уста, чтоб эту кровь принять,
За тяжкий труд она тебе отныне
Не даст плода. Скитальцем бесприютным
Ты будешь жить отныне.

А да

Он не в силах

Перенести такого наказания;
Вот ты изгнал его с лица земли,
И скроется он от лица господня,
Изгнанник и скиталец на земле,
И будет беззащитен: всякий встречный
Убьет его.

К а и н

О, если бы! Но кто
Убьет меня? Кто встретит на безлюдной,
Пустой земле?

А н г е л

Но ты — убийца брата:
Кто может защитить тебя от сына?

А д а

Будь милосерд, пресветлый! Как помыслить,
Что эта грудь скорбящая питает
Отцеубийцу лютого?

А н г е л

Он будет

Тогда лишь тем, чем был его отец.
Грудь Евы не питала ли в дни опы
Того, кто здесь теперь лежит во прахе?
Братоубийца может породить
Отцеубийц. Но этого не будет:
Мой бог велит мне положить печать
На Каппа, чтоб он в своих скитаньях
Был невредим. Тому в семь раз воздастся,
Кто посягнет на Каина. Приблизься.

К а и н

Скажи, зачем?

А н г е л

Затем, чтоб заклеить
Твое чело, да огражден ты будешь
От рук убийц.

К а и н

Нет, лучше смерть!

А н г е л
(налагая клеймо на чело Каина)

Ты должен
И будешь жить.

К а и н
Мое чело пылает,
Но мозг горит сильнее во сто крат.

А н г е л
Строптив ты был и жёсток с дня рожденья,
Как почва, над которою отныне
Ты осужден трудиться; он же — кроток,
Как овцы стад, которые он пас.

К а и н
Я был зачат в дни первых слез о рае,
Когда отец еще скорбел о нем,
А мать была еще под властью змия.
Я сын греха; я не стремился к жизни,
Не сам создал свой темный дух; но если б
Я мог своею собственною жизнью
Дать жизнь ему... Ужели даже смерть
Не примет этой жертвы? Он восстанет,
Я буду мертв; он был угоден богу,
Так пусть он вновь воспримет жизнь, а я
Лишусь ее томительного ига!

А н г е л
Ты должен жить. Твой грех — неизгладимый.
Иди, исполни дни свои — и впредь
Не омрачай их новыми грехами.

(Исчезает.)

А д а
Он отошел. Пойдем и мы. Я слышу
Плач нашего малютки.

К а н и

О, малютка

Не знает сам, о чем он плачет; я же,
Проливший кровь, уж не могу лить слез,
Хотя всех рек Эдема не хватило б,
Чтоб смыть мой грех. Уверена ли ты,
Что от меня мой сын не отвернется?

А д а

Когда б не так, то я...

К а н и

Оставь угрозы,

Немало мы внимали им; иди,
Бери детей — я буду за тобою.

А д а

Я одного тебя здесь не оставлю.
Уйдем отсюда вместе.

К а н и

О безмолвный

И вечный обличитель! Ты, чья кровь
Весь мир мне затемняет! Я не знаю,
Что ты теперь; но если взор твой видит,
Чем стал твой брат, то ты простишь того,
Кому ни бог, ни собственное сердце
Уж не дадут забвения. Прощай!
Я не дерзну, не должен прикасаться
К тому, чем стал ты от руки моей.
Я, кто с тобой рожден одной утробой,
Одною грудью вскормлен, кто так часто
С любовью братской к сердцу прижимал
Тебя в дни нашей юности, — я больше
Тебя уж не увижу и не смею
Исполнить то, что должен был исполнить
Ты для меня — сложить твой прах в могилу,
Изрытую для смертного впервые,
И кем же? Мной!.. Земля! Земля! За все,
Что ты мне даровала, я дарую
Тебе лишь труп!.. Теперь идем в пустыню.

А да

(припадал к телу Авеля и целуя его)

Ужасною, безвременною смертью
Погиб ты, брат! Из всех, в слезах скорбящих,
Лишь я одна скрываю скорбь. Мой долг
Ис проливать, но осушать те слезы,
И все ж никто так не скорбит, как Ада,
Не только о тебе, но и о том,
Кто твой убийца... Каин! Я готова
Делить твои скитания.

Каин

К востоку

Лежит нам путь. Там мертвый край, он больше
Пристоен мне.

А да

Веди! Ты должен быть
Моим вождем отныне, и да будет
Твоим — наш бог. Идем, возьмем детей.

Каин

А он — он был бездетен. И навеки
Иссяк источник кроткий, что потомством
Украсить мог супружеское ложе
И умягчить сердца моих потомков,
Соединивши чад своих с моиими,
О Авель, Авель!

А да

Мир ему!

Каин

А мне?

Уходят.

МАНФРЕД

Драматическая поэма

There are more things in
heaven and earth, Horatio, than
are dreamt of in your philosophy.
*Shakespeare*¹.

Dramatis personae

Манфред.	Фель Альп.
Охотник за сернами.	Арман.
Аббат св. Маврикия.	Немезида.
Мануэль.	Парки.
Герман.	Духи.

Действие происходит в Бернских Альпах,— частью в замке
Манфреда, частью в горах.

АКТ ПЕРВЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Готическая галерея.— Полночь.

Манфред
(один)

Ночник пора долить, хотя иссякнет
Он все-таки скорей, чем я усну;
Ночь не приносит мне успокоенья
И не дает забыться от тяжелых,
Неотразимых дум: моя душа
Не знает сна, и я глаза смыкаю
Лишь для того, чтоб внутрь души смотреть.
Не страшно ли, что я еще имею
Подобие и облик человека,
Что я живу? Но скорбь — наставник мудрых;
Скорбь — звание, и тот, кто им богаче,

¹ Есть на земле и в небе то, что вашей
Не снилось философии, Горацио. *Шекспир (англ.)*.

Тот должен был в страданиях постигнуть,
Что древо знания — не древо жизни.
Науки, философию, все тайны
Чудесного и всю земную мудрость —
Я все познал, и все постиг мой разум:
Что пользы в том? — Я расточал добро
И даже сам встречал добро порою;
Я знал врагов и разрушал их козни,
И часто враг смирялся предо мной:
Что пользы в том? — Могущество и страсти,
Добро и зло — все, что волнует мир,—
Все для меня навеки стало чуждым
В тот адский миг. Мне даже страх неведом,
И осужден до гроба я не знать
Ни трепета надежд или желаний,
Ни радости, ни счастья, ни любви.—
Но час настал.—

Таинственные силы!
Властители вселенной безграничной,
Кого искал я в свете дня и в тьме!
Вы, в воздухе сокрытые,— незримо
Живущие в эфире,— вы, кому
Доступны гор заоблачные выси,
И недра скал, и бездны океана,—
Во имя чар, мне давших власть над вами,
Зову и заклинаю вас: явитесь!

Молчание.

Ответа нет.— Так именем того,
Кто властвует над вами,— начертаьем,
Которое вас в трепет повергает,—
Велением бессмертного! — Явитесь!

Молчание.

Ответа нет.— Но, духи тьмы и света,
Вам не избежать чар моих: той силой,
Что всех неотразимее,— той властью,
Что рождена на огненном обломке
Разрушенного мира,— на планете,
Погибшей и навеки осужденной
Блуждать среди предвечного пространства,

Проклятием, меня гнетущим,— мыслью,
Живущею во мне и вокруг меня,—
Зову и заклинаю вас: явитесь!

В темном конце галереи появляется неподвижная
звезда, и слышится голос, который поет.

Первый дух

Смертный! На луче звезды
Я спустился с высоты.
Силе чар твоих послушный,
Я покинул мир воздушный,
Мой чертог среди эфира,
Нежно сотканный дыханьем
Туч вечерних и сияньем
Золотистого сафира
В предзакатной тишине.
Смертный! Что велишь ты мне?

Второй дух

Монблан — царь гор, он до небес
Возносится главой
На троне скал, в порфире туч,
В короне снеговой.
Лесами стан его повит.
Громовый гул лавин
В могучей длани держит он
Над синей мглой долин.
Века веков громады льдов
Вдоль скал его ползут,
Но чтоб низвергнуться во прах —
Моих велений ждут.
Я грозный повелитель гор,
Единым словом я
До недр их потрясти могу —
Кто ты, чтоб звать меня?

Третий дух

В тишине заповедной,
В синей бездне морей,
Где сирепа плетается
Перлы в зелень кудрей,

Где во мраке таится
Водяная змея,—
Гулом бури твой голос
Долетел до меня.
Мой чертог из коралла
Он наполнил собой —
Что ты хочешь, о смертный?
Дух морей пред тобой!

Четвертый дух

Где недра вулканов
Кипят в полусне
И лава клокочет
В гудящем огне,
Где Анды корнями
Ушли в глубину,—
Вершинами гордо
Стремясь в вышину,—
Во мраке подземном
Тебе я внимал,
На зов твой покорно
Из мрака предстал!

Пятый дух

Я дух и повелитель бурь,
Я властелин ветров;
Свой путь к тебе я совершал
Средь молний и громов.
Через океан нес ураган
Меня на голос твой:
Плыл в море флот, но в бездне вод
Он будет пред зарей!

Шестой дух

Дух Ночи пред тобой, дух темноты —
Зачем меня терзаешь светом ты?

Седьмой дух

Твоей звездою правил я
В те дни, когда еще земля

Была не создана. То был
Мир дивный, полный юных сил,
Мир, затмевавший красотой,
Теченьем царственным своим,
Все звезды, что блистали с ним
В пустыне неба голубой.
Но час настал — и навсегда
Померкла дивная звезда!
Огнистой глыбой без лучей,
Зловещим призраком ночей,
Без цели мчится вдаль она,
Весь век блуждать осуждена.
И ты, родившийся под той
Для неба чуждою звездой,
Ты, червь, пред кем склоняюсь я,
В груди презренье затаил,
Ты, властью, данною тебе,
Чтобы предать тебя Судьбе,
Призвавший лишь на краткий миг
Меня в толпу рабов своих,
Скажи, сын праха, для чего
Ты звал владыку своего?

Семь духов

Владыки гор, ветров, земли и бездн морских,
Дух воздуха, дух тьмы и дух твоей судьбы --
Все притекли к тебе, как верные рабы, —
Что повелишь ты им? Чего ты ждешь от них?

Манфред

Забвения.

Первый дух

Чего — кого — зачем?

Манфред

Вы знаете. Того, что в сердце скрыто.
Прочтите в нем — я сам сказать не в силах.

Д у х

Мы можем дать лишь то, что в нашей власти:
Прости короны, подданных, господства
Хотя над целым миром, — пожелай
Повелевать стихиями, в которых
Мы безгранично царствуем, — все будет
Дано тебе.

М а н ф р е д

Забвенья — лишь забвенья.
Вы мне сулите многое: ужели
Не в силах дать лишь одного?

Д у х

Не в силах.

Быть может, смерть...

М а н ф р е д

Но даст ли смерть забвенья?

Д у х

Забвение неведомо бессмертным:
Мы вечны — и прошедшее для нас
Сливается с грядущим в настоящем.
Вот наш ответ.

М а н ф р е д

Вы надо мной глумитесь;
Но властью чар, мне давших власть над вами,
Я царь для вас. — Рабы, не забывайте!
Бессмертный дух, наследье Прометея,
Огонь, во мне зажженный, так же ярок,
Могуч и всеобъемлющ, как и ваш,
Хотя и облечен земною перстью.
Ответствуйте — иль горе вам!

Д у х

Мы можем

Лишь повторить ответ; он заключен
В твоих словах.

М а н ф р е д

В каких?

Д у х

Ты говорил нам,
Что равен нам; а смерть для нас — ничто.

М а н ф р е д

Так я напрасно знал вас! Вы не в силах
Иль не хотите мне помочь.

Д у х

Проси:

Мы все дадим, что только в нашей власти.
Проси короны, мощи, долголетия...

М а н ф р е д

Проклятие! К чему мне долголетие?
И без того дни долги! Прочь!

Д у х

Помедли,

Подумай, прежде чем нас отпустить.
Быть может, есть хоть что-нибудь, что ценно
В твоих глазах?

М а н ф р е д

О нет! Но пред разлукой

Мне хочется увидеть вас. Я слышу
Печальные и сладостные звуки,
Я вижу яркую недвижную звезду,
Но дальше — мрак. Представьте предо мною,
Один иль все, в своем обычном виде.

Д у х

Мы не имеем образов — мы души
Своих стихий. Но выбери любую
Из форм земных — и примем мы ее.

М а н ф р е д

Нет ничего на всей земле, что б было
Отраднo мне иль ненавистно. Пусть

Сильнейший между вами примет образ,
Какой ему пристойнее.

Седьмой дух

(появляясь в образе прекрасной женщины)

Смотри!

Манфред

О боже! Если ты не паваждение
И не мечта безумная, я мог бы
Опять изводить счастье. О, приди,
Приди ко мне, и слова...

Призрак исчезает.

Я раздавлен!

(Падает без чувств.)

Голос

(произносящий заклинание)

В час, когда молчит волна,
Над волной горит луна,
Под кустами — светляки,
Над могилой огоньки;
В час, когда сова рыдает,
Метеор, скользя, блистает
В глубине ночных небес,
И недвижен темный лес —
Властью, силой роковой
Овладею я тобой.
Пусть глубок твой будет сон —
Не коснется духа он.
Есть зловещие виденья,
От которых нет спасенья:
Тайпой силою пленен,
В круг волшебный заключен,
Ты вглубь их не забудешь,
Никогда один не будешь —
Ты замрешь навеки в них, —
В темных силах чар моих.

И проклятья вещей глас
Уж изрек в полночный час
Над тобой свой приговор:
В ветре будешь ты с тех пор
Слышать только скорбный стон;
Ночью, скорбью удручен,
Будешь солнца жаждать ты;
Но сдвиг из темноты
Выйдет солнце над тобой —
Будешь почи ждать с тоской.
Я в слезах твоих нашла
Яд холодной лжи и зла,
В сердце, полном мук притворных,
Кровь, чернее ядов черных.
Сорвала я с уст твоих
Талисман тлетворный их —
Твой коварно-тихий смех,
Как змея, пленявший всех.
Все отравы знаю я —
И сильнее всех — твоя.
Лицемерием твоим,
Сердцем жестким и сухим,
Лживой нежностью очей,
Злобой, скрытою под ней,
Равнодушным безучастьем
К братским горестям, несчастьям
И умением свой яд,
Свой змеино-жадный взгляд
Глубоко сокрыть в себя —
Проклинаю я тебя!
Изливаю пад тобой
Уготованный судьбой,
Роковой фиал твоих
Мук и горестей земных:
Ни забвенья, ни могилы
Не найдет твой дух унылый;
Заклинаньем очарован
И беззвучной целью скован,
Без конца томись, страдай
И в страданиях — увядай!

СЦЕНА ВТОРАЯ

Гора Юнгфрау.— Утро.— М а н ф р е д, один на утесах.

М а н ф р е д

Сокрылись духи, вызванные мной,
Не принесли мне облегченья чары,
Не помогла наука полшебства.
Я уж не верю в силы неземные,
Они над прошлым власти не имеют,
А что мне до грядущего, покуда
Былое тьмой покрыто? — Мать-Земля!
Ты, юнал денница, вы, о горы,
Зачем вы так прекрасны? — Не могу
Я вас любить. — И ты, вселенной око,
На целый мир отперстое с любовью,
Ты не даешь отрады только мне!
Вы, груды скал, где я стою над бездной
И в бездне над потоком различаю
Верхи столетних сосен, препращенных
Зияющей стремительно в кустарник, —
Скажите мне, зачем пад пей я медлю,
Когда одно движение, лишний шаг
Навек успокоили бы сердце
В скалистом ложе горного потока?
Оно зовет — но я не внемлю зову,
Оно страшит — но я не отступаю,
Мутит мой ум — и все же я стою:
Есть чья-то власть, что жизнь нам сохраняет,
Что заставляет жить нас, если только
Жить значит пресмыкаться на земле
И быть могилой собственного духа,
Утратив даже горькую отраду —
Оправдывать себя в своих глазах!

Пролетает орел.

Могучий царь пернатых, сын эфира,
Превыше туч парящий в поднебесье,
О, если бы мне быть твоей добычей
И пищей для орлят твоих! В лазури
Чернешь ты, и я тебя чуть вижу,
Меж тем как ты и вниз, и вверх, и вширь

Пронзасшь взором воздух! — Как прекрасен,
Как царственно-прекрасен мир земной,
Как величав во всех своих явлениях!
Лишь мы, что назвались его царями,
Лишь мы, смешенье праха с божеством,
Равно и праху чуждые и небу,
Мрачим своею двойственной природой
Его чело спокойное, волнуясь
То жаждою возвыситься до неба,
То жалкою привязанностью к праху,
Пока не одолеет прах, и мы
Не станем тем, чего назвать не смеем,
Что нам внушает ужас. — Чу, свирель!

Вдали слышна свирель пастуха.

Патриархально-сладостные звуки
Далеко раздаются по ущельям,
Сливаясь с колокольчиками стад,
И жадно я внимаю им. — О, если б
Я был незримым духом этих звуков,
Гармонией свободной и живой,
Блаженством бестелесным, что рождается
Живет и умирает вместе с ними!

Снизу поднимается охотник за сернами.

Охотник

Да, серна здесь промчалась! Но куда?
Как на смех промелькнула и пропала!
Боюсь, что не окупится сегодня
Мой тяжкий труд. — Но кто это вдали?
Он с виду не охотник, а поднялся
На высоту, которой достигают
Лишь лучшие охотники. На нем
Богатый плащ, он мужественно-строен
И горд, как сын свободного народа.
Пойду к нему.

Манфред

(не замечая охотника)

До срока поседеть
От скорбных дум, подобно этим жалким

Обломкам сосеп, бурей искривленным,
Погубленным одною зимней льюгой,—
И быть таким, с тоскою вспоминая
Иные дни, и на челе носить
Морщины, что оставили не годы,
А лишь мгновенья,—тяжкие мгновенья,
Ужасные, как печность! Вы, лавины!
Вы, глыбы льдов! Обрушьтесь на меня
И поглотите жизнь мою! Я слышу
Ваш непрерывный грохот, но, свергаясь,
Вы губите лишь то, что жаждет жизни:
Цветущий лес иль мирные селенья.

О х о т н и к

С долины поднимаются туманы.
Скажу ему, что нам пора спускаться,
Не то он здесь останется навеки.

М а н ф р е д

Вкруг ледников дымится мгла и пахнет
Горящей серой; белыми клубами
К моим ногам взползают облака,
Как пена из пучины преисподней,
С тех жадных волн, что роют берег жизни,
Обремененный грешными, как щебнем.—
Я задыхаюсь,

О х о т н и к

Он едва стоит!
Мне нужно подойти к нему тихою,—
Иначе он сорвется,

М а н ф р е д

С тяжким гулом
Обрушивались горы, прорывая
Ткань облаков и сотрясая Альпы,
Загромождали грудami обломков
Зеленые цветущие долины,

Занруживали реки, низвергалсь,
И в пыль и мглу их воды раздробляли.
Так некогда пал Розенберг. Зачем
Я не стоял тогда в его долинах?

О х о т н и к

Приятель, осторожней! Лишний шаг —
И ты простишься с жизнью. Ради бога,
Отдвинься от обрыва.

М а н ф р е д
(не слыша охотника)

Как спокойно
Успул бы я! Мой прах не стал бы жалкой
Игрушкой ветра, не был бы развеян
По скалам и утесам. А теперь —
Простите, небеса! О, не глядите
Вы на меня с такою укоризной —
Не для меня вы созданы. — Земля!
Прими меня!

Делает движение броситься со скалы, но охотник внезапно
схватывает и удерживает его.

О х о т н и к

Остановись, безумец!
Не оскверняй долины преступной кровью —
Иди за мной — я не пушу тебя!

М а н ф р е д

Как тяжело мне! — Нет, не держи так крепко —
Я изнемог — кружась, мелькают горы —
В глазах туман. Зачем ты здесь и кто ты?

О х о т н и к

Скажу, скажу. — Теперь идем — все тонет
В тумане — опирайся на меня —
Стань вот сюда — сюда — и придержишь
За этот куст — дай руку и покрепче
Возьми меня за пояс — легче! — так.

Теперь смелей — недалеко до дома —
Мы выберемся скоро на тропинку,
Прорытую ручьями. — Прыгай — славно!
Да ты любому горцу не уступишь!
Медленно спускаются по скалам.

АКТ ВТОРОЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Хижина в Бериских Альпах.
Манфред и охотник.

Охотник

Нет, подожди — тебе еще опасно
Пускаться в путь: ты слишком изнемог,
Ты слаб еще и телом и душою.
Вот отдохнешь — тогда мы и пойдем.
Где ты живешь?

Манфред

Дорога мне известна.
Я в провожатом больше не нуждаюсь.

Охотник

По виду твоему я замечаю,
Что ты из тех, чьи замки так угрюмо
Глядят со скал на хижины в долинах.
Который твой? Я знаю в них лишь входы,
Мне изредка доводится погреться
У очагов их старых темных зал,
За чашей, меж вассалов, по тропинки,
Что с гор ведут к воротам этих замков,
Известны мне с младенчества. Где твой?

Манфред

Не все ль равно?

Охотник

Ну, хорошо, не хмурься,
Прости за спрос. Отведем вина,

Старинное! Не раз отогревало
Оно меня средь наших ледников —
Теперь пускай тебя согрееет. — Выпьем!

М а н ф р е д

Прочь от меня! — На кубке кровь! — О боже,
Ужели *никогда* она не сгинет?

О х о т н и к

Какая кровь? Ты бредишь?

М а н ф р е д

Наша кровь!
Та, что текла в сердцах отцов и в наших,
Когда мы были юны и любили
Так горячо, как было грех любить,
Та, что встает из праха, обаяя
Мрак, заступивший небо предо мною,
Где нет тебя, а мне не быть — вовеки.

О х о т н и к

Ты страшный и несчастный человек;
Но каковы бы ни были страданья,
Каков бы ни был грех твой, есть спасенье:
Терпение, смирение и молитва.

М а н ф р е д

Терпение! — Нет, не для хищных птиц
Придуманно терпение: для мулов!
Прибереги его себе подобным, —
Я из другой породы.

О х о т н и к

Боже мой!
Да я б не взял бессмертной славы Телля,
Чтоб быть тобой. Но повторяю: в гнев
Спасенья нет; неси свой крест покорно.

М а н ф р е д

Я и несу. Ведь я живу — ты видишь.

О х о т н и к

Такая жизнь — болезненные корчи.

М а н ф р е д

Я говорю — я прожил много лет
И долгих лет, но что все это значит
Пред тем, что суждено мне: я столетья,
Я вечно должен жить в неугасимой
И тщетной жажде смерти!

О х о т н и к

Как! Но ты

Совсем не стар: ты средних лет, не больше.

М а н ф р е д

Ты думаешь, что наша жизнь зависит
От времени? Скорей — от нас самих.
Жизнь для меня — безмерная пустыня,
Бесплодное и дикое побережье,
Где только волны стонут, оставляя
В нагих песках обломки мачт, да трупы,
Да водоросли горькие, да камни!

О х о т н и к

Увы, он сумасшедший! Без призора
Его нельзя оставить.

М а н ф р е д

О, поверь, —

Я был бы рад безумию; тогда бы
Все, что я вижу, было бы лишь бредом.

О х о т н и к

Что ж видишь ты, иль думаешь, что видишь?

М а н ф р е д

Тебя, сип гор, и самого себя,
Твой мирный быт и кров гостеприимный,
Твой дух, свободный, набожный и стойкий,
Исполненный достоинства и гордый,
Затем что он и чист и непорочен,
Твой труд, облагороженный отвагой,

Твое здоровье, бодрость и надежды
На старость безмятежную, на отдых
И тихую могилу под крестом,
В венке из роз.— Вот твой удел. А мой —
Но что о нем — во мне уж все убито!

Охотник

И ты б со мною долей поменялся?

Манфред

Нет, друг, я не желаю зла тебе,
Я участью ни с кем не поменяюсь:
Я удручен, по все же выношу
То, что другому было б не под силу
Перенести не только наяву,
Но даже в сновиденье.

Охотник

И с такою

Душой, пыскою, нежной, быть злодеем,
Кровавой местью тешиться? — Не верю!

Манфред

О нет — нет — нет! Я только тех губил,
Кем был любим, кого любил всем сердцем,
Врагов я поражал, лишь защищаясь,
Но гибельны мои объятья были.

Охотник

Пусть небо ниспошлет тебе покой
И покаянья сладостные слезы!
Я буду поминать тебя в молитвах.

Манфред

Я не пуждаюсь в них; по состраданья
Отвергнуть не могу.— Я укрожу —
Пора — прости! Вот золото — ты должен
Его принять.— Не провожай меня —
Путь мне знаком, опасность миновала,—
Еще раз говорю — не провожай!

СЦЕНА ВТОРАЯ

Пижняя долина в Альпах.— Водопад.

Манфред

Еще не полдень: радуга сияет
В потоке всеми красками небес,
И серебром блистает столп потока,
Свергаясь с высоты и развеваясь
Вдоль скал струями пены светозарпой,
Как хвост копья-гиганта, на котором
В виденье Иоанна мчится Смерть.
Один я упиваюсь этой дивной
Игрою вод, и сладость созерцанья
Я разделю в тиши уединенья
Лишь с феей гор.— Я вызову ее.

Зачерпывает на ладонь воды и бросает ее в воздух, вполголоса произнося заклинания. Под радугой водопада появляется фея Альп.

Прелестный дух, чьи кудри лучезарны,
Чьи очи ослепительны, как солнце,
На чьих лапитах краски так же нежны,
Как цвет лавит уснувшего младенца,
Как алый отблеск летнего заката
На горных льдах,— как девственный румянец
Земли, в объятья неба заключенной!
Прелестный дух, затмивший красотой
Блеск радуги, горющей над потоком,
Дочь Воздуха! Я на твоём челе
В твоём спокойном и безгрешном взоре,
Где светит мир твоей души бессмертной,
С отрадою прочел, что Сын Земли,
Которому таинственные силы
Дозволили вступать в беседы с ним,
Прощен тобой за то, что он дерзнул
Воззвать к тебе и на одно мгновенье
Узреть твой лик.

Ф е я

Я знаю, Сын Земли,
Тебя и тех, кем награжден ты властью.
Ты человек, свершивший в жизни много
Добра и зла, не ведал в них меры,
И роком на страданья обреченный.
Я этого ждала — чего ты хочешь?

М а н ф р е д

Взирать на красоту твою — и только.
Лицо земли мой разум помрачило,
Я в мире тайн убежища искал,
В жилище тех, кто ею управляет,
Но помощи не встретил. Я пытался
Найти в них то, чего они не могут
Мне даровать, — теперь уж не пытаюсь.

Ф е я

Но что же то, пред чем бессильны даже
Властители незримого?

М а н ф р е д

Ты знаешь,
Нет цели повторять.

Ф е я

Мне непонятны
Твои слова, — я мук твоих не знаю,
Открой мне их.

М а н ф р е д

Мне это будет пыткой,
Но все равно, — душа твоя устала
Свою тоску. От самых юных лет
Ни в чем с людьми я сердцем не сходился
И не смотрел на землю их очами;
Их цели жизни я не разделял,
Их жажды честолюбия не ведал,
Мои печали, радости и страсти
Им были непонятны. Я с презреньем

Взирал на жалкий облик человека,
И лишь одно среди созданий праха,
Одно из всех — но после. Повторяю:
С людьми имел я слабое общенье,
Но у меня была иная радость,
Иная страсть: Пустыня. Я с отрадой
Дышал морозной свежестью на льдистых
Вершинах гор, среди нагих гранитов,
Где даже птицы гнезд свивать не смеют;
Я упивался юною отвагой
В борьбе с волнами шумных горных рек
Иль с бешеным прибоем океана;
Я созерцал с заката до рассвета
Течение звезд, я жадными очами,
До слепоты, ловил блистанье молний
Иль по часам внимал напевам ветра,
В осенний день, под шум поблекших листьев.
Так дни текли, и я был одинок;
Когда же на пути моем встречался
Один из тех, чей ненавистный образ
Ношу и я, — я чувствовал, что свергнут
С небес во прах. И я проник в могилы,
Стремясь постичь загробный мир, и много
Извлек в те дни я дерзких заключений
Из черепов, сухих костей и тлена.
Я предался таинственным паукам,
Что знали только в древности, и годы
Монх трудов и тяжких испытаний
Мне дали власть над духами, открыли
Передо мной лик Вечности, и властен
Я стал, как маг, как чародей, что вызвал
В Гадаре Антарроса и Эроса,
Как я тебя; и знания мои
Во мне будили жажду новых знаний,
И креп я в них, покуда...

Ф е л

Продолжай.

М а н ф р е д

О, я не даром длил рассказ: мне больно
Произнести признание роковое.

Но далее. Я не назвал ни друга,
Ни матери, ни милой — никого
Из тех, с кем нас связуют цепи жизни:
Я их имел, но был им чужд душою,
И лишь одна, одна из всех...

Ф е я

Мужайся.

М а н ф р е д

Она была похожа на меня.
Черты лица, цвет глаз, волос и даже
Тон голоса — все родственно в нас было,
Хотя она была прекрасна. Нас
Сближали одинаковые думы,
Любовь к уединению, стремленья
К таинственным познаниям и жажда
Обнять умом вселенную, весь мир;
Но ей не чуждо было и другое:
Участие к людям, слезы и улыбки,—
Которых я не ведаю,— смирение,—
Моей душе не сродное,— и нежность,
Что только к ней имел я; недостатки
Ее натуры были и мои,
Достоинства лишь ей принадлежали.
Я полюбил и погубил ее!

Ф е я

Своей рукой?

М а н ф р е д

Нет, не рукою — сердцем,
Которое ее разбило сердце:
Оно в мое взглянуло и увило;
Я пролил кровь, кровь не ее, и все же
Была пролита кровь ее.

Ф е я

И ради

Одной из тех, кого ты презираешь,
Над кем ты мог возвыситься, дерзая

Быть равным нам, ты пренебрег дарами
Властителей презримо и снова
Унизился до жалких смертных! Прочь!

Манфред

Дочь Воздуха! Я говорю: я вынес —
Но что слова? Взгляни, как я измучен!
Я больше одиночества не знаю,
Я окружен толпою фурий; ночью
Я скрежещу зубами, проклиная
Ночную тьму, днем — проклиная день.
Безумия, как милости, молил я,
Но небеса мольбам не внимают; к смерти
Стремился я, но средь борьбы стихий
Передо мною волны отступают
И прочь бегут; какой-то злобный демон
На волоске меня над бездной держит —
И волосок не рвется; в мире грез,
В фантазии, — я был когда-то ею
Богат, как Крез, — пытался я сокрыться,
Но, как волну в отлив, меня унесит
Из мира грез в пучину темной мысли;
С людской толпой сливался я — забвенья
Искал везде, но от меня сокрыты
Пути к нему: все знания, все чары,
Что добыл я столь тяжкими трудами,
Бессильны здесь, и, в безысходной скорби,
Я должен жить, — жить без конца.

Фея

Быть может,

Я помогу тебе.

Манфред

О, помоги!

Заставь ее восстать на миг из гроба
Иль мне открой могилу! Я с отрадой
Перепесу какую хочешь муку,
Но только пусть она последней будет.

Ф е я

Над мертвыми бессильна я; но если
Ты поклянешься мне в повиновенье —

М а н ф р е д

Не поклянусь. Повиноваться? Духам,
Которые подвластны мне? Служить
Своим рабам? О, никогда!

Ф е я

Ужели
Ничего нет ответа? — Но подумай,
Не торопись.

М а н ф р е д

Я все сказал.

Ф е я

Довольно!

Могу ль я удалиться?

М а н ф р е д

Удались.

Фея исчезает.

Мы все — игрушки времени и страха.
Жизнь — краткий миг, и все же мы живем,
Клянем судьбу, но умереть боимся.
Жизнь нас гнетет, как иго, как ярмо,
Как бремя вневременное, и сердце
Под тяжестью его изнемогает;
В прошедшем и грядущем (настоящим
Мы все живем) безмерно мало дней,
Когда оно не жаждет втайне смерти,
И все же смерть ему внушает трепет,
Как ледяной поток. Еще одно
Сталось мне — позвать из гроба мертвых,
Спросить у них: что нас страшит? Ответить
Они должны: волшебнице Эндора
Ответил дух пророка; Клеоника
Ответила спартанскому царю,

Что ждет его — я неведение убил он
Ту, что любил, и умер непощенным,
Хотя взывал к Зевесу и молил
Тень гневную о милости; был темен
Ее ответ, по все же он сбылся.
Когда б я пё жил, та, кого люблю я,
Была б жива; когда б я не любил,
Она была бы счастлива и счастье
Другим дарила. Где она теперь?
И что она? Страдалица за грех мой —
То, что впускает ужас — иль ничто?
Ночь близится — и ночь мне все откроет,
Хоть я страшусь того, па что дерзаю;
До сей поры без трепета взирал я
На демонов и духов — отчего же
Дрожу теперь и чувствую, как в сердце
Какой-то страшный холод проникает?
Но нет того, пред чем я отступил бы,
И я сломя свой ужас. — Ночь идет.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Вершина горы Юнгфрау.

Первая парка

Луна встает большим багряным шаром.
На высоте, где ни единый смертный
Не запятнал снегов своей стопой,
Слетаемся мы ночью. В диком море,
В хрустальном океане горных льдов,
Мы без следа скользим по их изломам,
По глыбам, взгроможденным друг на друга,
Подобно бурным пенистым волнам,
Застывшим посреди водоворота,
И вот на этой сказочной вершине,
Где отдыхают тучи мимоходом,
Сбираемся на игрища и бденья.
Сегодня в полночь — наш великий праздник,
И, на пути к чертогам Аримана,
Я жду сестер. — Но что они так медлят?

Г о л о с

(поющий вдалеке)

Злодей вепценокосный,
Низвергнутый в прах,
Томился в изгнание,
В забвенье, в цепях.
Я цепи разбила,
Расторгла тюрьму,—
Я власть и свободу
Вернула ему:

Потоками крови он землю зальет,
Народ свой погубит — и снова падет!

Второй голос

Плыл в море корабль, точно птица летел:
В эту ночь ему горестный выпал удел.
Ни мачт, ни снастей, ни ветрил, ни руля —
Ничего от него не оставила я.
Один лишь пловец, — он достоин того, —
До побережья достиг, — я щадила его:
Предатель, пират, снова будет он жить,
Чтобы мне своей темною жизнью служить.

Первая парка

(отвечая)

Спокойно спал город, —
В слезах и тревоге
Увидит он утро:
Медленно, мрачно
Чума распростерла
Над городом крылья.
Тысячи пали,
И тысячи тысяч
Падут пред всемогущей.
Живые погибших, —
Любимых и милых, —
Покинут, спасаясь
От призрака смерти.
Ужас и злоба,

Скорбь и смятенье
Охватят людей.
Блаженны почившие,
Взор отворотившие
От кары моей!

Входят вторая и третья парки.

Все три

В руках у нас — сердца людей,
Наш след — их темные могилы.
Лишь для того, чтоб отнимать,
Даем мы смертным жизнь и силы.

Первая парка

Привет! — Где Немезида?

Вторая парка

На работе,
Но на какой — не знаю: я сама
Не покладала рук до сей минуты.

Третья парка

Да вот она.

Входит Немезида.

Первая парка

Все нынче опоздали.

Где ты была?

Третья парка

Женила дураков,
Восстанавливала падшие престолы
И укрепляла близкие к паденью;
Внушала людям злобу, чтоб потом
Раскаяньем их мучить; превращала
В безумцев мудрых, глупых — в мудрецов,
В оракулов, чтоб люди преклонялись
Пред властью их и чтоб никто из смертных
Не смел решать судьбу своих владык
И толковать спесиво о свободе,
Плоде, для всех запретном. — Но пора!
На облака — и в путь! Мы опоздали.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Чертог Аримана.— Ариман на троне — огненным шаром,
окруженным духами.

Гимн духов

Хвала ему, — хвала царю эфира,
Царю земли и всех земных стихий,
Кто повергает целый мир в смятенье
Единым мановением руки!
Дохнет ли он — бушуют океаны,
Заговорит — грохочет в небе гром,
Уронит взор — на небе солнце меркнет,
Восстанет — сотрясается земля.
В пути ему предшествуют кометы,
Вослед ему — вулканы мечут огонь,
И гнев его сжигает звезды в пепел,
И тень его — всесильная Чума.
Война ему, что день, припосит жертвы,
Смерть платит дань, и Жизнь, его раба,
К его стопам смиренно полагает
Весь ужас мук и горестей земных!

Входят парки и Немезида.

Первая парка

Восславьте Аримана! На земле
Растет его могущество — покорно
Исполнили мы волю Аримана!

Вторая парка

Восславьте Аримана! Мы, пред кем
Склоняет выю смертный, преклоним
Свое чело пред троном Аримана!

Третья парка

Восславьте Аримана! Преклоняясь,
Мы ждем его велений.

Немезида

Царь царей!

Все, что живет, что существует — наше,

А мы — твои. Но, чтобы наша власть
Могла расти, твою усугубляя,
Наш долг быть неустанными в трудах,
И мы свой долг исполнили: мы свято
Свершили все, что повелел ты нам.

Входит М а н ф р е д.

Д у х

Что вижу я? Безумец, жалкий смертный!
Падн во прах.

В т о р о й д у х

Я узнаю его.
Он грозный и могучий черпюкнижник.

Т р е т и й д у х

Повергнись ниц и трепещи, презреяный!
Перед тобой — и твой и наш владыка.
Ужели ты не видишь?

С о н м д у х о в

Сын Земли!
Прострись во прах пред троном Аримана,
Иль горе непокорному!

М а н ф р е д

Я знаю,
И все ж не гну колени.

Ч е т в е р т ы й д у х

Тебя научат.

М а н ф р е д

Напрасный труд. Не раз во мраке ночи
Во прах я повергал свое чело,
Главу посыпав пеплом. Не однажды
Изведал я всю горечь униженья,
Пред собственным отчаяньем склоняясь,
Пред собственной скорбью,

Первый дух

Ты дерзаешь
Восстать на Аримана? Отказать
Владыке в том, что воздаст покорно
Ему весь мир? Не трепетать — и где же?
Пред ужасом величия и славы,
Пред троном Аримана? Ниц, безумный!

Манфред

Пусть *Ариман* воздаст хвалу творцу,
Кем создан он не ради поклоненья.
Пусть он склонит главу: мы вместе
Склоним тогда.

Духи

Раздавим червяка!
Растопчем!

Первал парка

Прочь! — Владыка сил незримых,
Перед тобою смертный, не похожий
Ни на кого из смертных, как об этом
Свидетельствует вид его и то,
Что он перед тобой. Его страданья
Бессмертны, как и наши; знанья, воля
И власть его, поскольку совместимо
Все это с бранным прахом, таковы,
Что прах ему дивится; он стремился
Душою прочь от мира и постигнул
То, что лишь мы, бессмертные, постигли:
Что в знании нет счастья, что наука —
Обмен одних изнаний на другие.
Но я еще не все сказала: страсти,
Всесильные и на земле и в небе
Над всем, что только существует в мире,
Так истерзали грудь его, что я,
Не знаящая жалости, прощаю
Того, в чьем сердце жалость он пробудит.
Он мой — иль твой — но ни один из духов
Не равен с ним и им владеть не будет.

Немезида

Зачем он здесь?

Первый дух

Пусть смертный сам ответит.

Манфред

Вы знаете, что властен я,— без власти
Я б не был здесь,— но мне не все покорно.
Я помощи прошу у вас.

Немезида

Скажи,

Что хочешь ты?

Манфред

Заставь восстать усопших.

Немезида

Великий Ариман! Что повелишь мне?
Дозволишь ли?

Ариман

Да будет так.

Немезида

Кто должен

На мой призыв покинуть мрак могилы?

Манфред

В земле непогребенная — Астарта.

Немезида

Дух, или Призрак!

Ты, что была

Создана прахом

И в прах отошла!

Ты, что утратила

Облик земной,—

В облике смертном

Восстань предо мной!

Сердце и очи,
Голос и лик
Вырви из жадной
Могилы на миг!
Восстань! Восстань от сени гробовой!
Тебя зовет убийца твой!

Призраж Астарты появляется среди чертога.

Манфред

И это смерть? Румянец на ланитах!
Но не живой он,— страшный и зловещий,
Как тот, что рдеет осенью на листьях.
Астарта! — Нет, я говорить не в силах,
Вели заговорить ей: пусть она
Простит или проклянет меня.

Немезида

Дух, ответствуй! Заклинаю
Властью неземной,
Тайной силой, что расторгла
Плещ могильный твой!

Манфред

Молчанье!

Оно страшней ответа.

Немезида

Я свершила
Все, что могла. Великий Ариман,
Тебе лишь покорится призраж: повели ей
Открыть уста.

Ариман

Дух, говори!

Немезида

Молчанье!

Бессильны мы,— над нею власть имеют
Другие духи. Смертный, покорись
Своей судьбе.

Манфред

Услышь меня, Астарта!

Услышь меня, любимая! Ответь мне!
Я так скорбел, я так скорблю — ты видишь:
Тебя могила меньше изменила,
Чем скорбь меня. Безумною любовью
Любили мы: нам жизнь была дана
Не для того, чтоб мы терзались вечно,
Хотя любить, как мы с тобой любили,—
Великий грех. Скажи, что ты меня
Простила за страданья, что терплю я
Мученье за обоих, что за гробом
Тебя ждет рай и что умру и я.
Все силы тьмы против меня восстали,
Чтоб к жизни приковать меня навеки,
Чтоб я перед бессмертьем содрогался,
Пред будущим, что может быть подобно
Прошедшему. Мне нет нигде покоя.
Чего ищу, к чему стремлюсь — не знаю,
Лишь чувствую, что ты и что я сам.
Пред гибелью хоть раз мне дай услышать
Твой голос сладкозвучный: отзовись!
Я звал тебя среди безмолвья ночи,
Я спящих птиц будил среди ветвей,
Зверей в горах, и темные пещеры
На тщетный зов, на сладкий звук: Астарта!
Мне отвечали эхом,— духи, люди
Внимали мне — лишь ты одна не внималась!
О, говори! Я жадными очами
Искал тебя среди небесных звезд.
О, говори! Я исходил всю землю
И не нашел нигде тебе подобной.
Взгляни вокруг — мне бесы сострадают,
Я вижу ад, но полон лишь тобою.
О, говори!.. О, говори хоть в гневе,
Но только дай хоть раз тебя услышать,
Хоть только раз!

Призрак Астарты

Манфред!

Манфред

О, не смолкай!
Вся жизнь моя теперь лишь в этих звуках!

Призрак

Манфред! Завтра ты покинешь землю.
Прости!

Манфред

О нет! Скажи, что ты простила.

Призрак

Прости!

Манфред

Скажи — увидимся ли снова?

Призрак

Прости!

Манфред

О, пощади: скажи, что любишь!

Призрак

Манфред!

(Исчезает.)

Немезида

Ушла — и вновь ее не вызвать.
Вернись к земле. Слова ее свершатся.

Дух

Он потрясен. Кто смертен, тот не должен
Искать того, что за пределом смерти.

Второй дух

Да, во взгляде, как он собой владеет,
Свой мученья воле подчинял!
Когда б он был одним из нас, он был бы
Могучий дух.

Немезида

Быть может, ты желаешь
Спросить еще о чем-нибудь?

Манфред

О нот.

Немезида

Тогда прости на время.

Манфред

Разве спопа

Мы встретимся? И где же? На земле?

Но все равно. Я твой должник. Простите!

АКТ ТРЕТИЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Зала в замке Манфреда.
Манфред и Герман.

Манфред

Который час?

Герман

Час до заката солнца,
И вечер обещает быть прелестным.

Манфред

Скажи, ты все ли приготовил в башне,
Как я велел?

Герман

Все, господин, готово.
Вот ключ и вот шкатулка.

Манфред

Хорошо.

Теперь иди.

Герман уходит.

Мир снизошел мне в душу,
Мир, мне еще неведомый доныне
И непонятный. Если б я не знал,
Что самое обманчивое в мире —
Химеры философских измышлений,
Что мудрость их — пустейшая из фраз
В учено-схоластическом жаргоне,
Я, кажется, охотно бы поверил,
Что золотые грезы о Калоне
Уже сбылись, что я его сыскал
В себе самом. Мой мир недолговечен,
Но все же хорошо его изведать
Хотя однажды. Нужно записать,
Что есть такое ощущение... Кто там?

Входит Герман.

Герман

Аббат Святого Мориса.

Входит аббат.

Аббат

Мир дому!

Манфред

Благодарю, святой отец! Да будет
Для замка твой приход благословеньем.

Аббат

Дай бог, чтоб было так! Но я желал бы
Поговорить глаз на глаз.

Манфред

Выйди, Герман.

Что скажет мой достопочтенный гость?

Аббат

Скажу без предисловий: сан, седины,
Желание добра тебе и наше
Давнишнее соседство, хоть знакомы

И не были с тобою мы, дают мне
На это право. Странный и ужасный
Пронесся слух, и этот слух позорит
Твое, граф, имя,— доблестное имя,
Которое ты должен для потомства
Таким же и оставить.

М а н ф р е д

Продолжай.

Я слушаю.

А б б а т

Ты, говорят, предался
Греховным и таинственным наукам,
Вступил в союз с сынами преисподней,
С нечистой силой демонов и бесов,
Блуждающих в долине сени смертной.
С людьми, своими братьями по духу,
Общаешься ты редко, жизнь проводишь
В уединенье: свято ли оно?

М а н ф р е д

Скажи, кто распускает эти слухи?

А б б а т

Мои благочестивые собратья,
Окрестный люд,— твои вассалы даже,
Что на тебя взирают с беспокойством,
Да мы и все за жизнь твою трепещем.

М а н ф р е д

Возьми ее.

А б б а т

Я прихожу спасать,
А не губить. Я не хочу касаться
Твоей души, но, если справедливы
Все эти слухи, верь, еще не поздно
Очиститься от скверны покаяньем
И примириться с церковью и небом.

Ма и ф р е д

Я выслушал. И вот что я отвечу:
Кто б ни был я, но я не изберу
Посредником меж мной и небесами
Ни одного из смертных. Если я
Уставы нарушаю — покарайте.

А б б а т

Мой сын, я не о каре говорю, —
Я только призываю к покаянию.
Пусть наказует небо. «Мне отмщение»,
Сказал господь, и, со смиренным сердцем,
Раб господа, я только повторяю
Его глаголы грозные.

Ма и ф р е д

Старик!

Ни власть святых, ни скорбь, ни покаянье,
Ни тяжкий пост, ни жаркие молитвы,
Ни даже муки совести, способной,
Без демонов, без страха пред геенной,
Преобразить в геенну даже небо, —
Ничто не в состоянии исторгнуть
Из недр души тяжелого сознанья
Ее грехов и сокровенной муки.
Та кара, что преступник налагает
Сам на себя, страшней и тяжелее
Загробных мук.

А б б а т

Я рад все это слышать,
Затем что все это должно смениться
Надеждой благодатной, что спокойно
Взирает на блаженную обитель,
Ее же всякий ищущий обрящет,
Коль скоро он покинет путь неправый.
Начало же спасения — сознанье
Его необходимости. Покайся —
И все грехи, что отпустить я властен,
Я отпущу, — что преподавать сумею,
Все преподам.

М а н ф р е д

Когда несчастный Нерон,
Чтобы избежать мук позорной смерти
Перед лицом сенаторов, недавних
Его рабов, ударил в грудь кинжалом,
Какой-то воин, полный сострадания,
Прижал свой плащ к его смертельной ране,
Но Нерон оттолкнул его и молвил
С величием во взоре: «Слишком поздно!»

А б б а т

К чему ты клонишь речь?

М а н ф р е д

Я отвечаю

На твой призыв к спасенью: слишком поздно!

А б б а т

Нет, никогда не поздно примириться
С своей душой, а чрез нее и с небом.
Иль у тебя нет никаких надежд?
Ведь даже те, что в небеса не верят,
Живут какой-нибудь земной мечтой,
Прильнувши к ней, как тонущий к тростишке,

М а н ф р е д

О да, отец, и я лелеял грезы,
И я мечтал на утре юных дней:
Мечтал быть просветителем народов,
Достичь небес — зачем? Бог весть! быть может,
Лишь для того, чтоб снова пасть на землю,
Но пасть могучим горным водопадом,
Что, с высоты заоблачной свергаясь
В дымящуюся бездну, восстает
Из бездны в высь туманами и снова
С небес стремится ливнем. — Все прошло,
И все это был сон.

А б б а т

Но почему же?

М а н ф р е д

Я обуздать себя не мог; кто хочет
Повелевать, тот должен быть рабом;
Кто хочет, чтоб ничтожество признало
Его своим властителем, тот должен
Уметь перед ничтожеством смиряться,
Повсюду проникать и поспевать
И быть ходячей ложью. Я со стадом
Мешаться не хотел, хотя бы мог
Быть вожаком. Лев одинок — я тоже.

А б б а т

Зачем не жить, не действовать иначе?

М а н ф р е д

Затем, что я всегда гнушался жизни.
Я не жесток; но я — как жгучий вихрь,
Как пламенный самум, что обитает
Лишь в тишине пустынь и одиноко
Кружит среди ее пагих песков,
В ее бесплодном, диком океане.
Он никого не ищет, но погибель
Грозит всему, что встретит он в пути.
Так жил и я; и тех, кого я встретил
На жизненном пути, — я погубил,

А б б а т

Увы! Я начинаю опасаться,
Что я тебе помочь уже не в силах.
Но ты еще так молод, я хотел бы...

М а н ф р е д

Святой отец! Есть люди, что стареют
На утре дней, что гибнут, не достигнув
До зрелых лет, — и не случайной смертью
Иных пороки, иных науки губят,
Иных труды, иных томленье скуки,

Иных болезней, безумье, а иных —
Душевные страдания и скорби.
Страшнее лет последнего педуга:
Все имена, все формы принимая,
Он требует гораздо больше жертв,
Чем значится в зловещих списках Рока.
Вглядись в меня! Душевные педути
Я все познал, хотя довольно б было
И одного. Так не дивись тому,
Что я таков, дивись тому, чем был я,
Тому, что я еще живу на свете.

А б б а т

Но выслушай...

М а н ф р е д

Отец, я уважаю
Твои года и звание; я верю,
Что ты пришел ко мне с благою целью,
Но ты предпринял тщетный труд. Быть грубым
Я не хочу, — я лишь тебя щажу,
А не себя, так резко обрывая
Наш разговор — и потому — прости!

(Уходит.)

А б б а т

Он мог бы быть возвышенным созданием.
В нем много сил, которые могли бы
Создать прекрасный образ, будь они
Направлены разумнее; теперь же
Царит в нем страшный хаос: свет и мрак,
Возвышенные помыслы — и страсти,
И все в смешенье бурном, все мятется
Без цели и порядка; все иль дремлет,
Иль разрушенья жаждет: он стремится
К гибели, но должен быть спасен,
Затем что он достоин искупленья.
Благая цель оправдывает средства,
И я на все дерзну. Пойду за ним
Настойчиво, хотя и осторожно.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Другая комната.
Манфред и Герман.

Герман

Вы, господин, велели мне явиться
К вам на закате: солнце уж заходит.

Манфред

Да? — Я взгляну.

(Подходит к окну.)

Великое светило!
Бог первоизданной, девственной природы!
Кумир могучих первенцев земли,
Не ведавших болезней, — исполинов,
Родившихся от ангелов и дев,
Сиявших красотой неизреченной!
Царь меж светил, боготворимый миром
От первых дней творения, вливавший
Восторг в сердца халдейских пастухов
И слышавший их первые молитвы!
Избранник неземного, что явило
В тебе свой светлый образ на земле!
Венец и средоточие вселенной,
Дающее небесную отраду
Всему, что прозябает в дольном мире!
Владыка всех стихий и повелитель
Всех стран земных, повсюду положивший
Свои неизгладимые печати
На дух и облик смертных! Ты, что всходишь,
Свершаешь путь и угасаешь в славе!
Ты, видевшее некогда мой первый
Взор, полный изумленья и восторга!
Прости навек, — прими мой взор последний!
В последний раз тебя я созерцаю;
Твои лучи уж больше никогда
Не озарят того, кому дар жизни
Был даром роковым. — Оно сокрылось;
Мой час настал.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Горы.— В отдалении замок Манфреда.— Терраса перед башней.— Сумерки.

Герман, Мануэль и другие слуги Манфреда.

Герман

Дивлюсь я графу: вот уж сколько лет
Все ночи он без сна проводит в башне —
И непременно в башне. Я бывал в ней,
Но по тому, что есть в ней, не решишь,
Чем занят он. Наверно, потайнал
Есть комната, и сколько бы я отдал,
Чтоб только заглянуть в нее!

Мануэль

Напрасно.

Доволен будь и тем, что ты уж знаешь.

Герман

Ах, Мануэль, ты старше нас и мог бы
Порассказать нам многое о замке.
Когда ты поступил сюда?

Мануэль

Давно.

Я до рожденья графа был слугою
Его отца, с которым никакого
Он не имеет сходства.

Герман

Что ж, не редкость!

Мануэль

Я говорю не о чертах лица.
Граф Сигизмунд был горд, но прост и весел,
Любил пиры и битвы, а не книги,
Любил людей — и ночи превращал
Не в бдения угрюмые, а в праздник,
Да ведь какой! Он не блуждал, как волк,
По дебрям и ущельям, — не чуждался
Земных утех и радостей.

Герман

Проклятье!

Вот были времена! И неужели
Они уж не вернутся в эти степы,
Что смотрят так, как будто и не знали
Счастливых дней?

Мануэль

Пусть прежде переменят
Владельца эти степы. О, я видел
Немало в них диковинного, Герман!

Герман

Будь добр и расскажи хоть что-нибудь.
Мне помнится, что возле этой башни
Случилось что-то: ты мне намекал.

Мануэль

Был, видишь ли, точь-в-точь такой же вечер,
Как и теперь; на Эйгере краснела
Точь-в-точь такая ж тучка; ветер дул
Порывистый, и снежные вершины
Уж залипала трепетным сияньем
Всходящая луна; граф Манфред,
Как и теперь, был в башне; что он делал,
Бог весть,— но только с ним была
Та, что делила все его скитанья
И бдения полночные: Астарта,
Единственное в мире существо,
Которое любил он, что, конечно,
Родством их объяснялось...

Кто идет?

Аббат

Где граф?

Герман

Вот в этой башне.

Аббат

Постучись —

Мне нужно с ним поговорить.

Герман

Не смею

Я парушать его уединенье.

Аббат

Но мне его необходимо видеть,
Я на себя возьму твою вину.

Герман

Ведь ты его недавно видел.

Аббат

Герман!

Ступай без рассуждений.

Герман

Я не смею.

Аббат

Так я войду без всякого доклада.

Мануэль

Святой отец, постойте! Я прошу вас.

Аббат

Но почему?

Мануэль

Пожалуйте сюда,—

Благоволите выслушать.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Внутренность башни.

Манфред

(один)

Сверкают звезды,— снежные вершины
Сияют в лунном свете.— Дивный вид!
Люблю я ночь,— мне образ ночи ближе,
Чем образ человека; в созерцанье

Ее спокойной, грустной красоты
Я постигаю речь иного мира.
Мне помнится, — когда я молод был
И странствовал, — в такую ночь однажды
Я был среди развалин Колизея,
Среди остатков царственного Рима.
Деревья вдоль разрушенных аркад,
На синеве полудночной темнея,
Чуть колыхались по ветру, и звезды
Сияли сквозь руины; из-за Тибра
Был слышен лай собак, а из дворца —
Протяжный стон совы и, замирая,
Невнятно доносились с теплым ветром
Далекие напевы часовых.
В проломах стен, разрушенных веками,
Стояли кипарисы — и казалось,
Что их кайма была на горизонте,
А между тем лишь на полет стрелы
Я был от них. — Где Цезарь жил когда-то
И где теперь живут ночные птицы,
Уже не лавр, а дикий плющ растет
И лес встает, корнями укрепляясь
В священном прахе царских очагов,
Среди твердых, сровнявшихся с землею.
Кровавый цирк стоит еще доныне,
Еще хранит в руинах величавых
Былую мощь, но Цезаря покои
И Августа чертоги уж давно
Поверглись в прах и стали грудой камня.
И ты, луна, на них свой свет лила,
Лишь ты одна смягчала нежным светом
Седую древность, дикость запустенья,
Скрывая всюду тяжкий след времен!
Ты красоты былой не изменяла,
Но осеняла новой красотой
Все, в чем она погибла, и руины
Казались священными, и сердце
Немым благоговеньем наполнялось
Перед немым величьем древней славы,
Пред тем державным прахом, что доныне
Внушает нам невольный трепет. — Странно,

Что вспомнилась мне эта ночь сегодня;
Уже не раз я замечал, как дико
Мянутся наши мысли в те часы,
Когда сосредоточиться должны мы.

Входит а б б а т.

А б б а т

Я вновь к тебе непрошеным являюсь,
Но пусть мое смиренное стремление
Помочь тебе — не прогневит тебя:
Пусть все, что есть в нем темного, дурного,
Падет лишь на меня, а все благое —
Да осенит твою голову, — я страстно
Сказать хотел бы: *сердце!* Если б тропуть
Я мог его молитвой или словами,
Я спас бы дух, который лишь случайно
Блуждает в тьме.

М а н ф р е д

Напрасная надежда!
Мой путь свершен, моя судьба решилась.
Но уходи, — тебе здесь быть опасно.

А б б а т

Ты хочешь запугать меня?

М а н ф р е д

О нет.

Я говорю лишь, что близка опасность.
Остерегись.

А б б а т

Чего?

М а н ф р е д

Гляди сюда:

Ты видишь?

А б б а т

Нет.

М а н ф р е д

Гляди, я повторяю,
И пристально. Теперь скажи,— ты видишь?

А б б а т

Я вижу, что встает из-под земли,
Как адский бог, какой-то мрачный призрак;
Его лицо закрыто покрывалом,
Он весь повит тяжелыми клубами
Свищевой мглы, по он не страшен мне.

М а н ф р е д

Я знаю, что тебя он не коснется,
Но взор его убьет тебя на месте,—
Ты стар и дряхл,— уйди, прошу тебя!

А б б а т

А я в ответ: доколе не сражуся
С ищадем тьмы,— не сделаю и шагу.
Зачем он здесь?

М а н ф р е д

Да, да, зачем он здесь?
Кто знал его? Он гость, никем не знавший.

А б б а т

Погибший смертный! Страшно и подумать,
Что ждет тебя! С какою целью ходят
К тебе такие гости? Почему
Вы смотрите так зорко друг на друга?
А, он покров свой сбросил: на челе —
Следы змеистых молний, взор блистает
Бессмертием геенны — адский призрак,
Исчезни!

М а н ф р е д

Дух, зачем ты здесь?

Д у х

Идем!

А б б а т

Неведомый! Скажи, ответствуй: кто ты?

Д у х

Его Судьба. Идем — настало время.

М а н ф р е д

О, я на все готов, но презираю
Твой властный зов! Кем прислан ты сюда?

Д у х

Узнаешь в срок. Идем!

М а н ф р е д

Мне покорились

И более могучие, чем ты,
Я вел борьбу с владыками твоими,—
Сгинь, адский дух!

Д у х

Настало время, смертный,

Смирись.

М а н ф р е д

Я знал и знаю, что настало.
Но не тебе, рабу, отдам я душу.
Прочь от меня! Умру, как жил,— один.

Д у х

Я помощи потребую.— Восстаньте!

Появляются д у х и.

А б б а т

Исчезните, владыки тьмы! Рассейтесь!
Бессильны вы пред силою небесной,
Я закляну вас именем...

Д у х

Старик!

Не расточай без пользы слов,— мы знаем,
Что властен ты, но здесь лишь мы владыки.
Напрасен спор: он кары не избегнет,
Вновь говорю: идем, настало время.

М а н ф р е д

Я презираю вас,— я с каждым вздохом
Теряю жизнь, но презираю вас!
Я не смирюсь, покуда сердце бьется,
Не отступлю, хотя бы мне пришлось
Бороться с целым адом; вам удастся
Взять не меня, а только труп.

Д у х

Безумец!

Как жадно он цепляется за жизнь,
Которая дала ему лишь муки!
И это Маг, стремившийся проникнуть
За грань земных пределов и мечтавший
Быть равным нам?

М а н ф р е д

Исчадь тьмы, ты лжешь!

Мой час настал,— я это знал и знаю, .
Но не хочу ни на одно мгновенье
Продлить его: тебе с толпою присных
Противлюсь я, а не веленьям смерти,
Я власть имел, но я обязан ею
Был не тебе: своей могучей воле,
Своим трудам, своим ночам бессонным
И знаниям тех дней, когда Земля
Людей и духов в братстве созерцала
И равными считала их. Бессильны
Вы предо мной,— я презираю вас,
Вы жалки мне!

Д у х

Ты не избежешь кары:

Твои грехи...

М а н ф р е д

Не ты судья грехам!

Карает ли преступника преступник?
Убийцу тать? Сгинь, адский дух! Я знаю,
Что никогда ты мной не овладеешь,
Я *чувствую* бессилie твое.
Что сделал я, то сделал; ты не можешь
Усилить мук, в моей груди сокрытых:
Бессмертный дух сам суд себе творит
За добрые и злые помышленья.
Меня не искушал ты и не мог
Ни искушать, ни обольщать, — я жертвой
Твоей доныне не был — и не буду.
Сгубив себя, я сам и покараю
Себя за грех. Исчадь тьмы, рассейтесь!
Я покоряюсь смерти, а не вам!

Духи исчезают.

А б б а т

Увы, ты страшен — губы посинели —
Лицо покрыла мертвенная бледность —
В гортани хрип. — Хоть мысленно покаясь!
Молись — не умирай без покаянья!

М а н ф р е д

Все кончено — глаза застлал туман —
Земля плывет — колышется. Дай руку —
Прости навек.

А б б а т

Как холодна рука!
О, вымолви хоть слово покаянья!

М а н ф р е д

Старик! Поверь, смерть вовсе не страшна!
(Умирает.)

А б б а т

Он отошел — куда? — страшусь подумать —
Но от земли он отошел навеки.

НЕБО И ЗЕМЛЯ

Мистерия

Когда люди начали умо-
жаться, сыны божии увидели до-
черей человеческих, что они кра-
сивы, и брали их себе в жены.

Быт. VI.

And woman wailling for her de-
mon lover.

*Coleridge*¹.

Dramatis personae

Духи: Рафанл. Самназ. Азазнил.

Люди: Ной, Сим, Иафет. Ирад. Аня. Аголибама.

Хор Духов Земли.

Хор Смертных.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Гористая, покрытая лесом местность близ Арарата. — Полночь.
Аня и Аголибама.

Аня

Отец уснул. Вот час, в который те,
Что любят нас, нисходят сквозь туманы
Скалистых гор. Как сильно бьется сердце!

Аголибама

Пора, начнем.

Аня

В тумане скрылись звезды,
Я вся дрожу.

Аголибама

И я — от нетерпенья,

¹ И женщина оплакивает своего любовника-демона. *Кол-
ридж (англ.)*.

А н а

Сестра, он мне дороже — о, гораздо
Дороже, чем... Но что со мной? Злой демон
Вошел в меня!

А го ли ба ма

Любить слугу творца
Ужели зло?

А н а

Но я, Аголибама,
Творца любила более до встречи
С его слугой. Права ли я, — не знаю,
Но вечный страх, рождающий так много
Тревог в душе, — зловещий знак!

А го ли ба ма

Тогда

Соедини судьбу свою со смертным,
Работай с ним. Вот Иафет: он любит
Тебя давно и сильно. Стань супругой,
Помощницей ему — и размножай
Ему подобных.

А н а

Я Азазила

Любила бы не меньше, если б он
И смертным был. Мне только сладко думать,
Что он переживет меня. При мысли,
Что он крылом бессмертным осепит
Могильный холм над бедным чадом праха,
Его любившим тою же любовью,
Какой он бога любит, даже смерть
Не столь ужасна кажется. И все же
Мне жаль его: скорбь ангела должна
Быть вечною, — моя, по крайней мере,
Была бы вечной, будь я серафимом,
А он — потомком Евы.

Аголибама

Он другую
Любить не меньше будет, чем теперь
Он любит Ану.

Ана

Что ж, я предпочла бы,
Чтоб он с другой был счастлив, чем томился
Тоской о мертвой!

Аголибама

Если бы и я
Так думала о страсти Самиаза,
Я на нее ответила б презреньем.
Но час настал. Пора.

Ана

Азанил!

Где б ни был ты в чертоге вечном,
Хотя бы сонмы звезд текли
От крыл твоих в пространстве бесконечном,
Явись! Внемли!
Ты предстоишь в числе Семи, ты славен,
Но вспомни ту, кем ты любим,
Кому ты — *все* и с кем *ни в чем* не равен,
Кто создан всеблагим
Последней из лишенных рая!
Ты разделяешь вечность с ним,
Среди миров бесчисленных блуждая,
Краса твоих небесных глаз
Не омрачается слезами,
И лишь любовь связует нас,
Но вот, взгляни — никто под небесами
Не плакал так и не любил,
Как я люблю и плачу пред тобою!
Тебе даровано судьбою
Блаженствовать пред ликом бога сил,
Но отзовись! Внемли, Азанил!
Скажи, что близок мне, как прежде,
Затем что жизнь моя — в одной

Бессмертной сладостной надежде
Любить и быть любимой тобой.
Блаженство наше — сновиденья
О кущах райского селенья,—
Напомни их! Покинь свой горный пост,
Повея на миг очарованьем
И сонмам звезд
Оставь снять их собственным сияньем.

А го ли ба ма

О Самназ!

Услышь мой зов!

Где б ни был ты в предвечном мире:
Ведешь ли брань среди врагов
Творца всех сил и всех миров,
Благоволишь ли в райском клире
Возвысить свой хвалебный глас,
Иль отвращаешь страшный час
Звезды, с пути сорвавшейся в эфире,—
О Самназ!

Я жду тебя, люблю и призываю.
Я ни пред кем чела не преклоняю,
Но если ты к душе моей
Стремишься вечною душою,—
Приди, дели мою судьбу со мною!
Я — прах земли, ты — свет лучей,
Что ярче солнца рая светит,
Но верь, что на любовь мою
Твоя любовь страстнее не ответит!
И я в груди своей таю
Запретный свет, бессмертное начало;
Могилу нам праматерь завещала,
Но разве смерть нас разлучит?
Есть голос, что как гром звучит,
Что, побеждая Время и Страданья,
Мне говорит о вечности моей!
На радость ли? Сокрыты от людей
Творцом его предначертанья.
Я чувствую и знаю лишь одно,
Что им дано бессмертье людям,

Что мы и с ним бороться будем,
Раз так судьбою суждено.
Он сокрушать лишь формы может,
Он духа моего не уничтожит,
И мне с тобой не страшен даже ад:
Ты жизнь дерзнул делить со мною —
Меня ли муки устрашат?
Нет! Я в улыбке муки скрою,
Я их глубоко затаю:
Хотя бы снова грудь мою
Пасквосье проникло жало змия,
Иль сам ты змием льнул к груди, —
Я заключила бы в такие
Тебя объятья!.. Но приди,
Узнай, каким полна томленьем
Любовь земная к небесам,
Иль, если ты блаженней там,
Останься глух к моим мольбам!

А на

Сестра! Сестра! Я вижу их, я вижу
Их яркий путь во мраке!

Аголибама

Облака

Бегут от них, как на заре от солнца,

А на

Что, если б наш отец, Аголибама,
Увидел их!

Аголибама

Подумал бы, что это
Луна встает до срока, на призывы
Волшебника.

А на

Сестра, я различаю
Черты Азанила!

Аголибама

Поспешим

Навстречу к ним. Ах, если бы на крыльях
Взлететь и пасть на сердце Самиаза!

Ана

Смотри, весь запад в пламени, как будто
Закат горит! Вот гребень Арарата
Зажегся алым отблеском их крыл...
Вот этот отблеск тает, исчезает,
Как пена моря, поднятая вверх
Игрой левиафана из бездонных
Морских пучин...

Аголибама

Они земли коснулись!

Мой Самиаз!

Ана

Азанил! Любимый!

Eхеunt¹.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Ирад и Иафет.

Ирад

Будь тверже, брат! Что пользы молчаливо
Бродить в молчанье ночи, устремив
Глаза, слезами полные, на звезды?
Они ведь не помогут.

Иафет

Но они

Смягчают скорбь,— быть может, Ана тоже
Глядит теперь на звезды. Созерцая
Бессмертную и вечную красу,
Прекрасное и юное созданье
Еще прекрасней кажется. О Ана!

¹ Уходят (лат.).

И р а д

Но страсть твоя отвергнута?

И а ф е т

Увы!

И р а д

И я Аголибамою отвергнут.

И а ф е т

Сочувствую всем сердцем!

И р а д

Но оставим

Ее гордыню в мире. Я и сам
В своей тоске, был гордостью утешен.
Есть верный мститель — время.

И а ф е т

Неужель

Ты в этой мысли черпаешь отраду?

И р а д

Ни скорби, ни отрады. Я любил
И мог любить еще нежнее и крепче,
Когда б взаимность видел. Но теперь...
Пусть избирает высший жребий, если
Он кажется ей высшим!

И а ф е т

Что за жребий?

И р а д

Есть основанье думать, что она
Другого любит.

И а ф е т

Ана?

И р а д

Не тревожься:

Сестра ее,

И а ф е т
Кого же?

И р а д
Я не знаю;
Но вижу, что другого.

И а ф е т
Да, но Ана
Лишь бога любит.

И р а д
Бога или не бога,
Но не тебя.

И а ф е т
Ты прав. Но я люблю.

И р а д
И я любил.

И а ф е т
Но, разлюбив или только
Мечтая так, ты разве стал счастливей?

И р а д
Да, во сто крат.

И а ф е т
Мне жаль тебя.

И р а д
Меня?

И а ф е т
Тебя, Ирад. Ты счастлив стал, лишившись
Того, чем я несчастлив.

И р а д
Ты в бреду!
За то, чтоб бредить этим, я бы не взял
Цены всех стад, всех наших коз, когда бы
Их обменять на золото и медь,—
На бесполезный желтый прах, который,
По мнению каппитов, так же дорог,

Как все, что нам припосят в изобилие
Стада и наши пастбища... Скитайся,
Тоскуй, на звезды гляди, точно волк
Весною в полнолуние! Мне же нужен
Покой и сон.

И а ф е т

И я б уснул, Ирад,

Когда бы мог.

И р а д

Так ты со мной не хочешь

Идти к шатрам?

И а ф е т

Нет, я пойду к пещере,
Что называют дверью в сокровенный
Подземный мир,— отверстнем, где духи
Из недр его выходят ночью к людям.

И р а д

Зачем?

И а ф е т

Затем, чтоб усладить печалью
Печальный дух: он столь же безнадежен,
Как те места.

И р а д

Они ужасны. Станный
Царит там гул, и странные виденья
Проходят в полумраке. Одному
Тебе идти опасно.

И а ф е т

Нет. Поверь мне:

Тому, кто не замыслил зла, не страшны
И козни злых.

И р а д

Но злые тем враждебней,
Чем более мы чужды им. Вернись,
Иль я пойду с тобою,

И а ф е т

Нет, я должен

Идти один.

И р а д

Да будет мир с тобою!

(Exit¹.)

И а ф е т

(solus)²

Мир! Он — в любви, и я искал его,
Искал с любовью, может быть, достойной
Его отрад. И вот нашел тоску,
Дни, полные томлений, усталость
И ночи, сна лишённые. Мир! Мир!
Спокойствие отчаянья, безмолвье
Лесных трущоб, смущаемых порою
Лишь стоном бурь, — вот мир души моей,
Измученной и полной то смятеньем,
То мертвым сном. Земля развращена,
И много было знамений, гласиших,
Что близок час возмездия. О Ана!
Когда придет он, грозный, всегубищий,
И распахнет хлябь бездны, ты надежный
Нашла б приют у любящего сердца,
Что так напрасно бьется и вдвойне
Напрасней будет биться в ту минуту,
Когда твоё... Смягчи свой гнев, о боже,
Хотя пад ней! Она чиста на грешной
Земле, как звезды в туче, что не может
Их угасить своею тьмой. Ты, Ана,
Ты оттолкнула сердце, что могло
Боготворить красу твою! И все же
Я б отдал жизнь, чтоб дать тебе спасенье,
Чтоб сохранить от гибели, когда
Левиафан, владыка безграничных
Морских пучин, сам изумится шири
Своих держав.

(Exit.)

Входят Ной и Сим.

¹ Уходит (лат.).

² Один (лат.).

Н о й
Где брат твой Иафет?

С и м
Брат говорил, что он идет к Ираду,
Но я боюсь, что к Ане,— к тем шатрам,
Вокруг которых вьется он, как голубь
Вокруг гнезда, раскиданного бурей,
Иль к той пещере страшной, где зияет
Вход в недра Арарата.

Н о й
Что там делать?
Там пуп земли, в грехах погрязшей; там
Сбирается все зло ее, все духи,
Что нечестивей даже канниотов.
Он и доныне любит столь же страстно
Дочь обреченных гибели, хотя
Не мог бы, даже будучи любимым,
Стать мужем ей. Как жалки и несчастны
Сердца людей! Он — кровный мой, он знает
Все зло сих дней, он знает близость кары —
И жадно предается низкой страсти!
Идем к нему.

С и м
Остерегись, отец!
Я отыщу один его.

Н о й
Не бойся:
Над избранным Иеговой зло бессильно.
Веди меня.

С и м
К шатрам сестер?

Н о й
(*Exeunt.*) К пещере.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Пещера и скалы Арарата.

И а ф е т

Ты, дикий мир, что кажешься мне вечным!
Ты, горный криж, в своей красе столь грозный
И столь разнообразный! Ты, пещера,
Бездонная по виду! Здесь, среди
Сурового величья скал, деревьев,
Вцепившихся корнями в сердце серых
Нагих стремнин, где ни единый смертный
Без трепета не ступит, если только
Достигнет их, — здесь веришь в вашу вечность!
Но минет день, быть может, час — и воды
Раздавят вас! И бурная волна
С разбегу хлынет в темный зев пещеры,
Прослывшей ходом в тартар. И дельфины
Войдут, играя, в логовище льва.
А люди... Братья-люди! Я увижу
Великую могилу: кто ж со мною
Разделит скорбь? Увы, никто! И лучше ль
Мой рок, чем ваш? Что ожидает их,
Места, где я скитался, полный сладких
Надежд и дум, и дикие, но столь же
Отрадные приюты, где страдал я?
Возможно ли? Вот этот дальний пик,
Чье острие звездой горит, — возможно ль,
Что он исчезнет в бездне? Что туманов
Волянистые покровы уж не будут
Спадать с его угрюмого чела
Под восходящим солнцем? И огромный
Шар солнца не зайдет за ним, всенчая
Его главу короной многоцветной?
И перестанет быть она приютом,
Ближайшим к звездам неба, маяком
Для ангелов, сходящих в мир? Ужели
Лишь нас с отцом да тварей, им избранных,
Спасет творец? Он их щадит, а я
Создания, прекраснейшего в мире,
Не защищу от участи, которой

Избегнет даже змей с змеей, чтоб снова
Вести свой род и уязвлять, шипя,
Тот некий мир, что возродится в тине,
Которая покроет прах бывшего
И будет тлеть, покуда топь болот
Не сузится под солнцем и не станет
Всемирным мавзолеем на могиле
Мирьяд существ, теперь еще живых.
О, сколько их погибнет! Ночь за ночью
И день за днем, с разбитою душой,
Слежу твои сосчитанные ночи
И дни твои, прекрасный, юный мир,
На гибель обреченный! Я не в силах
Спасти тебя — и даже ту, что правит
Моей любовью к миру; но не в силах
Помыслить и о будущем — без чувства...

(Смолкает.)

Из пещеры вырывается гул, взрывы хохота и появляется Дух.

Во имя неба, кто там?

Дух

Ха-ха-ха!

Иафет

Повелеваю всем, что есть святого:
Ответствуй мне.

Дух

Ха-ха!

Иафет

Повелеваю

Днем скорого возмездия! Землю,
Которую задушит хлябь, разверзнув
Все водные истоки! Твердью, в море
Готовой превратиться! Всемогушим,
Творящим и губящим! Тень от Тени!
Неведомый, безликий, но ужасный!

Ответствуй мне: над чем ты здесь хохочешь
Таким зловещим хохотом?

Д у х

Над чем

Ты сетуешь?

И а ф е т

Над всей землей, над всеми,
Рожденными землею.

Д у х

Ха-ха-ха!

И а ф е т

Как злобно враг хохочет над грядущим
Днем муки человеческой, над миром,
Где солнце завтра встанет лишь затем,
Чтоб озарить могилы! Как спокойно
Весь этот мир и все, что дышит в нем,
Спит на капуне гибели!.. Туманом
Идут они, живые лики смерти,
Они, что говорят, как существа,
Рожденные на утре мироздания...

Разноликие Д у х и выходят из пещеры.

Д у х и

Ликуйте! Гибнет род,
Отдавший рай за горести познания!
Близка минута воздаянья
За роковой запретный плод!
Не меч, не скорбь, не мор, не глад, не годы
Сотрут его презренный след:
Блеснет рассвет —
И вся земля преобразится в воды!
На бездыханный мир сойдут
Дыханья бурных ураганов;
Бессильно крылья ангелов падут
И не найдут
Приюта над простором океанов,
Последний риф,

Где Скорбь молящим взором обводила
Безбрежный круг, в надежде на отлив,
Пока ее волна не смыла,—
Последний клоч земли пожрет
Ненасытимая могила —

И все умрет!

Иных стихий придет черед
Царить над зыбкою пустыней,
И все цвета один заменит — синий,
Стремнины гор — морская гладь.
Напрасно будут простирасть
Сосна и кедр свои вершины —
Сольются с небом водные равнины

И мертвецом

Прострутся в Бездне Довременной.

На зыби пенной

Кем оснуется дом?

И а ф е т

Моим отцом! —

Бог лишь очистит семя жизни.

Сокройся! Сгинь,

Отродье мрака и пустынь!

Не торжествуй на рашней тризне!

Наш мститель — бог. В *его* руках,

А не в твоих дела земные.

Рассейся в прах!

Сокройся в бездны потайные,

Пока не хлынет в них волна

И вновь не выкинет со дна

Твой злобный род на волю ураганов,

В безбрежность бурных океанов!

Д у х

Когда ковчег

Носить стихии водные устанут,

Ужель, о сын избранника, настанут

Дни радостей и пег?

Нет! Новый мир, мир, вставший из могилы,

Уже иным увидишь ты:

Лишенным прежней красоты,

Лишенным величавости и силы,
Что и теперь еще хранят
Черты титанов, порожденных
От жес земли и божьих чад.
Одну лишь скорбь, в наследие спасенных,
Оставит Смерть: кто ж превозможет стыд
Вновь лить и есть, любить, плодиться
И созидать свой жалкий быт?
Кто, не слепец, не тать, решится
Забвению гибнущих предать
И казни мира ожидать
Без сокрушенья, без отваги
Погибнуть с ним в пучинах влаги,
А не молить щедрот творца,
Не строить дом над прахом мертвеца?
Я враг тебе — мы созданы врагами,
Но Духу я не враг,
И есть ли хоть один меж нами,
Кто б для небес покинул мрак
И нас забыл в обители блаженной?
Живи, презренный!
Плодись! Когда же бездна вод
Над миром гибнущим застонет,
Завидуй всем, кого она хорошит,
И прокляни свой низкий род!

Хор Духов

Ликуйте! Жертвы человека
Завтра высь не омрачат.
Мы, не творившие от века
Молитв тому, кто любит кровь и чад,
Мы вновь увидим, как стихия
Повергнет в хаос все другие
И, сокрушив надменно-жалкий прах,
Рассеет щедро остовы нагие
По высям гор, в пещерах и норах,
Где человек мечтал спасенье
Найти от страшного конца,
Где даже звери, в страхе и смятенье,
Вражду забыли — и овца
Идохла рядом с тигром и гиеной!

Опять безмолвный лик вселивной
Свой довременный примет вид,
И пусть, насытись, пощадит
Смерть крохи жизни для приплода,
Для новой трапезы своей:
Лишь только ил отхлынувших морей
Осушит зноем небосвода,
Из гнили вновь расти начнут
Недуги, скорби, муки, боли,
Вражда, убийства, старость, труд,
Покуда...

И а ф е т
(прерывал)

Благость Вечной Воли
Не изъяснит нам смысл добра и зла
И не сберет все страны и народы
Под сенью мощного крыла,
И не лишит дьявола свободы,
И в первобытной красоте
Не восстановит райского селенья,
Где человек отринет искушенья,
Где даже демоны и те
Благим трудом свои грехи искупят.

Д у х и

Когда же дни, столь дивные, наступят?

И а ф е т

Когда придет, сперва в цепях,
Потом во славе, предреченный.

Д у х

А до того — томись в земных цепях!
С самим собою, с небом и с геенной
Веди войну — и убивай, пока
Кровавый пар с полей сраженья
Не окровавит даже облака!
Придут иные поколенья,

Иные дни, иной и склад и быт,
Изменят вид
Страданья, зло и преступленья;
Но мир грядущий снова сокрушит
Все та же страсть, — как славный род титанов
Завтра бездна океанов.

Хор Духов

Смелей, смелей!
Возвысим, братья, гимны ликованья!
Чу! Голос вод — угрюмый гул зыбей!
Они идут, растут среди молчанья.
Раскрылись крылья острые ветров;
Набухли влагой недра облаков;
Ключи великой бездны быют во мраке,
И хлябь готова хлынуть; по слепцам
Дано ль понять и видеть знаки,
Что зримы нам?
Они не внемлют грозные глаголы
Громов, идущих ратью в небосклон;
Они не ловят быстрый и веселый
Блеск пламенеющих знамен.
Стенай, земля! Плачь, гибнущий столь рано
Столь юный мир! Дрожи, о Арарат!
Твои утесы волны сокрушат
И ракушки, песчинки океана
Рассеют там, где был приют орлят, —
Где диким воплем небо огласят
Орлы, кружа в пустынных водных безднах,
На зависть гибнущих людей,
Взывающих о крыльях бесполезных!
Смелей, смелей!
Для новых бедствий и скорбей
Смерть на земле оставит только семя,
Братоубийца исчезнет племя,
И очи их прекрасных дочерей,
Влачащих косы длинные по воле
Тяжелой пенной волны,
С укором будут в высь устремлены.
Но не избегнуть миру страшной доли!

И скоро гробовая тишина
Поглотит все укоры и проклятья.

Ликуйте, братья!

Мы нашу чашу выпили до дна:

Черед за тем, кто был смиренным
Врагом небес и недругом геенны.

(*Exeunt.*)

И а ф е т

(*solus*)

Господь изрек свой грозный суд земле;
Судьбу ее ковчег отца вешает,
И демоны вопят из горных бездн;
Эпох давно в своем безмолвном свитке
Предначертал ей кары — и глаголы
Безмолвных строк звучней, чем гром небес;
Но человек не внял и не внимает,—
Он, как слепой, идет навстречу кар,
И близость их смущает землю меньше,
Чем вопль ее всевышнего смутит
Нль океан, всевышнему послушный
И беспощадный к воплям о спасенье.
Вид облаков пока еще обычен —
Последний день не распростер еще
По небесам знамен своих, и солнце
Взойдет над ним в таком же ярком блеске,
В каком возшло в четвертый день, когда
Господь сказал: «Зажгись!» — и загорелось
Оно огнем, еще не озарявшим
Отца еще не созданных людей,
Но пробудившим — ранее хвалебных
Молитв его — хвалы уж сотворенных
И сладкогласных более, чем он,
Небесных птиц, как ангелы парящих
И, как они, задолго до Адама
И над его, приветствующих свет.
Час гимнов их уж близок — расцветает
Восток зарей — раздастся гимн — и утро
Блеснет из тьмы и принесет им — гибель...
Да, утро, вслед немногих светлых утр,

Опять блеснет, но что осветит? — Хаос,
Царивший до создания и снова
Пожрать готовый Время: ибо что
Без жизни час? Что вечность без Неговы:
Он создал час и вечность; без него
Она — ничто, как времена без жизни,
Для жизни сотворенные и вместе
С людскою жизнью гибнущие в бездне,
От века не имеющей начала
И ждущей истребить и человека,
И мир его. — Но кто это? Создатель
Земли и вместе неба? Нет, лишь неба.
Я лиц не различаю — вижу только
Сквозь сумрак очертанья их, и как
Они красивы, двигаясь по серым
Обрывам гор сквозь утренний туман!
Они идут — и, после мрачных духов,
Столь дико завывавших свой злорадный,
Свой адский гимн, отрадны мне, как рай,
Они идут, быть может, с вестью миру,
Что казнь его отсрочена, что Ягве
Мольбам моим, столь частым, внимал... Но, боже!
Я вижу Ану! Ану и...

Входят Самиад, Азанил, Апа и Аголибама.

Апа

Сын Ноя!

Самиад

Как! Адамит?

Азанил

Зачем ты здесь, сын праха,
Когда твой род весь сном объят?

Иафет

Бессмертный!
Зачем ты здесь, когда твой долг — быть в небе?

Аз а з н и л

Ты иль не знал, иль позабыл, что в этот
Великий долг приходит и другой —
Быть стражем смертных?

И а ф е т

Смертных ждет погибель,
Благие их покинули. Нет, что я!
Тьмы хаоса, идущего на мир,
Бежали даже злые. Апа! Апа!
Так долго, так напрасно, но доныне
Любимая! Зачем ты с этим духом,
Когда уж ни единый добрый дух
Не сходит к нам на землю?

А п а

Я не в силах
Ответа дать. Но Иафет! Ты должен
Простить меня...

И а ф е т

Пусть небеса, что скоро
К мольбам о милосердье станут глухи.
Простят тебя! Ты вся в сетях соблазна.

А г о л и б а м а

Уйди от нас, запосланный сын Ноя!
Ты нам чужой.

И а ф е т

Настанет час, быть может,
Когда ты пазовешь меня иначе,
А ей я друг.

С а м и а з

Сын праведного сердцем
И господу угодного! Я слышу
В твоих словах печаль и гнев: ужель
Мы навесли тебе обиду? И какую?

И а ф е т

Какую? О, великую! Однако
Ты прав: я недостойн быть любимым.
Прости же, Ана! Часто это слово
Я говорил, — теперь в последний раз
Сказал его. Бессмертный! — я не знаю,
Кто ты иль кем ты будешь — разве в силах
Спаси ты эту — нет, не эту — этих
Прекрасных дочерей Каппа?

А з а з н и л

Спаси?

Но от чего?

И а ф е т

Как! Ты еще не знаешь?
О лигслы! Участники людских
Грехов и зол! Вам предстоит, быть может,
Участвовать и в каре, иль хотя бы
В скорбях моих.

С а м н а з

В твоих скорбях! Впервые
Внимаю столь загадочным словам
От племени Адама.

И а ф е т

Всемогущий
Не разъяснил их разве? Но тогда
И вас ждет смерть.

А г о л и б а м а

Пусть будет так. Но, если
Они нас любят столь же, сколь любимы,
Земной удел — стать смертными — не больше
Их устрасит, чем вечность адских мук,
К которым я готова с Самязом.

А н а

Сестра, не говори так!

Аз а з и л

Ты боишься?

А н а

Да, за тебя. Я с радостью отдам
Остаток краткой жизни, лишь бы только
Тебя на час избавить от мучений.

И а ф е т

Так это для него, для серафима,
Оставлен я! Что ж, лишь бы для него
Господь оставлен не был! Ибо в этих
Союзах смертных с душами бессмертных
Не может быть ни святости, ни счастья.
Мы посланы на землю, чтоб трудиться
И умирать. Они сотворены,
Чтоб предстоять всевышнему. И если
Спасти тебя он может, то уж близок
Тот страшный час, в который только небо
Спасет тебя.

А н а

Ах! Он пророчит смерти!

С а м н а з

Смерть ангелам! И тем, что с вами! Если б
Он не был так печален, я б ответил
Ему улыбкой.

И а ф е т

Я не за себя

Печалюсь иль пугаюсь; по заслугам
Родителя, творившего лишь благо,
Господь судил спасти и чад его.
Но если б заслужил он более! Иль если б,
Отдавши жизнь за жизнь ее — единой,
Способной счастье дать мне, и последней
Из всех потомков Каина, — я мог бы
Ввести ее в святой ковчег — к последним
Потомкам Сифа!

Аголибама

Нас влести в ковчег?
Нас, с нашей кровью пламенной, с душою
Зачатого на утре дней в Эдеме
И первого рожденного? Смешать
Нас с родом Сифа, отпрыска последней
И жалкой страсти дряхлого Адама?
Нет, этого не будет,— даже ради
Спасенья мира, если бы ему
И угрожала гибель! Мы вам чужды —
И чуждыми останемся.

Иафет

С тобой ли
Я говорил, Аголибама? Слишком
Ты много унаследовала крови
Того, кем ты гордишься, кто был первым,
Пролитшим кровь — родную кровь. Но, Апа!
Ужель ты не близка мне? С этим словом
Я не могу расстаться, как с мечтою,
Что Авель дочь оставил, что в тебе
Живет, быть может, чистая, святая
Душа его потомства: столь не схожа
Ни в чем, за исключением красоты,
Ты ни с одной из этих жестких сердцем
И гордых камениток!

Аголибама

Ты хотел бы
Ее похожей видеть и душою
И сердцем на врага ее отца?
Когда б и я так думала, когда бы
Я увидала в ней хоть что-нибудь
От Авеля... Уйди от нас, сын Ноа!
Не распаляй сердец враждой!

Иафет

Так сделал
Родитель твой, дочь Каина.

А го ли ба ма

Не Си фа

Он предал смерти: пусть же между ними
И господом останутся другие
Дела его.

И а ф е т

Да, это правда: кару
Он претерпел. И я бы дел его
Не помнил, когда бы ты смущалась,
А не гордилась ими.

А го ли ба ма

Он отец

Отцов моих, он первородный, мощный,
Отважный духом, стойкий — я не знаю
Ему подобных: что же мне смущаться
Того, что он мне предок? Погляди
На красоту, на мужество, на силу
Рожденных им! На долготу их дней!

И а ф е т

Их дни уже исчислены.

А го ли ба ма

Остались

Еще часы. И я часы наполню
Хвалами роду нашему.

И а ф е т

Родитель

Учил меня творить хвалы лишь богу.
Но, Ана, ты...

А н а

Что б ни судил Иегова,
Бог Каина и Си фа, я должна
Покорной быть — и покорюсь с терпением.
Но если б, в час его великой мести,
В час гибели всех смертных, я дерзнула
К нему с мольбой прибегнуть, не спасенья

Себе одной из всех мне близких, кровных
Молила б я... Сестра, сестра! Что мир,
Что все миры и сладость всех грядущих
Часов и дней без сладости былого —
Любви твоей, любви отца и всех
Со мной вошедших в жизнь, подобно звездам,
И озарившим кротким светом тьму
Моих скорбей? Аголибама! Если
Есть в тебе милосердье, помогайся,
Найди его! Мне смерть страшна — мне страшно,
Что ты умрешь.

Аголибама

Как! И мою сестру
Смутил безумец этот, воздвигавший
С отцом своим спасительный ковчег —
Страшилище для всех живущих! Разве
Мы не любимы ангелами? Или
Должны молить о жизни сына Нол?
О нет, скорей... Но что я! Это все
Лишь плод его страданий, грез и бдений —
Его любви отвергнутой. Кто в силах
Поколебать громады гор? Кто может
Пересоздать вид облаков и вод,
Остановить их вечный путь?

Иафет

Создавший

Из ничего своим единым словом
Все сущее.

Аголибама

Кто слышал это слово?

Иафет

Вселенная, им вызванная к жизни.
Но ты глядишь насмешливо. Так пусть
Ответят серафимы: если скажут,
Что я не прав, они — не серафимы.

С а м и а з

Чти бога и творца, Аголибама!

А г о л и б а м а

Я бога чту со дня рожденья,— бога
Любви, а не печали.

И а ф е т

Но любовь

И есть печаль. Сам сотворивший землю
В любви своей был скоро опечален.

А г о л и б а м а

Так сказано.

И а ф е т

И праведно.

Входят Ной и Сии

Н о й

Иафет!

Тебя ли вижу с чадами порока?
Иль разделить грозящую им участь
Ты не считаешь страшным?

И а ф е т

Я не вижу,

Отец, греха — искать спасенья людям,
Но эти и не грешны: серафимы
В общенье с ними...

Н о й

Те, что покидают

Трон господя для радостей земли?
Сыны небес, что ищут жеи из рода
Братоубийцы?

А з а з и и л

Праотец, ты прав.

Н о й

О горе, горе! Горе беззаконным
Союзам нашим! Разве не поставил
Бог грани меж землей и небом?

С а м и а з

Разве

Не создал бог людей по своему
Подобию и образу? Не любит
Того, что создал? Мы лишь соревнуем
Его любви.

Н о й

Я только человек,
Не призван быть судьей людей, — тем паче
Господних слуг. Но, раз господь изволит
В общение быть со мной и открывать мне
Суды свои, я говорю: не может
Быть благом нисхождение серафимов
С высот жилищ предвечных в мир и бренный,
И обреченный гибели.

А з а з и л

Хотя бы

И для его спасения?

Н о й

Не нам,

Во всем величье нашем, быть защитой
Того, что предал каре сотворивший
Величье ваше. Если б повелел
Он вам спасти, то вы должны бы были
Спасать не тех, которые пленяют
Вас красотой, а всех, того достойных.
Они прекрасны, — правда, но они
Обречены.

И а ф е т

Отец, не говори так!

Н о й

Сын Иафет! Забудь о них: подходит
Их страшный час. Тебе же суждено
Быть семем иной земли — и лучшей.

И а ф е т

Дай умереть мне с этой!

Н о й

Ты бы должен
За этот вопль погибнуть. Но всевышний
Щадит тебя.

С а м и а з

Зачем его, тебя?
Но лишь не ту, чья жизнь ему дороже
Твоей и даже собственной?

Н о й

Спроси
Того, кто создал более великим
Тебя, чем нас, но столь же подчиненным
Его велям. Се, архангел!

Входит архангел Рафаил.

Р а ф а и л

Духи!
Зачем вы здесь? Служители Иеговы!
Зачем вы на земле, когда она
Должна быть чуждой ангелам? Вернитесь
В небесный клир! Вернитесь петь хвалы
И пламепеть восторгом поклоненья
В число Семи избранных!

С а м и а з

Рафаил!
Славнейший и прекраснейший меж нами!
Давно ль и кем лишен сей юный мир
Общенья с бессмертными? Мир, в коем
Сам бог касаться праха не гнушался?
Он создал им, оя им любим и много
Велений божьих внял от серафимов,

Творца в его творенье обожавших,
Стремившихся юнейший из миров
Хранить достойным господа. Зачем же
Твое чело так строго и угрозой
Звучат слова?

Р а ф а н л

Когда б Азанил

И Самназ небес не покидали,
Они бы зрели огненные знаки,
Которыми всевышний возвестил
Свой суд земле. Но там, где грех, гордыня,
Там знания нет. Из ангелов остались
С людьми лишь вы, плененные вам чуждой,
Унизившей вас страстью. Но всевышний
Прощает вас и возвращает к лику
Безгрешных небожителей. Скорей
Летите к ним! Спешите! Иль оставайтесь —
И потеряйте вечность...

С а м и а з

Жребий брошен.

А з а н и л

Аминь.

Р а ф а н л

И ты! Простите же! Отныне
Для господы вы чужды и лишились
Небесных сил.

И а ф е т

Увы! Где им теперь
Найти приют? — Чу! Возрастает тяжкий
Гул в недрах Арарата. Воздух замер,
Но цвет деревьев сыплется, и дрожью
Охвачен каждый листик: грудь земли
Как бы под гнетом стонет.

Н о й

Чу! Зловещий

Крик водных птиц. Они затмили небо
И поднялись до тех вершин, куда

Их белое крыло еще ни разу
Доныне не взлетало. Арарат
Последним скоро будет им приютом,
А там и он исчезнет.

И а ф е т

Солнце! Солнце!
Оно встает и меркнет. Черный круг,
Диск солнца охвативший, повещает
Конец земли. И уж опять поблек
Цвет облаков, горящих только снизу —
Там, где, бывало, яркий день рождался.

Н о й

Вот! Молния! Предвестница удара!
Гроза близка. Спешим, мой сын! Оставим
Стихиям их добычу! И скорее,
Скорей туда, где наш несокрушимый
Святой ковчег!

И а ф е т

Отцу! Не покидай
На жертву воли хоть Ану.

Н о й

Но не всех ли
Бог предал им! Идем!

И а ф е т

Нет, я не в силах.

Н о й

Тогда дели их участь! Как дерзнул,
На знаменья небесные взирая,
Ты мыслить о спасенье осужденных
На казнь самой вселенной и творцом
В их правосудном гневе?

И а ф е т

Правосудье
Ты сочетаешь с гневом?

Н о й

Богохульник!

Ты ропщешь — и когда же!

Р а ф а и л

Патриарх,

Не хмурь чела. Он сын твой. Он не знает,
Что говорит. Когда угаснут страсти,
Он будет благ, как ты: он не погиб,
Как эти чада Каина и неба.

А г о л и б а м а

Грола близка. На все, что дышит жизнью,
Встают земля и небо. Не равна
Борьба меж нашей силой и предвечной!

С а м и а з

Но с вами — мы. Мы унесем вас с Аной
К иным и мирным звездам. Если там
Ты позабудешь землю, я забуду
Утраченное небо.

А п а

О родные

Шатры, долины, горы! Что заменит
Мне вас в тоске?

А з а з и л

Моя любовь. Не бойся:

Мы лишены небес, но есть миры,
Где паша власть пезыблема.

Р а ф а и л

Мятежник!

Твои слова преступны, но отныне
Бессилен ты. Меч пламенный, изгавший
Из рая первородных, не угас
В моей руке.

А з а з и л

Грози им праху, плоти.
Бессмертным меч не страшен.

Р а ф а и л

Но настанет

Час испытанья, — час, когда тщету
Борьбы с творцом постигнешь ты. Лишь верой
И кротостью пред ним ты был могуч.

Бегут Смертные, ищущие спасенья.

Хор Смертных

Земля смешалась с небом... Боже! Боже!

Спаси твои рабы!

Чу! Вой зверей сливается в мольбы!

Дракон, в горах покинув ложе,

Митется в страхе меж людей,

И смертным воплем воздух режут птицы.

Нет, Ягве, нет! Не простирай десницы

На чад своих! Спаси и пожалей

Не нас, не нас, а все свое творенье!

Р а ф а и л

Прости, земля! Принимаю во смирение

Дела творца. Оно есть долг раба,

(Exit.)

И а ф е т

Одни из туч летят, как ястреба,

Другие, недвижимые, как скалы,

Лишь знака ждут пролить свои фиалы.

Навеки скрылись солнце, звезды, твердь —

И тусклый жуткий блеск по небосводу

Распростирает Смерть,

А з а з и л

В путь, Ана, в путь! На волю и свободу!

Покинем мир, что, волею творца,

Повергнут в бездну хаоса стихии.

Под грохот их, я, как орел птенца,

Тебя крылом укрою — и в другие
Введу миры: там тьмы и смерти нет.
Унося с собой Апу и Аголибаму, Азанил и Саминаз
исчезают в небе.

Иафет

Всему конец! Я потерял их след,
Под этот вой, подобный урагану.
И суждено ль им жить иль умереть,
Уж никогда вовеки Аву
Моим глазам не лицезреть!

Хор Смертных

Будь милосерд, сын Ноя, к братьям!
Как? Неужель ты всех покинешь, всех?
И, внемля столам, воплям и проклятьям,
Один войдешь в спасительный ковчег?

Мать

(подавая Иафету ребенка)

Возьми, снеси младенца к Ною!
Я в муках жизнь ему дала,
Но мне была
Отрадой мысль — питать его собою.
Чем грешен он?
Зачем рожден?
Что в молоке моем такого,
Что на того, кто им вскормлен,
Идет враждой и яростью Иегова,
Что прах и твердь
Должна была воздвигнуть Смерть
На это кроткое создание
И бездной вод залить его дыхание?
Спаси, Иафет, дитя мое,
Иль проклят будь со всем своим народом!

* * * * *

Воды прибывают, люди бегут в разных направлениях; многих настигают волны. Хор Смертных, ища спасения, рассеивается по скалам. Иафет стоит на скале. Вдали виден плывущий к нему ковчег.

ГОДИВА

Я в Ковентри ждал поезда, толкаясь
В толпе народа по мосту, смотрел
На три высоких башни — и в поэму
Облек одну из древних местных былей.

Не мы одни — плод новых дней, последний
Посев Времен, в своем нетерпеливом
Стремлении вдале злословащий Былое, —
Не мы одни, с чьих праздных уст не сходят
Добро и Зло, сказать имеем прапо,
Что мы народу преданы: Годива,
Супруга графа Ковентри, что правил
Назад тому почти тысячелетье,
Любила свой народ и претерпела
Не меньше нас. Когда налогом тяжким
Граф обложил свой город, и пред замком
С детьми столпились матери, и громко
Звучали вопли: «Подать нам грозит
Голодной смертью!» — в графские покои,
Где граф, с своей аршинной бородой
И полсаженной гривой, по залу
Шагал среди собак, вошла Годива
И, рассказав о воплях, повторила
Мольбу народа: «Подати грозит
Голодной смертью!» Граф от изумленья
Раскрыл глаза. «Но вы за эту сволочь
Мизинца не уколете!» — сказал он.
«Я умереть согласна!» — возразила
Ему Годива. Граф захохотал,
Петром и Павлом громко побожился,
Потом по бриллиантовой сережке
Годиве щелкнул: «Рассказни!» — «Но чем же
Мне доказать?» — ответила Годива.
И жесткое, как длань Исава, сердце
Не дрогнуло. «Ступайте, — молвил граф, —
По городу нагая — и налоги

Я отменю», — насмешливо кивнул ей
И зашагал среди собак из залы.

Такой ответ сразил Годиву. Мысли,
Как вихри, закружились в ней и долго
Вели борьбу, пока не победило
Их Состраданье. В Ковентри герольда
Тогда она отравила, чтоб город
Узнал при трубных звуках о позоре,
Назначенном Годиве: только этой
Ценою облегчить могла Годива
Его удел. Годиву любят, — пусть же
До полдня ни единая нога
Не ступит за порог и ни единый
Не взглянет глаз на улицу: пусть все
Затворят двери, спустят в окна ставни
И в час ее проезда будут дома.

Потом она поснешно поднялась
Наверх, в свои покои, расстегнула
Орлов на пряжке пояса — подарок
Сурового супруга — и на миг
Замедлилась, бледна, как летний месяц,
Полузакрытый облачком... Но тотчас
Тряхнула головой и, уронивши
Почти до пят волну волос тяжелых,
Одежду быстро сбросила, прокралась
Вниз по дубовым лестницам — и вышла,
Скользя, как луч, среди колонн, к воротам,
Где уж стоял ее любимый конь,
Весь в пурпуре, с червонными гербами.

На нем она пустилась в путь — как Ева,
Как гений целомудрия. И замер,
Едва дыша от страха, даже воздух
В тех улицах, где ехала она.
Разинув пасть, лукаво вслед за нею
Косился желоб. Тявканье дворняжки
Ее кидало в краску. Звук подков
Пугал, как грохот грома. Каждый ставень
Был полон дыр. Причудливой толпою
Шпили домов глазели. Но Годива,

Жизнь представлялась нам как бы двумя мирами:
За нами — прошлое с угасшею борьбой,
А новый день, встающий перед нами,
Еще во тьме, чуть тронутой зарей...
И ангел сумрачный для нас стал духом века;
Мы обрели его сидящим на костях, —
В плащ себялюбия закутан он, калека,
Не то живой, не то уж полупрах...

Так в Страсбурге дочь графа Сарвердена
В гробу, под белою венчальною фатой,
Лежит, сохранена, как мумия, от глеча,
Но страшен вид ее, реблещи-худой!
Холодною тоской и безотчетным страхом
Томит ее наряд и мертвое лицо:
Еще блестит ее печальное кольцо,
А голова в цветах рассыпалась прахом!

О дети будущих, далеких поколений!
Когда вы в летний день, в отчизне дорогой,
На зелени лугов, в часы отдохновений,
У плуга пот с чела сотрете трудовой
И улыбнется вам под яркими лучами
Земля-кормилица, — подумайте порой,
Что мы свой путь прошли с бессильными слезами,
Что жертвой были мы за будущий покой!

1890

ЛЕКОНТ ДЕ ЛИЛЬ

ЗОЛОТОЙ ДИСК

Солнца диск золотой, уходя из лазурной пустыни,
Погружается медленно в тихое лоно зыбей
И, прощаясь с землей, сыплет розовым блеском лучей,
В гребнях гор золотит, зажигает сверкающий ипей.

Грустно ветер вздыхает и вест о далеких высот,
Стелет длинные тени в оврагах и влажных долинах,
Тамаринды колышет, и в темных, утрюмых вершинах,
Где гнездились птицы, и сон и покой настает.

И дышанье земли, как священных кадиланиц дышанье,
Средь кофейных деревьев и в чаще густых тростников
Разливаясь, сливается с свежим дыханьем лесов,
С ароматом плантации в глубоком вечернем молчанье.

Вот звезда задрожала жемчужной своей белизпой,
В синем мраке почном, как живая, горит величало —
И пылают в волнах, ослепленных небесною славой,
Мириады светил, мириады огней над землей.

И душа, забываясь в молчании ночи всемогущей,
Созерцая и мир, и величье ее красоты,
Познавая тщету и надежды, и пылкой мечты,
В вечный сон погружается, — в саван могильный.

1895

УСОПШЕМУ ПОЭТУ

Ты, чей блуждавший взор в последние мгновенья
Пленялся и землей, и горней красотой,
Сли с миром в тишине холодного забвенья!
Запечатлела ночь твой облик гробовой.

Знать, слышать, чувствовать? — Прах, ветра
дуновение!..
Любить? — Но желчь одна, желчь в чаше золотой...
Как бог, свой бранный храм покинувший с тоской, —
Разлейся в беспредельности творенья!..

Почтит ли мир твоё немое погребенье,
Иль, выронив слезу пустого сожаленья,
Твой пошлый век тебя забудет навсегда, —

Ты счастлив, ты отжил! Ты больше не страдаешь,
Быть человеком здесь ты ужаса не знаешь
И мыслить горького не ведаешь стыда.

<1896>

В ТЕМНУЮ НОЧЬ, В ШТИЛЬ,
ПОД ЭКВАТОРОМ

Le Temps, l'Etendue et le
Nombre...

Leconte de Lisle ¹.

Время, Пространство, Число
С черных упали небес
В море, где мрак и покой.

Сапая молчанья и тьмы
Их поглотил без следа —
Время, Пространство, Число.

Тлжким обломком, немым,
Падает Дух в пустоту,
В море, где мрак и покой.

С ним, погруженным во тьму,
Тонут, рожденные им,
Время, Пространство, Число
В море, где мрак и покой.

27.11.15

ФРАНСУА КОППЕ

СМЕРТЬ ПТИЦ

В безмолвье сумерек, мечтая у огня,
Не раз о смерти птиц задумывался я:
Как много гибнет их зимой от бурь жестоких!
Как много птичьих гнезд, пустых и одиноких,

¹ Время, Пространство, Число... *Леонте де Лиль (франц.)*.

Качается в лесу, среди нагих ветвей,
Под небом пасмурным тоскливых зимних дней!
Но отчего ж весной, когда в лесу мы бродим,
Скелетов маленьких нигде мы не находим?
Нигде среди цветов их не заметит глаз...
Иль птицы смерть свою должны скрывать от нас?
1898

Из итальянских поэтов

ФРАНЧЕСКО ПЕТРАРКА

СОНЕТ

Когда, как солнца луч, внезапно озаряет
Любовь се лица спокойные черты,
Вся красота других, бледнея, исчезает
В сиянье радостном небесной красоты.

Смирясь, моя душа тогда благословляет
И первый день скорбей, и первые мечты,
И каждый час любви, что тихо подымает
Мой дух, мою любовь до светлой высоты.

Свет мысли неземной лишь от нее исходит,
Она того, кто вдаль последует за ней,
Ко благу вышнему на небеса возводит,

По правому пути, где нет людских страстей.
И, полон смелостью, любовью вдохновенный,
Стремлюсь и я за ней в надежде дерзновенной!

<1896>

АДАМ МИЦКЕВИЧ

ИЗ «КРЫМСКИХ СОНЕТОВ»

АККЕРМАНСКИЕ СТЕПИ

Выходим на простор степного океана.
Воз топчет в зелени, как челн в равнине вод,
Меж заводей цветов, в волнах травы плывет,
Мишул острова багряного бурьяна.

Темнеет. Впереди — ни шляха, ни кургана.
Жду путеводных звезд, гляжу на небосвод...
Вон блещет облако, а в нем звезда встает:
То за стальным Днестром маяк у Аккермана.

Как тихо! Постоим. Далеко в стороне
Я слышу журавлей в незримой вышине,
Внемлю, как мотылек в траве цветы колышет,
Как где-то скользкий уж, шурша, в бурьян ползет.

Так ухо звука ждет, что можно бы расслышать
И зов с Литвы... Но в путь! Никто не позовет.

1901

ЧАТЫРДАГ

Склоняюсь с трепетом к стопам твоей твердыни,
Великий Чатырдаг, могучий хан Яйлы.
О маята крымских гор! О минарет аллы!
До туч вознесся ты в лазурные пустыни

И там стоишь один, у врат падзвездных страп,
Как грозный Гавриил у врат святого рай.
Зеленый лес — твой плащ, а тучи — твой тюрбан,
И молнии на нем узоры ткнут, блистая.

Печет ли солнце нас, плывет ли мгла, как дым,
Летит ли саранча, иль жжет гяур селенья,—
Ты, Чатырдаг, всегда и нем и недвижим.

Бесстрастный драгоман всемирного творенья,
Поправ весь дольний мир подножием своим,
Ты внемлешь лишь творца предвечные веленья!

1901

АЛУШТА НОЧЬЮ

Повеял ветерок, прохладою лаская.
Светильник мира пал с небес на Чатырдах,
Разбился, расточил багрянец на скалах
И гаснет. Тьма растет, молчаньем пугая.

Чернеют гребни гор, в долипах ночь глухая,
Как будто в полуспе журчат ручьи впотьмах;
Ночная песнь цветов — дышанье роз в садах —
Беззвучной музыкой плывет, благоухая.

Дремлю под темными крылами тишины.
Вдруг метеор блеснул — и, ослепляя взоры,
Потопом золота залил леса и горы.

Ночь! одалиска-ночь! Ты навеваешь сны,
Ты гасишь лаской страсть, но лишь она утихнет —
Твоей искрометный взор тотчас же снова вспыхнет!

1901

АДАМ АСНЫК

ЛИЛИИ

Золотые кудри в косы
Пявпочка плетет;
Заплетаючи, в раздумье
Песенку поет:

Темной ночью белых лилий
Сон неясный тих.
Ветерок ночной прохладой
Обвевает их.

Ночь их чашечки закрывала,
Ночь храпит цветы
В одеянии невинной
Чистой красоты,

И сказала: спите, спите
В этот тихий час!
День настанет — солнца пламень
Сгубит, сгубит вас!

Для не ждите, — бескопечен
Знойный день, а сон,
Счастья сон недолговечен,
И умчится он.

Но, таинственно впилая
Холодок ночной,
К солнцу тлнутая, к востоку
Лилии с тоской.

Ждут, чтоб солнце блеском алым
И теплом своим
Нежно белые бокалы
Растворило им.

И напрасно ночь лелеет
Каждый лепесток —
Грезит девушка о милом,
Солнца ждет цветок!

1893

АСТРЫ

Все поблекло... Только астры
Серебристые остались, —
Под холодным, синим небом
Замечались...

Грустно я встречаю осень...
Ах, не так, как в дни былые!
Так же вянут, блекнут листья
Золотые,

Так же месячные ночи
Всют кроткой тишиною,
И шумит в аллеях ветер
Надо мною...

Но уж нет в душе печальной
Тех восторгов, тех волнений,
Что, как солнце, озаряли
День осенний.

Помню милый, бледный облик,
Локоп нежный и волнистый,
В черных косах — венчик астры
Серебристый...

Помню очи... Вижу снова
Эти ласковые очи...
Все воскресло в лунном блеске, —
В блеске ночи!

1893

* * *

Без слов мы навсегда простились с тобою,
Все речи я сберег в душевной глубине,
Я говорить не мог... Но сердца нет со мною —
Оно теперь с тобой в далекой стороне.

Белеет домик твой под крышею родною,
Поют там соловьи так звонко по весне...
Я отделен от вас страданьем и тоскою,
И дом мой далеко, и пет возврата мне...

Так больно было мне остаться без ответа!
Но все-таки я рад, что ясного рассвета,
Что жизнь твою не буду омрачать,—

Она к тебе идет с улыбкой молодой,
А я прощаюсь с последнею зарею,
Иду по тьму — и не вернусь опять!..

<1894>

Г Е Р А К Л

Предание его Гераклом называют...
Но как порт героя назовет,—
Того, кто отдыху и радости не знает
И вечный труд без ропота несет?..

Тяжелой шкурой льва он плечи покрывает
И в ней, как царь властительный, идет;
Но чаще он молчит, и очи опускает,
И кандалы сам на себя кует.

Он страшен и могуч с дубивой исполина,
Но, как дитя, молчит пред взором господина,
Он перед ним — покорный раб немой,

Он, трепеща, спешит исполнить приказанье
И слышит смех обидный за собой,
В ковылях Авгия работая в молчанье.

И

Но и другой он принимает вид —
И муза за него краснеет от смущенья...
Он терпелив, но дух его скорбит,
Растет, растет в груди сокрытое мученье,

И вот пора! — Он забывает стыд,
Свою судьбу, позор и годы упижелья,—
В безумной оргии и диком опьяненье
Огонь в груди он загасить спешит.

Труды тяжелые, которые веками
Он исполнял, как раб, своими же руками
Нередко губит в несколько минут...

Но гаснет бешенство, проходит гнев упорный...
И в тишине свой богатырский труд
Он начинает вновь, безмолвный и покорный.

III

Еще себя не созная сам,
Он и гигантских сил своих не понимает,—
Войдет в костер без мысли, что к богам,
Как равный им, как бог, из пламени вступает.

Не знает он, что всем своим врагам,
Своим гонителям тревожный страх вселяет,
Что весь Олимп от ярости пылает,
Дивясь его победам и трудам.

Бессильные враги и жалкие преграды!
Пусть на пути его шипят и вьются гады
И встанет гидра с сотнями голов,—

Он с каждым днем растет, он с каждым днем
сильнее,
Он разобьет при грохоте громов
Тяжелые оковы Прометея!

ВЕЧЕРНЯЯ МОЛИТВА

Небеса прополедуют славу
божню, и о делах рук его вещает
твердь. День дню передает речь,
и ночь ночи открывает знание.

Псал. 18.

Солище уходит в далекие страны,
В сумрак ночной, за леса и моря.
В темных лесах засинели туманы,
В море горит золотая заря.

День угасает. Дневные заботы
С тихой зарей забывает земля,
Пахарь усталый вернулся с работы,
В теплой росе засыпают поля.

Вот потянулись птиц караваны...
Как необъятны зарей небеса!
Соляще уходит в далекие страны,
В сумрак ночной, за моря и леса...

Темисет храм лесов. И кроткий и поселый,
Вечерний льется свет в лесную глубину.
Дремотно-ласково жужжат на солнце пчелы,
Кончая мирный день и отходя ко сну.

Клубится мошек рой. Задумчиво заводят
Свой жалобный концерт лесные комары...
Но гаснет, гаснет свет... Из листьев и коры
Ночные бабочки угрюмые выходят...

Стихает дятлов стук... С заката потянул
Неиспый ветерок... Закат еще краснеет,
Но близок час почвой — и храм лесов темнеет,
И подымается чуть слышный, смутный гул.

То рать отцов-дубов заводит разговоры,
То на вечерний гимн скликаются леса...
И вот окончен день: в торжественные хоры
Сливаются лесные голоса.

«Сестры, возрадуйтесь! День благодатный,
Тихий и теплый, господь даровал.
Славой господней огонь предзакатный,
Славой небесною Запад пылал.

Звездную ночь нам творец посылает,
Темной земле он огни засветил,
Сон безмятежный для нас наступает...
Дивны веления господя сил!»

Мгновенные молчат во мраке сосны,
Мгновенье — и звучит согласпо по лесам:
«Господь, господь! Как ладан росный,
Благоухает наш бальзам.

И аромат любвеобильный
Мы разливаем в теплой мгле
Тебе, господь, тебе, всеильный
На небесах и на земле!»

Тихой песней им вторят березы ветвистые:
«Отче наш! При силнье озер
Зори светлые, зори огнистые
Золотят наш зеленый убор.

И под ласкою ветра целебною
Наши тонкие ветви шумят,
И тебе они арфой хвалебною,
Нашей радостной песней звучат!»

И кончают грустною мольбою
Цихты, погруженные во мглу:
«Сестры! Братья! Радуйтесь покою
И творите господу хвалу!

Истомил нас дель тяжелым зноем,
Но темнеют, меркнут небеса,
Вет почь прохладой и покоем,
Падает вечерняя роса!»

И смолкает весь мир, забывается сном благодатным.
Гаснут вспышки зарниц. А из влажного мрака леса,
Замирая, звучит от земли к небесам необъятным
Отдаленный хорал голосов,—

В высь, где темные бездны, лазурные бездны
струятся,
Млечный Путь, как река, в бесконечные дали ушел,
В высь, где звезды и звезды серебряной пылью
роются,
А пад звездами — божий престол.

1895

Из украинских поэтов

Т. Г. ШЕВЧЕНКО

ЗАВЕЩАНИЕ

Как умру, похороните
Вы меня на воле,
На степи в краю родимом,
На кургане в поле!

Чтобы даль вокруг сипела,
Чтоб и Днепр, и кручи
Были видны, — было слышно,
Как гремит могучий!..

<1900>

Во зеленой, темной роще
Кукушка кукует:
Одинокой сиротою
Девида тоскует.

А веселые, молодые,
Годы золотые
Уплывают, как на волнах
Цветики степные.

<1900>

Из армянских поэтов

АЛЕКСАНДР ЦАТУРИАН

Мрачна, темна душа моя...
Измучен безнадежным горем,
На берег моря вышел я
Тоскою поделиться с морем.

О беспредельной зыби даль!
Ты тоже мечешься, бушуя,
Тебе сродни моя печаль,
Ты ропщешь, как и я, тоскуя.

Внемли же мне, поплачь со мной
И отзовись на голос друга.
Быть может, сблизившись душой,
Мы позабудем боль недуга.

Иль пусть, как сестры, навсегда
Печали наши и томленья
В волнах исчезнут без следа
И там найдут покой забвенья.

Мрачна, темна душа моя...
Измучен безнадежным горем,
На берег моря вышел я
Тоскою поделиться с морем...

<1916>

А В Е Т И К И С А А К Я Н

• • •

Моя душа объята тьмой полночной,
Я суетой земною истомлен.
Моей душой, безгрешной, непорочной,
Владеет дивный и великий сон.

Лазурпокрытый ангел в небе реет,
На землю дева сходит, и она
Дыханьем звезд, лобзаньем неба свет
С моей души почные чары сна.

И день, и ночь ее прихода жду я,—
Вот-вот она покинет небосклон,
Развевает ночь души,— и, торжествуя,
Я воспою мой дивный, вещий сон.

<1916>

Из еврейских поэтов

Х. - Н. Б Я Л И К

Д А И С П О Л Н Я Т С Я С Р О К И

— Почто, о боже, столько лет
Ты мучишь нас в пустыне знойной?
Где правый путь? Где отчий след
К страше родимой и спокойной?

Мужайтесь, верные! Вперед!
Я дал вам горький лист оливы,
Но слаще будет он, чем мед,
От тех, чьи руки нечестивы.

Прямые коротки пути:
Потребна скорбь, потребно время,
Чтобы могло произрасти
На ниву брошенное семя.

<1916>

ИЗ РАННИХ РЕДАКЦИЙ

1885 ГОД

(стр. 18).

В журнальной публикации после II строфы:

Где этот взор, сиявший небом мне?
Где та весна и гробные рыдания?
Один погост в далекой стороне,
Один призывный сон воспоминанья!

И что ни год, тем все призывней он,
Все радостней, все чище и нетленней,
И уж другой, пездешный небосклон
Сияет мне красой своей весенней.

(Альманах «Окно», кн. III, Париж, 1923.)

ИСКУШЕНИЕ

(стр. 25).

Первая редакция:

РАЙСКОЕ ДРЕВО

В старой книге картинка: свивается зыбко по Древу,
Водит, тянется в воздухе плоской головкой своей,
Ищет жалом дрожащим нагую прекрасную Еву
Искушающий Змей.

А какие на Древе цветы и плоды паливные!
А какие кусты, кипарисы и пальмы вдали!
Спит Адам у ручья. Носороги, медведи ручные,
Лапы, тигры и барсы в тени полегли.

И стройна, высока волосами прикрытая Епа,
И к поге ее круглой склоняется грипою лев,
И в короне павлин громко кличет с цветущего
Древа
О блаженном стыде искушаемых дев.

(Журн. «Летопись», П. 1916, № 6, июнь.)

ПЕСНЬ О ГАЙАВАТЕ

Все варианты «Песни о Гайавате» даются по изданию: «Песнь о Гайавате» Генри Лонгфелло. Полный перевод с английского Ив. А. Бунина, г. Орел, тифогр. газ. «Орловский вестник» Н. А. Сентявновой, 1896.

В этом издании первая строфа вступления читалась:

Если спросите — откуда
Эти сказки и легенды,
От которых пахнет лесом,
Всех свежестю долины
И дымком лесных вигвамов;
Эти песни и сказанья,
Что доносят издалика
Гул великих водопадов,
Грохот дикий и стозвучный,
Как в горах раскаты грома? —
Я скажу вам, я отвечу...

Шестая строфа вступления:

Средь долины Тавазанта,
В тишине лугов зеленых,
Где веселые потоки

Разливались светлой влагой,
Жил в индейской деревушке
Сладкозвучный Навадага.
За деревнею шли нивы,
А за ними — лес сосновый,
Рощи старых, звонких сосен,
Летом — темных и зеленых,
А зимою — белоснежных.

Девятая и десятая строфы вступления:

Вы, кто любите природу,
Сумрак леса, шепот листьев,
И долины в блеске солнца;
Вы, кто любите метели,
Вьюги снежные, и ливни,
И стремленье рек великих
По лесным угрюмым дебрям,
И в горах раскаты грома,
Повторяемые эхом,
Словно хлопанье орлиных
Тяжких крыльев в горных гнездах, —
Вы послушайте и эту
Песню девственной природы,
Песнь о мудром Гайавате!

Вы, кто любите легенды
И народные баллады,
Этот голос отдаленный,
Голос времени, зовущий
К молчаливому вниманью,
Говорящий так паивно,
Так младенчески и просто,
Что едва уловишь слухом —
Песня это или говор, —
Вы послушайте и эту
Оджибвейскую легенду,
Песнь о мудром Гайавате!

Конец вступления:

Вы, которые, блуждая
По околицам зеленым,
Где на каменные стены,
Поседевшие от моха,
Перекинулись, крася,
Барбарисовые кисти, —
Над запущенной могилой
Забываетесь в раздумье
И читаете с любовью
Безыскусственную надпись,
Надпись, полную сердечной
Нежной грусти и надежды,
Прочитайте тоже надпись
Над могилою былого —
Эту песнь о Гайавате.

Четвертая строфа первой главы:

В ясном воздухе спокойном
Тихо, тихо дым курился,
Прежде — темною полоской,
После — гуще, синим паром
Округлялся над долиной,
Как зимой вершины леса,
Белоснежными клубами
Рос все выше, выше, выше...
Наконец, коснулся неба
И широкими волнами
Раскатился над землею.

Начало второй главы:

«Слава, слава, Мэджекивис!» —
Восклицал народ в восторге
В день, когда он по селению
Шел с Священным Ожерельем,
Гордо нес свои трофеи
Из далекого похода.

Четырнадцатая строфа второй главы:

Мертвы снежные пустыни
В ледяных горах Полночи,
В царстве Белого Вабессо,
Где живет Кабибонокка.
Это он порою осенней
Разрисовывает листья
Разноцветной яркой краской;
Это он в лесах зимою
И шипит, и злобно свищет,
Покрывает льдом озера,
Гонит чашек острокрылых,
Гонит цаплю, карморана
В камыши, в морские бухты,
В гнезда их на теплом юге.

Двадцать третья строфа второй главы:

Дым из трубки Шавондази
Расстился в синем небе
Легким паром и туманом,
Теплотой, дремотной пегой
Наполнял весенний воздух,
Зыбкий блеск давая водам
И холмов касался плавно,
И в индейские долины
В нежный месяц Светлой Ночи
Приносил с собою лето.

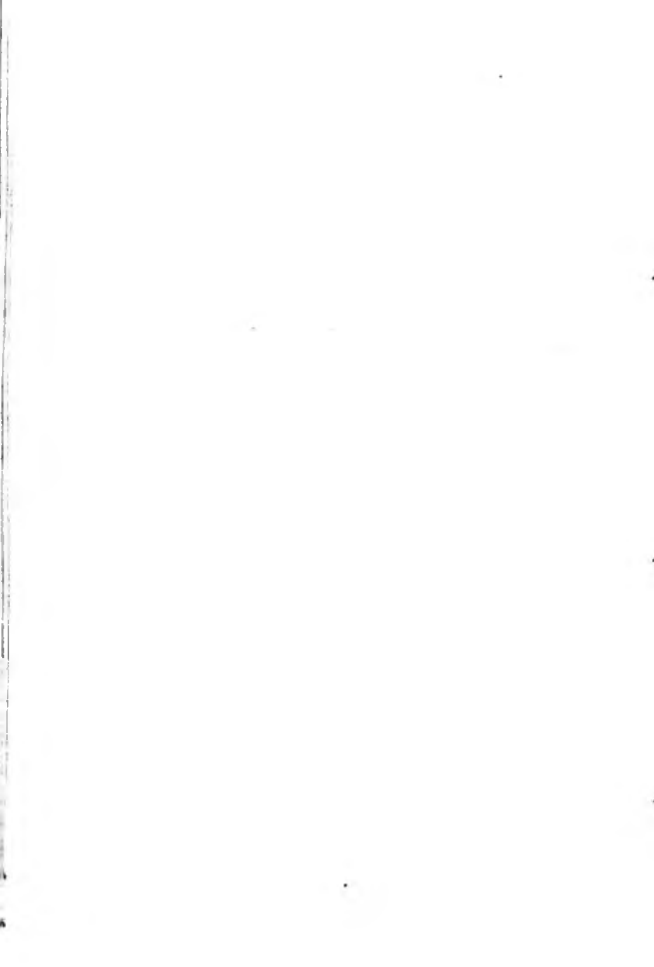
Вторая строфа восьмой главы:

В глубине, в прозрачных волнах,
В светлых волнах под пирогой
Там и сям скользили рыбы,
И далеко Гайавата
Видел, как резвится Сава,
Золотисто-желтый окунь,
Словно солища луч сияя,
Как на белом дне песчаном
Пауком ползет, чернея,
Шогаши, омар лежливый.

Начало девятой строфы семнадцатой главы:

Над прудом ждал По-Пок-Кивис,
На плотине ждал ответа;
Выше щиколок струился
По ногам его источник
И, сочась через плотину,
Падал струйками па камни,
Разливался снова тихой,
Серебристой, светлой влагой...

ПРИМЕЧАНИЯ

О ПЕРЕВОДАХ БУНИНА

Русская поэзия минувшего века на диво обильна образцовыми переводами, доныне не утратившими силы непосредственного воздействия на читателя. Достаточно вспомнить «Ночной смотр» Цедлца, баллады Шиллера и Гете и «Одиссею» Гомера в переводе Жуковского, «Будрыса и его сыновей» и «Воеводу» Мицковича в переводе Пушкина, «Илиаду» Гомера в переводе Гнедича, «Горные вершины» Гете в переводе Лермонтова, «Вечерний звон» Мура и «Не бил барабан перед смутным полком...» Вольфа в переводе Козлова, «Песнь Радости» и «Поминки» Шиллера в переводе Тютчева, «Страдаешь ты, и молчит ропот мой...» и «Они меня истерзали...» Гейне в переводе Аполона Григорьева, «Коринфскую невесту» Гете в переводе А. К. Толстого, «Слово о полку Игореве» в переводе Майкова, песни Веранже в переводе Курочкина, «Двух гренадеров» Гейне в переводе Михайлова. Названные поэты отличаются друг от друга и размерами и характером дарования. Объединяют их принципы, каких они придерживались в своей переводческой деятельности.

Один из этих принципов, который мы теперь называем принципом *художественной точности* и который лучшие переводчики XX века унаследовали от своих великих предшественников, с истерывающей полнотой сформулировал Великий.

«Близость к подлиннику состоит в передаче не буквы, а духа создания,— писал он в статье «Гамлет, принц датский»,—

Каждый язык имеет свои, одному ему принадлежащие средства, особенности и свойства, до такой степени, что для того, чтобы передать верно иной образ или фразу, в переводе иногда их должно совершенно изменить. Соответствующий образ, так же как и соответствующая фраза, состоят не всегда в видимой соответствии слов: надо, чтобы внутренняя жизнь переводного выражения соответствовала внутренней жизни оригинального¹.

Мысль Белинского — краеугольный камень нашей современной теории перевода. В силу этого принципа, согласно которому переводчики призваны передать на своем языке не особенности того или иного языка, но особенности стиля переводимого автора, поэтические произведения, выросшие в ином климате и пересаженные на русскую почву, не утратив своего колорита, в то же время становятся явлениями русской поэзии. Все перечисленные поэты обладали умением, вслушавшись в «чужую песню», «как свою ее произнести» и благодаря этому сделать ее «своей» и для читателя. Одна из наших первых встреч с поэзией — это «Лесной царь» Гете, неизменно включавшийся в антологию «Родные поэты» для детей младшего возраста среди стихов Жуковского. Мы в раннем детстве заучиваем «Спи, дитя мое, усни...», не подозревая, что это перевод с немецкого, выполненный Майковым. На уроках пения русские дети и сейчас еще разучивают: «Капля дождевая говорит другим...», не подозревая, что это перевод Плещеева из Гартмана. Наконец, далеко не всем, слушающим и поющим романс Чайковского «Хотел бы в единое слово...», известно, что это перевод Мейн Гейне.

Что же еще роднит русских поэтов XIX века, трудившихся и на благородном поприще сближения культур? Поэт оригинальный и поэт-переводчик — это у них две ипостаси единой сути. Воспроизводя на своем родном языке творения художников иноземных, они не ущемляют своей творческой индивидуальности. Они выбирают для перевода близких себе и по духу, и по видению мира, и по обращению со словом поэтов и свое искусство отдают на служение им. Перевод для них всегда «брак по любви», и оттого-то он и оказывается браком счастливым.

¹ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. II, М. 1953, стр. 429.

И еще для них характерно полное отсутствие «словобозияпп», сознание необходимости воспользоваться всеми средствами художественной изобразительности, которыми располагает родной язык (за исключением понятий, сращенных с русской историей, русской географией, русским бытом), чтобы данное поэтическое произведение при пересадке на другую почву не поблекло и не зачахло. Они — обладатели несметных языковых богатств. Их отличает смелость словоупотребления. Их гибкий синтаксис послушно следует за течением мысли, отражает ее излучины и повороты.

Эти характерные черты русского поэта-переводчика, каким он сложился в XIX веке, мы обнаруживаем и в творческом облике И. А. Бунина.

Наиболее значительную и наиболее ценную часть наследия Бунина в области поэтического перевода составляют «Песнь о Гайавате» Лонгфелло, драмы Байрона и поэма Теннисона «Годияла». Особой любовью читателя, как юного, так и «взрослого», пользуется у нас бунинский перепод «Гайаваты». До Бунина робкую попытку перевести «Гайавату» предпринял Д. Михайловский, переводчик опытный, но — «без божества, без вдохновения». Открыл «Гайавату» русскому читателю Бунин. Благодаря его переводу «Гайавата» стала одной из любимых книг нашего широкого читателя, и такую она и остается до сего дня. Самый «жесткий» список лучших стихотворных переводов на русский язык был бы неполон, если бы мы не включили в него бунинскую «Гайавату». Она принадлежит к небольшому числу переводов непревзойденных. И дело здесь не только в силе бунинского поэтического дара. В большинстве случаев Бунин выбирал для перевода то, что было ему по сердцу. В «Автобиографической заметке» он сообщает, что в юности увлекался «некоторыми пещами Мидкевича, особенно его крымскими сонетами...» и что учился польскому языку только ради того, чтобы читать Мидкевича в подлиннике. Впоследствии из этого увлечения родились «Аккерманские степи», «Алушта ночью» и «Чатырдаг». В раннем варианте предисловия к переводу «Гайаваты» мы находим строки, неожиданные даже для молодого Бунина, и тогда уже отличавшегося сдержанностью в оценках и в проявлениях чувств, и тем более знаменательные: «...я работал с горячею любовью к произведению, дорогому для меня с детства, и с полною добросовестностью, этой слабой данью моей благодарности

великому поэту, доставившему мне столько чистой и высокой радости».

Горячая благодарная любовь к переводимому произведению — одно из непременных условий успеха переводческого труда. И эту свою любовь к поэтическому миру «Гайаваты» с его «лесным благоуханием, влажной свежестью долины, голубым дымком вигвамов, шумом рек и водопадов» Бунин внушил русскому читателю.

В том же предисловии Бунин так характеризует поэму Лонгфелло: «Она трогает нас то величием древней легенды, то тихими радостями детства, то чистотой и нежностью первой любви, то безмятежностью трудовой жизни на лоне природы, то скорбью роковых и вечных бед человеческого существования. Она воскрешает перед нами красоту девственных лесов и прерий, воссоздает цельные характеры первобытных людей, их быт и мирозерцание».

Указанные Буниным достоинства поэмы Лонгфелло нашли в его переводе отражение зеркальной чистоты.

Так называемый «белый», безрифменный стих, каким написана в подлиннике «Песнь о Гайавате», представляет собой одну из наиболее трудоемких стиховых разновидностей. Отсутствие рифм непременно должно быть возмещено особо тщательно выверенным выбором слов и столь же тщательно выверенной их инструментальной. Именно таков белый стих «Гайаваты» Лонгфелло, и таков он в переводе Бунина. Точность словоупотребления, характерная для Бунина — оригинального поэта и прозаика, не менее характерна для него и как для переводчика. Один случайно найденный им эпитет развертывает в воображении читателя целую картину. *Дремотный* блеск солнца (Бунин слил в один эпитет два английских: *dreamy, drowsy* — сонный, навевающий дремоту и мечтательный) рождает у нас представление о южном, томительно душном лете, о лениво струящемся, зыблющемся знойном мареве, о том, как все живое млеет от расслабляющего жара, погружается в полусон-полуявь. Острота бунинского зрения и слуха, безошибочно различающих полутона и оттенки, бунинская приметливость к очертающим предметов, та зоркость, благодаря которой Бунин выхватывал предельно выразительную деталь, чтобы ею одной определить явление, чтобы по одной этой «части» найти «целое», — все эти свойства Бунина, оригинального поэта и прозаика, мы обнаруживаем на каждой странице его «Гайаваты». Так, к при-

меру, Кабинбопка, пасылая зимнюю выюгу, «по лесам шипит и свистет» (в подлиннике — *hissing*). Шипит — это сказано по-бунински. Вспомним поэмку из стихотворения «Морозное дыхание метели...»:

Усталый вихрь *шиплицею* змею
Скользит и жжет своим сухим огнем.

В «Гайавате» Бунии с полным правом пользуется глаголом шипеть, потому что английский глагол *hiss* включает в себя и свист и шип.

А вот как в переводе Бунина постепенно разрастается дым, выходящий из Трубки Мира:

Дым струился тихо, тихо
В блеске солнечного утра:
Прежде — темною полоской,
После — гуще, синим паром,
Забелез в лугах клубами,
Как зимой вершины леса,
Плыл все пыше, выше, пыше,—
Наконец коснулся неба
И волнами в сводах неба
Раскатился над землею.

Чтобы достичь такой картинности описания, нужна бунинская «сладостная боль соприкасания душой со всем живущим», как определил эту свою особенность в стихотворении «Памяти друга» сам Бунин, не знавший большего счастья, чем *видеть* и *слышать* («Вечер»); нужно бунинское влюбленное внимание к краскам и контурам, его умение каждый раз находить единственный и незаменимый глагол, рисующий тот или иной момент движения, — умение, которым он поражал уже в ранних своих стихотворениях и рассказах (вспомним хотя бы «Сосны» или «Шовую дорожку»). В переводах Бунина, как и в оригинальном его творчестве, на беглый, на поверхностный взгляд все как будто бы просто, но это та самая простота, труднее которой нет ничего в искусстве. Ничто не бьет у него в глаза: нет у него ни жонглирования словом, ни жонглирования звуком, ни стилизаторских ухищрений. Внешне все выглядит словно бы «как у других», и вместе с тем все у него самобытно, оттого что Бунин-переводчик, как и Бунин — оригинальный писатель, обладает своей, особенной глубиной и свежестью восприятия, благодаря которой все, что он нам показывает, мы видим и слышим как бы впервые.

У Бунина-переводчика, как и у Бунина — оригинального поэта, глубокое дыхание. Он способен долго держать поту, и при этом вы не чувствуете у него ни малейшего напряжения, ни малейшей натуги — до того свободно льется у него *песнь* о Гайавате с ее песенными повторами и подхватами:

Так держал он путь далекий
Все на запад и на запад
Легче быстрого оленя,
Легче лани и бизона,
Переплыл он Эсконабо,
Переплыл он Миссисипи,
Миновал Степные Горы,
Миновал степные страны
И Лисид, и Черноногих.
И пришел к Горам Скалистым,
В царство Западного Ветра,
В царство бурь, где на вершинах
Восседал Владыка Ветров,
Престарелый Мэджеквис.

Бунинские ритмико-синтаксические и звуковые повторы — это кружево тонкого плетения.

По реке плыл мощный Квазинд,
По течению плыл лениво,
По дремотной Таквамино.
Плыл в березовой пироге,
Истомленный тяжким зноем,
Усыпленный тишиною.

Как постился и молился,
Как трудился Гайавата...

Трав целебных и волшебных...

Искрясь в брызгах, в блеске солнца...

И звуковая и ритмическая живопись для Бунина средство, а не самоцель, — средство дорисовать картину, усилить настроение.

Зашуршал прибрежный щебень...

Эта строчка не иззойливо, но все же лаственно «шуршит».

То березовая лодка,
Опускался, поднимался...

Ритмико-синтаксическая симметрия второй строки, внутренняя рифма и отчетливый водораздел посредине — все это должно вызвать в воображении читателя мерное колышание лодки на волнах, содействовать наглядности впечатления.

В соответствии с подлинником Бунин ввел в текст перевода изрядное количество «индизмов» — не столько для колоритности, ибо национального своеобразия и Лонгфелло и Бунина достигают более тонкими средствами (проникновением во внутренний мир героев, яркостью описаний быта и описаний природы), сколько для большей яркости звукового узора. И Лонгфелло и Бунин ощущали очарование звуковой экзотики. В самом деле: стоит нам вспомнить «Песнь о Гайавате», как в нашей слуховой памяти возникает «цапля сизая Шух-шух-га», пленявшая наш слух при первом же знакомстве с поэмой. И какое-то особенно величественно-грозное звучание приобретает знаменитая строфа, где перечисляются названия различных народов:

Шли вожди от всех народов,
Шли Чоктосы и Команчи,
Шли Шошоны и Омоги,
Шли Гуроны и Мэндэны,
Делавэры и Могоки,
Чернокожие и Поны,
Оджибвен и Дакоты...

Одна из счастливейших находок Бунина — это размер, которым он перевел «Гайавату». С легкой руки Бунина белым четырехстопным хореем сплошь женского окончания стали пользоваться и другие переводчики эпосов. Этим размером перевел на русский язык «Калевалу» Бельский. Этим размером перевел вогульское сказание о Мадур-Вазе Победителе Сергей Клычков, перевод которого, впервые напечатанный в 1932 году, стал событием в советской поэзии. Этим же размером В. Державин и А. Кочетков перевели эпос эстонского народа.

Четырехстопный хорей легко может пуститься в пляс («Ах вы, сени, мои сени»). Сплошные женские окончания, примененные Буниным, замедляют его движение, придают ему певучую плавность. В пределах данного размера Бунин образует такие

ритмические переливы, которые сообщают стиху еще большую напевность (а ведь Лонгфелло недаром же назвал свою поэму *песней*). Стих буннинского перевода изобилует именно такими напевными ходами, с пропуском метрических ударений то на первой стопе:

И в дѣспѣхѣхъ, в яркихъ краскѣхъ...

то на третьей:

Слѣвиѣ осѣнь дѣрѣвьѣхъ...

то на первой и третьей одновременно:

И рѣдѣшнѣй Гѣйѣвѣтѣхъ...

На этом ритмическом фоне сравнительно редко появляются у Буннина ходы иные. Он применяет их, когда ему нужно замедлить ритм ради придания ему большей торжественности:

«Вот и я, любуйтесь солнцем,
Глѣзѣмъ, мѣгучѣмъ солнѣмъ!»

Или же в целях эвфонически-живописных, в целях создания звукообраза:

В одиночку и попарно,
С быстрѣмъ, рѣзкимъ свѣстѣмъ крыльѣвъ,
Высоко нырки летѣли...

Во второй строке, где падают все четыре метрических ударения, ритм и инструментовка, взаимодействуя, подчеркивают быстроту полета нырков и передают звук, производимый их шумно рассекающими воздух крыльями.

Оригинальная поэзия Буннина отличается как метрическим, так и ритмическим разнообразием. В переводах, там, где этого требует подлинник, Буннин также выказывает необычайную метрическую и ритмическую гибкость. В этом легко убедиться, вслушавшись в «Вечернюю молитву», написанную Бунниным на мотив Сенкевича. Ритм «Песни о Гайавате» однообразен, но это преднамеренное однообразие, однообразие не явное и не тягучее. Это однообразие, воспроизводящее эпическое спокойствие и завораживающую неторопливость народных сказаний. Его можно уподобить величавой реке с бурным подводным течением, которое лишь по временам дает о себе знать вьющимися кругами водоворотов и белопенным кипеньем струй...

Буннинские переводы драм Байрона театральны в той мере, в какой они театральны у Байрона. Буннин одинаково владеет

искусством вести на одном дыхании длинный монолог и искусством быстрого обмена краткими репликами.

Образец его монологического искусства — это монолог Кани из второго акта одноименной мистерии:

Все звезды,
Вся красота ночных небес, вся прелесть
Вечерней тьмы, весь пышный блеск рассвета,
Вся дивная пленительность заката,
Когда, следя за уходящим солнцем,
Я проливаю сладостные слезы
И, мнител, вместе с солнцем утопаю
В раю вечерних легких облаков,
И сень лесов, и зелень их, и голос
Вечерних птиц, поющих про любовь,
Сливающийся с гимном херувимов,
Меж тем как тьма уж реет над Эдсомом,
Все, все — ничто пред красотою Ады...

Темперамент не захлестывает переводчика. Период при всей его протяженности вылеплен со скульптурной рельефностью. Сила чувства и ясность мысли находятся в полной гармонии.

А вот образец взволнованного разговора, где последняя реплика подхватывает предыдущую:

А д а м
Мой первенец, а что же ты молчишь?
К а н и
Что делать мне?
А д а м
Молись.
К а н и
Ведь вы молились.
А д а м
От всей души.
К а н и
И громко: я вас слышал.
А д а м
Как и творец, надеюсь я.

К л и н
 Аминь.
 А д а м
 Но ты молчишь, сын Кая.
 К а н н
 Это лучше.
 А д а м
 Скажи лесней.
 К а н н
 Мне не о чем молиться.
 А д а м
 И не за что быть благодарным?
 К л и н
 Нет.
 А д а м
 По ты живешь?
 К л и н
 Чтоб умереть?
 Е в а
 О горе!

Бунинские переводы драм Байрона свободны от налета искусственности даже в самых превысших тирадах. Нигде мы не встретим у него ни малейшего насилия над естественной расстановкой слов, над живой интонацией, той «интерпретации подлинника» (меткое выражение С. Я. Маршака), которую не всегда удается преодолеть даже мастерам перевода.

Самая жанровая разновидность байроновских драм — мистерии — могла бы толкнуть Бунина на архаизаторский путь. Соблазн был велик. Однако отличающее Бунина чувство меры помогло ему устоять. Язык, которым он перевел драмы Байрона, — это язык Пушкина и пушкинской плеяды. Он только подкрашен старославянизмами. Даже в молитве Авеля, даже в речи аббата из «Манфреда», даже в хоре духов из «Неба и Земли» архаические краски наложены негусто. Бунин пользуется преимущественно такими архаизмами, без которых при переводе

мистерий просто невозможно обойтись. Таковы архаизмы-термины: змий (синоним дьявола), лик, сонмы (ангелов), древо (познания). В «Небе и Земле» перед появлением архангела Рафаила Ной восклицает: «Се, архангел!» Если бы переводчик этому «се» предпочел что-нибудь другое, он мог бы опустить читателя с «неба» на «землю», мог бы обытовить реплику Пол. Архаизмы, введенные Буниным, — это по большей части привычные, знакомые читателю архаизмы, понятные ему без разъяснений: глава, десница, чело, выл, тать, дщерь, глаголы (в смысле — речи, слова), мнится, млетсся, внидет, связует, накудуст. Изредка Бунин прибегает к прямым библизмам (долгота дней, сень смертная, аминь), к церковнославянским окончаниям притяжательных местоимений: «Спаси *твоя* рабы!» (молитва смертных из «Неба и Земли»), к архаическим формам управления: «шавстречу кар», «слежу твои сосчитанные ночи». Впрочем, и в оригинальных своих стихах Бунин чаще употребляет именно эту форму. Сравнить, например, в «Ночной змее»: «... сова... следит... шуршанье мхов». Но основной фонд составляют у Бунина — переводчика Байрона такие слова и обороты речи, которые уже не воспринимаются как «глубокословная славянизация»: твердыня, гордыня, неизреченна, реченное, вперить взор. Именно они поддерживают у Бунина высоту словесного и интонационного строя.

В качестве показательного примера приведу монолог Иафета из «Неба и Земли»:

Благодать Вечной Воли
 Не изъяснит нам смысл добра и зла,
 И не сберет все страны и народы
 Под сенью мощного крыла,
 И не лишит дьявола свободы,
 И в первобытной красоте
 Не восстановит райского селенья,
 Где человек отринет искушенья,
 Где даже демоны и те
 Благом трудом свои грехи искупят.

В молитве Авеля из мистерии «Книги» Бунина заменяет несправедливости неправдами, детей — чадами, если бы — когда бы, благодарность — благодарением. Монолог-молитва Авеля в наибольшей степени архаизован Буниным. На это ему давали право и торжественность момента, и богобоязненная натура Авеля. Исходя из его душевного строя, Бунин создает его речевую характеристику. Но и здесь Бунин не допускает количест-

венной перегрузки и не пользуется архаизмами вычурными. А в непосредственно следующем за молитвой Авеля монологе Кайна архаизмы гораздо более редки и гораздо менее яркие. И так оно и должно быть, ибо монолог Кайна, в отличие от монолога Авеля, это уже не молитва, а взрыв богоборческого бунта. Архаизмы пущы здесь Бунину только как средство повышения общего тона, а не как средство раскрытия внутреннего мира Кайна.

В драмах Байрона, воссозданных Буниным, речь действующих лиц индивидуализирована умышленно четче (все герои изыскиваются «высоким» слогом), но все же индивидуализирована, и *оттенки* эти Бунин уловил и воспроизвел с присущей ему чуткостью и тактом. В этом мы можем убедиться при сравнении монологов двух братьев из последнего акта «Кайна». В этом нас убеждают разговорные интонации и слегка сниженная лексика охотника из «Манфреда» («Да, серна здесь промчалась! Но куда? Как на смех промелькнула и пропала! Боюсь, что не окупится сегодня мой тяжкий труд...»; «Прыгай — славно! Да ты любому горцу не уступишь!»). В этом же нас убеждает речь Люцифера из «Кайна». Байроновский Люцифер — это не гетевский Мефистофель с его языковой светотенью; это не гетевский Мефистофель, то низвергающийся с высот патетики в область буйного просторечия и иронических канцеляризов, то вновь устремляющийся к высам своей мрачной и дикой поэзии. Люцифер обладает только одним свойством Мефистофеля — склонностью к отвлеченному мышлению, к построению силлогизмов, к математической точности словесных формул. Речь Люцифера прозаичнее и суше, нежели речь других байроновских персонажей. Бунин дает это почувствовать в своем переводе, но — скупыми мазками: «Я веры, как условил спасенья, не требую...»; «Добро и зло суть сами по себе...»; «Есть нечто великое и общее, в котором все частное, как снег пред солнцем, тает».

Работа над переводами обогащала Бунина-поэта. Особенно — работа над «Гайаватой», начавшаяся в ту пору, когда голос Бунина-поэта еще не вполне окреп, и растянувшаяся на ряд лет, поскольку Бунин, неизменно требовательный к себе и как переводчик, почти в каждое новое издание «Гайаваты» вносил поправки. История русской поэзии знает немало подобных случаев животворного влияния переводной поэзии на оригинальную. Так, в XIX веке Василий Курочкин оттачивал свое мастер-

ство — мастерство хлестких каламбуров, мастерство припевов, которые каждый раз как бы сами собой вырастают из строфы, — на переводах песен Беранже. Так, уже в наше время, работа над переводами грузинской лирики, лирики Петефи и Словацкого, трагедий Шекспира, а впоследствии — гетевского «Фауста» помогла Пастернаку прийти к той простоте, о которой он мечтал еще во «Втором рождении». Бунин — переводчик «Гайаваты» поставил перед собой и решил (хотя и не сразу) задачу: с наименьшей рельефностью воссоздать мир образов Лонгфелло. Это ускорило процесс созревания Бунина-поэта, помогло ему в дальнейшем освободиться от расплывчатости, какой грешат иные из его ранних стихотворений, помогло освободиться от абстрактно-риторических штампов, подменявших конкретность изображения, развить в себе ощущение веса слова, помогло достичь *бунинской* четкости очертаний — недаром излюбленным эпитетом зрелого Бунина становится: «четкий». Воздух стихотворений его зрелой поры прозрачен, и в нем отчетливо видны предметы. Одно из требований, которые Бунин предъявлял к себе как к переводчику, — максимальная сжатость, — вдохновляло его на поиски емких слов, поиски подробностей, способных заменить целые описания. Стихи зрелого Бунина полны такого рода открытий. Для того, чтобы вызвать у читателя ощущение зимнего холода или тишины, ему достаточно отметить: «Как съезжился снегирь от стужи за окном» («Дядька»); «Так тихо в курене, что слышен треск подсохшего гороха...» («Сторож»). «Вот и тишина готова», — мог бы сказать об этом стихотворении Треплев из чеховской «Чайки». «Дядька» и «Сторож» появились в печати уже после того, как Бунин, в сущности, завершил свой труд над «Гайаватой» (в 1903 году этот труд был увенчан Пушкинской премией Академии наук), после «Каина» и «Манфреда».

Бунин являет собою пример неразоторжимого единства поэта оригинального и поэта-переводчика, пример единонаправленности усилий, пример взаимовлияния этих двух видов творчества.

На переводной поэзии Бунина лежит печать свободной от всякого рода внешних украшений, от побрикушек и погремушек, строгой и легкой красоты его поэзии оригинальной.

Н. Любимова

Список условных сокращений

- «Веспой, в Иудее» — И. А. Бунин, Веспой, в Иудее. — Роза Иерихона, изд. имени «Чехова», Нью-Йорк, 1953.
- ГБЛ — Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина.
- «Знание» — Сборники товарищества «Знание».
- «Избранные стихи», 1929 — Ив. Бунин, Избранные стихи, изд-во «Современные записки», Париж, 1929.
- «Митина любовь», 1925 — Ив. Бунин, Митина любовь, Париж, 1925.
- «Начальная любовь», 1921 — Ив. Бунин, «Начальная любовь», «Славянское издательство», Прага, 1921.
- «Полевые цветы», 1901 — Ив. Бунин, Полевые цветы. Сборник стихотворений и рассказов для молодежи, М. 1901.
- Полное собрание сочинений — И. А. Бунин, Полное собрание сочинений, тт. 1—6, изд. т-ва А. Ф. Маркс, П. 1915 (Приложение к журналу «Нива»).
- «Роза Иерихона», 1924 — Иван Бунин, Роза Иерихона, Берлин, 1924.
- Собрание сочинений — И. Бунин, Собрание сочинений, тт. I—XI, изд. «Петрополис», Берлин, 1934—1936.

СТИХОТВОРЕНИЯ

В настоящий том входят стихотворения И. А. Бунина, написанные в 1918—1953 годах.

В основной раздел вошли стихотворения, включавшиеся И. А. Буниным в Собрание сочинений (т. VIII) и в авторские сборники.

Следуя своей старой традиции, Бунин и в эмиграции включал стихи в сборники как дополнение к прозаическим произведениям. В первый сборник «Роза Иерихона», 1924, он включил, наряду с ранее публиковавшимися, двадцать семь новых стихо-

Примечания к стихотворениям написаны В. С. Гречаниновой.

творений. Через год, в сборнике «Митипа любовь», 1925, прибавилось еще несколько: «Пантера», «Встреча», «Льст без конца. В лесу туман...», «Уж как на море, на море...», «Дочь», «Опять холодные седые небеса...», «Одно лишь небо, светлое, ночное...», «Древний образ», «День памяти Петра», «Падающая звезда», «Уныние и сумрачность зимы...», «В гелiotроповом свете молний летучих...».

В 1929 году в издательстве «Современные записки» вышел сборник Бунин «Избранные стихи», куда вошли лучшие, по мнению автора, стихотворения, написанные более чем за сорок лет его поэтической деятельности, в том числе — двадцать шесть стихотворений 1918—1925 годов. В Собрании сочинений помещено тридцать одно стихотворение эмигрантского периода. В сборнике, выходявшие после Собрания сочинений, Бунина стихи не включал. Несколько стихотворений он поместил только в сборник «Весной, в Иудее.— Роза Нерихона», 1953: «Плохая прогулка», «Nel mezzo del camin di nostra vita», «Ночь» и новую редакцию стихотворения «Искушение» (экземпляр с авторской правкой хранится в ГБЛ).

Раздел «Стихотворения, не включавшиеся Н. А. Буниным в Собрания сочинений» составили стихотворения, которые Бунин печатал на страницах различных периодических изданий, в большинстве случаев — только однажды; таким образом, первая публикация является одновременно и источником печатания. В примечаниях это не оговаривается.

Стихотворения основного раздела, входившие в VIII том Собрания сочинений, 1935, печатаются по тексту этого тома; в примечаниях это не оговаривается.

«В дачном кресле, ночью, на балконе...» (стр. 7).— Журн. «Родная земля», Киев, 1918, № 1, сентябрь — октябрь.

«И цветы, и шмели, и трава, и колосья...» (стр. 8).— Журн. «Родная земля», Киев, 1918, № 1, сентябрь — октябрь.

«Древняя обитель супротив луны...» (стр. 8).— Сб. «Отчизна», кн. I, Симферополь, 1919. Вошло в цикл «Путевая книга».

Летом 1918 года Бунины из Москвы переехали в Одессу. В ответ на просьбу А. Б. Дермана, редактора «Симферопольских

ведомостей» прислать стихи для сборника «Отчизна», Буний писал: «Увы, у меня, кроме двух-трех стихов, ничего нет! Душой рад бы был исполнить Вашу просьбу — и не могу! Я ничего не писал все лето. Не узнаю себя — такая все лето была душевная подавленность и телесная слабость... Что же делать? Одно могу сказать: подождите немного, невзирая ни на что, не выходя завтра постараюсь заставить себя работать и, кто знает? — может быть, недели через две... уже pošлю Вам что-нибудь» (письмо от 3 октября (20 сентября) 1918 г.). А через несколько дней Бунин писал ему же: «Посылаю Вам пук стихов... довольствуйтесь 7 или 15 восьмистишиями — что составляет эту самую «Путевую книгу» (письмо от 27 октября 1918 г.). В цикл «Путевая книга» Бунин включил стихи: «Древняя обитель супротив лупы...», «Солнце полночное, тени лиловые...», «Полночный звон степной пустыни...», «Роса, при бледно-розовом огне...», «Осенний день. Степь, балка и корыто...», «Стена горы — до небосвода...», «Стали дымом, стали выше...», «На Альпы к сумеркам нисходят облака...», «Ропля снег, проходят тучи...», «Вид на залив из садика таверны...», «Пустыня в тусклом, жарком свете...», «Сорвался вихрь, промчал из края в край...», «Смятение, крик и визг рыбалок...», «На даче тихо, ночь темна...», «Звезда дрожит среди вселенной...» (Часть стихотворений включены в т. 1 наст. изд.). Автографы стихотворений и переписка с А. Б. Дермавом хранятся в ГБЛ.

«На даче тихо, ночь темна...» (стр. 8).— Газ. «Возрождение», М. 1918, № 12, 16 июля (см. также предыдущее примеч.).

«О гонь, качаемый волной...» (стр. 9).— Газ. «Общее дело», Париж, 1920, № 143, 5 декабря, вместе со стихами: «В дачном кресле, ночью, на балконе...», «И цветы, и шмели, и трава, и колосья...» под общим заглавием «Летние стихи». Печатается по кн. «Роза Иерихона», 1924.

Михаил (стр. 9).— Газ. «Огни», Прага, 1921, № 9, 3 октября. Печатается по кн. «Роза Иерихона», 1924.

Потерянный рай (стр. 10).— Газ. «Общее дело», Париж, 1920, № 157, 19 декабря вместе с стихотворением «Укоры» под общим заглавием «Русь». В т. VIII Собрания сочинений Буниным сделана приписка: «Так и надо! Купарисы!»

Русская сказка (стр. 10).— «Роза Иерихона», 1924, под заглавием «На острове Буяне». Стихотворение является вы-

рицней на тему русской сказки (см. также т. 1 наст. изд., стр. 311).

Капарейка (стр. 11).— Газ. «Общее дело», Париж, 1921, № 304, 16 мая, под заглавием «Заметки», вместе со стихами «К вечеру море шумней и мутней...» и «Одиночество». Печатается по кн. «Роза Нерихона», 1924.

«У птицы есть гнездо, у зверя есть нора...» (стр. 12).— «Роза Нерихона», 1924.

Радуга (стр. 12).— «Роза Нерихона», 1924. Печатается по этому тексту.

Морфей (стр. 12).— Журн. «Современные записки», Париж, 1924, кн. XX, без заглавия, вместе со стихами «Мечты любви моей весенней...», «Тихой ночью поздний месяц вышел...», «Печаль ресниц, сияющих и черных...», «Зачем пленяет старая могила...» в цикле «Молодость».

Сириус (стр. 13).— Альманах «Окно», кн. I, Париж, 1923. В альманахе между второй и третьей строфой:

Где молодость, простая, чистая,
В кругу любимом и родном,
И ветхий дом, и ель смолистая
Среди сугробов под окном?

«Зачем пленяет старая могила...» (стр. 13).— Журн. «Современные записки», Париж, 1924, кн. XX.

«В полночный час я встану и взгляну...» (стр. 14).— Альманах «Окно», кн. I, Париж, 1923, под заглавием «В полночный час».

«Мечты любви моей весенней...» (стр. 14).— Журн. «Современные записки», Париж, 1924, кн. XX.

«Все снится мне заросшая травой...» (стр. 15).— Журн. «Русская мысль», Прага—Берлин, 1923, кн. VI—VII, с указанием места написания: Амбуаз, Шато Нуар.

«Печаль ресниц, сияющих и черных...» (стр. 15).— Журн. «Современные записки», Париж, 1924, кн. XX.

Венеция (стр. 16).— Альманах «Окно», кн. III, Париж, 1923, без заглавия.

Вход в Иерусалим (стр. 16).— Альманах «Окно», кн. I, Париж, 1923.

«В гелиотроповом свете молний летучих...» (стр. 17).— «Митина любовь», 1925.

Павтера (стр. 17).— Газ. «Звено», Париж, 1924, № 76, 14 июля.

1885 год (стр. 18).—Альманах «Окно», кп. III, Париж, 1923.

Петух на церковном кресте (стр. 18).—Альманах «Медный всадник», кп. I, Берлин, 1923, с указанием места написания: Турэн, 1922. В кн. «Роза Перихона», 1924, после первой строфы была еще одна:

Он круто выгнут, горд и прост,
Кормюю поднят длинный хвост...
Назад бежит весь небосвод,
А он вперед — и все поет.

В VIII томе Собрания сочинений Бунина вычеркнул первую половину заключительной строфы:

Поет о том, что держит бег
В чудесный край его ковчег.

Встреча (стр. 19).—Журн. «Современные записки», Париж, 1924, кп. XXI. *Кумания* — страна половцев.

«Льет без конца. В лесу туман...» (стр. 20).—Журн. «Иллюстрированная Россия», Париж, 1924, № 3, вместе со стихотворением «Море, степь и южный август, ослепительный и жаркий...» под общим заглавием «Далекое».

«Уж как на море, на море...» (стр. 20).—«Митина любовь», 1925, под заглавием «Морская краса».

Дочь (стр. 21).—Журн. «Современные записки», Париж, 1924, кп. XXI.

«Опять холодные седые небеса...» (стр. 22).—«Митина любовь», 1925.

«Одно лишь небо, светлое, ночное...» (стр. 22).—Журн. «Современные записки», Париж, 1924, кп. XXI, под заглавием «Старинные стихи». Печатается по кн. «Избранные стихи», 1929. *Сарматские места* — Причерноморье, где кочевали сарматские племена.

Древний образ (стр. 23).—Газ. «Возрождение», Париж, 1925, № 5, 7 июля. Печатается по кп. «Митина любовь», 1925.

«Уныние и сумрачность зимы...» (стр. 23).—«Митина любовь», 1925. Печатается по этому тексту.

Ночная прогулка (стр. 24).—Газ. «Русские новости», Париж, 1946, № 84, 20 декабря, без заглавия. Печатается по кп. «Весной, в Иудее».

Nel mezzo del camin di nostra vita (стр. 24).— Газ. «Русские новости», Париж, 1947, № 100, 2 мая, без заглавия. Печатается по кн. «Весной, в Иудее». *Nel mezzo...*— началь- ные строки поэмы Данте «Божественная комедия».

Почь (стр. 25).— «Весной, в Иудее». Печатается по этому тексту.

Искушение (стр. 25).— «Весной, в Иудее». Печатается по этому тексту.

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВКЛЮЧАВШИЕСЯ И. А. БУНИНЫМ В СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ

«Ты страждуешь, ты любишь, ты счастлив...» (стр. 29).— Газ. «Южное слово», Одесса, 1919, № 39, 6 октября, вместе со стихами «Воспоминание», «Высокий белый зал, где черпал рояль...», «Свет незакатный» под общим заглавием «Из цикла «Молодость».

«Высокий белый зал, где черпал рояль...» (стр. 29).— Газ. «Южное слово», Одесса, 1919, № 39, 6 октября. Печатается по газ. «Возрождение», Париж, 1926, № 369, 6 июня.

Степь (стр. 30).— Газ. «Южное слово», Одесса, 1919, № 98, 13 декабря, вместе со стихами «Цыганка», «Иконка», «Сампалацый год», «Зазимок» под общим заглавием «Из цикла «Русь».

Иконка (стр. 30).— Газ. «Южное слово», Одесса, 1919, № 98, 13 декабря.

«Дай мне, бибка, зелий приворотных...» (стр. 31).— Газ. «Руль», Берлин, 1920, № 29, 19 декабря, вместе со стихами «Там не светит солнце, не бывает ночи...», «На поморини далеком...» под общим заглавием «Песни».

Звезда морей, Марил (стр. 31).— Печатается по автографу, хранящемуся в ГБЛ и условно датированному 1920 годом.

Газелла (стр. 32).— Газ. «Возрождение», Париж, 1925, № 151, 31 октября.

Кинематограф (стр. 32).— Журн. «Иллюстрированная Россия», Париж, 1926.

«Маргарита прокралась в светелку...» (стр. 33).— Журн. «Звено», Париж, 1926, № 194. Стихотворение написано на тему «Фауста» Гете. *Гретхен (нем.)* — уменьшительное имя Маргарита.

«Только камни, пески, да пагие холмы...» (стр. 34).— Журн. «Эвено», Париж, 1926, № 194.

Разлука (стр. 34).— Газ. «Возрождение», Париж, 1927, № 786, 28 июля.

Свет (стр. 35).— Газ. «Россия», Париж, 1927, № 6, 1 октября.

«Где ты, угасшее светило?..» (стр. 36).— «Неделя», М. 1960, № 10, 1—7 мал.

«Сохнут, жарко сохнут травы...» (стр. 36).— «Литературная газета», 1960, 4 июля, № 66 (4191).

«Что впереди? Счастливый долгий путь...» (стр. 37).— «Литературная газета», 1960, 4 июля, № 66 (4191).

В караване (стр. 37).— «Литературная газета», 1960, 4 июля, № 66 (4191).

Бретань (стр. 37).— «Литературная газета», 1960, 4 июля, № 66 (4191).

«И вновь морская гладь бледна...» (стр. 38).— Сб. «Муза Диаспоры», Франкфурт-на-Майне, изд-во «Посев», 1960. Тексты этого и следующих четырех стихотворений предоставлены Н. П. Смирновым.

«Высокие нездешние цветы...» (стр. 38).— Сб. «Муза Диаспоры», Франкфурт-на-Майне, изд-во «Посев», 1960.

«В полуденных морях, далеко от земли...» (стр. 39).— Сб. «Муза Диаспоры», Франкфурт-на-Майне, изд-во «Посев», 1960.

«Уж ветер шарит по полю пустому...» (стр. 39).— Сб. «Муза Диаспоры», Франкфурт-на-Майне, изд-во «Посев», 1960.

«Порыжели холмы. Зноем выжжены...» (стр. 40).— Сб. «Муза Диаспоры», Франкфурт-на-Майне, изд-во «Посев», 1960.

Два венка (стр. 40).— Журн. «Москва», 1959, № 11. Л. Никулин в предисловии к этой публикации писал: «Известно, что в последние десятилетия своей жизни он (Бунин.— В. Г.) почти не писал стихов, и небольшое стихотворение, помеченное 1952 годом, считалось последним.

Среди рукописей И. А. Бунина, переданных недавно Союзом писателей СССР в Государственный архив литературы и искусства, имеется стихотворение «Два венка». На листе слабеющей рукой, но очень отчетливо написано восьмистишие — видимо, в 1953 году, незадолго до кончины писателя.

Это стихотворение замечательно тем, что оно отражает отношение Бунина к «апогею его славы» — награждению премией Нобеля. Сурово и скорбно он пишет об этом лавровом венке.

ПЕРЕВОДЫ

В раздел «Переводы» включены все переводы, которые сам Бунин ввел в Полное собрание своих сочинений, изданное в 1915 году т-вом А. Ф. Маркса, а также наиболее значительные из переводов, не включавшихся им ни в собрания сочинений, ни в сборники. К таким относятся: «Усопшему поэту» Леконта де Лиля, два перевода из Шевченко, «Геракл» Аспика, из армянских поэтов и некоторые другие. В Собрании сочинений Бунин ни одного своего перевода не включил. За границей в разные годы отдельными изданиями выходили некоторые его переводы, в частности — «Песнь о Гайавате», отрывки из «Золотой легенды» Лонгфелло и драмы Байрона.

В настоящем Собрании сочинений все переводы расположены по авторам, в границах каждого раздела — хронологически.

Из американских поэтов

ГЕНРИ ЛОНГФЕЛЛО

(1807—1882)

Песнь о Гайавате (стр. 43).— Газ. «Орловский вестник», 1896, №№ 114, 116, 120, 128, 132, 133, 163, 168, 175, 180, 198, 200—202, 208, 210, 213, 217, 220, 226, 229, 236, 243, 248, 249, 252, 2 мая — 24 сентябр. Печатается по кн.: Генри Лонгфелло, Песнь о Гайавате. Перевод Ив. А. Бунина, удостоенный Пушкинской премии Российской Академии наук, издание восьмое, русское книгоиздательство в Париже «Север», 1921.

В конце 1896 года «Орловский вестник» выпустил «Песнь о Гайавате» в переводе Бунина отдельной книгой. В 1898 году в Петербурге бунинский перевод (в сокращенном виде) был издан журналом для детей «Всходы»; в 1899 — в Москве, в издательстве «Книжное дело»; в 1903 — т-вом «Знание»; в 1915

включен в 1 т. Полного собрания сочинений; в 1916 и 1918 годах перепечатывался издательством М. и С. Сабашниковых.

Бунин неутомимо и упорно, от издания к изданию, отшлифовывал свой перевод. Как совершенно справедливо заметил В. Шаламов в своей обстоятельной статье «Работа над переводом «Песни о Гайавате» (журн. «Вопросы литературы», М. 1963, № 1) и как явствует из вышеприведенных вариантов (см. 402—406 стр. наст. тома), это была в подавляющем большинстве случаев не смысловая, а тщательная стилистическая правка, в результате которой Бунин добился той сжатости, той меткости и верности определений, сравнений, уподоблений, той четкости звукообразов, которая обеспечила его переводу такую долгую и такую славную жизнь. Даже в издании 1921 года мы обнаруживаем два исправления. В главе IX вместо «Но колец не мог разбить он || В заколдованной кольчуге» Бунин дает новый вариант: «Но не мог разбить он дивной, || Заколдованной кольчуги». В главе XIII строку «Словно Опечн на кровле» Бунин меняет на: «Как Опечн на выгваме».

Псалом жизни (стр. 198).— «Полевые цветы», 1901. Печатается по Полному собранию сочинений, т. 1.

Из «Золотой легенды».— «Золотая легенда» является второй частью мистерии Лонгфелло «Христос». Первый отрывок, переведенный Буниным,— это пролог к мистерии. Второй и третий отрывки в подлиннике составляют единую (вторую) сцену «Золотой легенды». Бунин разделил эту сцену на две части. Заглавия всех трех отрывков принадлежат Бунину.

Буря рождественской ночи (стр. 199).— Полное собрание сочинений, т. 3, под заглавием «Ночь». Печатается по газ. «Русская газета», Париж, 1924, № 208, 25 декабря.

Очарованный инок (стр. 202).— Полное собрание сочинений, т. 3, под заглавием «Утро». Печатается по газ. «Возрождение», Париж, 1926, № 370, 7 июля.

Стр. 202. *Августин* (354—430 гг.) — один из так называемых «отцов» христианской церкви, автор многочисленных произведений на богословские темы. Имеется в виду его основной трактат «О граде божьем».

О Христе и дочери халифа (стр. 204).— Сб. «Земля», кн. I, Московское книгоиздательство, 1908. Печатается по кн. «Роза Мерихона», 1924.

Из английских поэтов
ДЖОРДЖ ГОРДОН БАЙРОН
[1788—1824]

К а н н (стр. 208).— Журн. «Правда», М. 1905, №№ 2, 3, 4, февраль, март, апрель. Печатается по кн.: Байрон, Канн. Манфред. Небо и земля. Перевод И. А. Бунина, книгоиздательство «Слово», Берлин, 1921. В 1920 году мистерия «Канн» в переводе И. А. Бунина была поставлена на сцене Московского Художественного театра (режиссер К. С. Станиславский, за главную роль играл Л. М. Леонидов).

М а н ф р е д (стр. 296).— Отрывок из «Манфреда» был напечатан в журн. «Вестник Европы», СПб. 1901, № 8, август, под заглавием «В Коллизее». Монолог Манфреда. Из Байрона». Полностью напечатано в отдельном издании, выпущенном в том «Знание» в 1904 году. Печатается по кн.: Байрон, Канн, Манфред. Небо и земля. Перевод И. А. Бунина, книгоиздательство «Слово», Берлин, 1921.

Стр. 308. Так некогда пал Розенберг.— Розенберг — название горы в Швейцарии. Имеется в виду ее обвал, происшедший в 1806 году.

Стр. 310. ...бессмертной славы Телля.— Вильгельм Телль — предводитель крестьянского восстания против австрийских феодалов (XIV век).

Стр. 313. В виденье Иоанна мчится Смерть.— Имеется в виду эпизод из входящего в состав Нового завета «Откровения Иоанна Богослова».

Стр. 315. ...как чародей, что вызвал в Гадаре Антэроса и Эроса...— Согласно легенде, греческий философ-неоплатоник Ямвлих вызвал из двух источников в сирийском городе Гадаре двух богов — бога любви Эроса и бога взаимной любви Антэроса в обличье мальчиков.

Стр. 318. ...волшебнице Эндора ответил дух пророка; Клеоника ответила спартанскому царю, что ждет его — в псевденье убил он ту, что любил...— Согласно древнегреческому преданию, волшебница, жившая в палестинском городе Эндоре, по просьбе царя Саула вызвала дух пророка Самуила. Спартанский царь Павсаний в темноте принял за прага и умертвил свою возлюбленную Клеонику, родом из Византии. Согласно преданию, Павсаний впоследствии в греческом городе Фигалия вызвал дух Клеоники, и дух предсказал, что ожидает царя.

Стр. 320. *Злодей венценосный*...— речь идет о Наполеоне.

Стр. 330. *...золотые грезы о Калоне*...— Древнегреческое слово «калон» означает добродетель.

Стр. 338. *...на Эйгере краснела... тучка*...— *Эйсер* — одна из горных вершин группы Бернских Альп.

Небо и земля (стр. 346).— Сб. «Земля», кн. II, Московское книгоиздательство, 1909. Печатается по кн.: Байроп, Кани. Манфред. Небо и земля. Перевод И. А. Бунина, книгоиздательство «Слово», Берлин, 1921.

АЛЬФРЕД ТЕННИСОН

(1809—1892)

Годила (стр. 380).— «Знание», кн. 14, СПб. 1906. Печатается по Полному собранию сочинений, т. 1.

Стр. 380. *Годива* — героиня английской средневековой легенды.

Стр. 380. *Исав* — сын библейского патриарха Исаака; все тело у Исав было жесткое и волосатое.

Из французских поэтов

АЛЬФРЕД ДЕ МЮССЕ

(1810—1857)

Отрывок (стр. 382).— Полное собрание сочинений, т. 1. Печатается по этому тексту. Настоящее стихотворение является не переводом, а стихотворной вариацией на некоторые темы второй главы романа Альфреда де Мюссе «Исповедь сына века».

ЛЕКОНТ ДЕ ЛИЛЬ

(1818—1894)

Золотой диск (стр. 383).— Журн. «Север», СПб. 1897, № 2, 12 января. Печатается по Полному собранию сочинений, т. 1.

Усопшем у поэту (стр. 384).— Журн. «Всемирная иллюстрация», СПб. 1896, № 3, 13 января. Печатается по этому тексту.

В Полном собрании сочинений, том 6, воспоминания Бунина «Чехов» оканчивались цитатой из этого сонета: «Вспоминаются слова Л. де Лилл...» И далее Бунин приводит по-французски последнюю терцину сонета.

В темную ночь, в штиль, под экватором (стр. 385).— Невский альманах жертвам войны, П. 1915. Печатается по кн. Ив. Бунин, «Господин из Сан-Франциско», Париж, 1920.

ФРАНСУА КОПЛЕ

(1842—1908)

Смерть птиц (стр. 385).— «Наш журнал», СПб. 1910, № 7, 17 октября. Печатается по Полному собранию сочинений, т. 1.

Из итальянских поэтов

ФРАНЧЕСКО ПЕТРАРКА

(1304—1374)

Сонет (стр. 386).— Газ. «Южное обозрение», Одесса, 1896, № 3669, 3 июня. Печатается по этому тексту. Бунин перевел XIII сонет Петрарки к Лауре.

Из польских поэтов

АДАМ МИЦКЕВИЧ

(1789—1855)

Бунин перевел три стихотворения Адама Мицкевича из цикла «Крымские сонеты». Кроме публикуемых в настоящем издании этих трех сонетов, у Бунина есть еще вольный перевод стихотворения Мицкевича «Новый год», опубликованный в 1892 году в газете «Орловский вестник», № 125, 14 мая.

Аккерманские степи (стр. 387).— «Журнал для всех», СПб. 1901, № 12, декабрь. Печатается по кн. «Начальная любовь», 1921.

Чатырдаг (стр. 387).—Газ. «Курьер», М. 1902, № 68, 10 марта. Печатается по кн. «Начальная любовь», 1921.

Алушта ночью (стр. 388).—Журн. «Мир божий», СПб. 1902, № 12, декабрь. Печатается по кн. «Начальная любовь», 1921.

АДАМ АСНЫК

(1838—1897)

Алли (стр. 388).—Газ. «Южное обозрение», Одесса, 1896, № 545, 2 августа. Печатается по Полному собранию сочинений, т. 1.

Астры (стр. 390).—Журн. «Север», СПб. 1897, № 35, 31 августа. Печатается по Полному собранию сочинений, т. 1.

«Без слов мы навсегда простились с тобою...» (стр. 390).—Журн. «Вестник Европы», СПб. 1894, № 6, июнь. Печатается по этому тексту.

Геракл (стр. 391).—Журн. «Русское богатство», СПб. 1898, № 2, февраль. Печатается по этому тексту. Геракл (*греч. миф.*) — в римской мифологии — Геркулес, сын бога Зевса и смертной женщины. Обладал огромной силой, совершил двенадцать подвигов.

ГЕНРИК СЕНКЕВИЧ

(1846—1916)

Вечерняя молитва (стр. 393).—Ив. А. Бунин, «Под открытым небом». Стихотворения, М. 1898. Печатается по Полному собранию сочинений, т. 1.

Из украинских поэтов

Т. Г. ШЕВЧЕНКО

(1814—1861)

Об отношении Бунина к поэзии Тараса Григорьевича Шевченко, отношении пензенно восторженном, см. рассказ Бунина «Казацким ходом» (т. 2 наст. изд.) и «Жизнь Арсеньева» (т. 6 наст. изд.).

Завещание (стр. 395).—«Журнал для всех», СПб. 1900, № 12, декабрь. Печатается по сб. «Полевые цветы», 1901. Перевод

первых строк стихотворения Шевченко «Заповіт». По видимому, в распоряжении Бунина был текст стихотворения, состоящий лишь из двух начальных строф, поскольку полный текст «Заповіта» находился под цензурным запретом.

«Во зеленой, темной роще...» (стр. 396). — «Журнал для всех», СПб. 1900, № 12, декабрь. Печатается по кн. Т. Шевченко, Кобзарь, изд. т-ва «Знание», 1906. Перевод Бунина сделан по тексту Кобзаря, записанному Т. Г. Шевченко в «Большой книжке» (в рукописном сборнике стихотворений Шевченко).

Из армянских поэтов

АЛЕКСАНДР ЦАТУРИАН

(1865—1917)

«Мрачна, темна душа моя...» (стр. 396). — Сборник армянской литературы под ред. М. Горького, П. 1916; сб. «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней», М. 1916. Печатается по последнему сборнику.

АВЕТИК ИСААКЯН

(1875—1957)

«Моя душа объята тьмой полнотной...» (стр. 397). — Сборник армянской литературы под ред. М. Горького, П. 1916; сб. «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней», М. 1916. Печатается по последнему сборнику.

Из еврейских поэтов

Х.-Н. БЯЛИК

(1873—1934)

Да исполнятся сроки (стр. 397). — Газ. «Еврейская жизнь», М. 1916, № 14—15, 3 апреля. Печатается по этому тексту.

**АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ
СТИХОТВОРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
И. А. БУНИНА
(К ТОМАМ I, VIII)**

Авраам («Был Авраам в пустыне темной ночью...»)	I, 257
Агпи («Лежу во тьме, сраженный злою силой...»)	I, 249
«Ай, тяжела турецкая шарманка!..» (С обезьянной)	I, 296
Айя-София («Светильники горели, непонятный...»)	I, 254
Аккерманские степи («Выходим на простор степного океана...»). Из Мицкевича	VIII, 387
Александр в Египте («К оракулу и капищу Сиваха...»)	I, 299
«Але, ты в зареве Батыя...» (Шестикрылый)	I, 378
Аленушка («Аленушка в лесу жила...»)	I, 382
Алисафия («На песок у моря синего...»)	I, 348
Алушта ночью («Повелел ветерок, прохладою лаская...»). Из Мицкевича	VIII, 388
Ангел («В вечерний час, пад степью мирной...»)	I, 77
«Ангел смерти в Судный день умрет...» (Бессмертный)	I, 297
«Английские солдаты с цитадели...» (Каир)	I, 298
Апрель («Туманный серп, неясный полумрак...»)	I, 243
Аркадия («Ключ гремит на дне теснины...»)	I, 429
«Архангел в сияющих латах...» (Михаил)	VIII, 9
«Архистратиг среднепековый...»	I, 420
Астры («Все поблекло... Только астры...»). Из Асыка	VIII, 390
Атлант («...И долго, долго шли мы плоскогорьем...»)	I, 251
Баба-Яга («Гулкий шум в лесу нагоняет сон...»)	I, 311
«Багряная печальная луна...»	I, 168
Балагула («Балагула убегает и трясет меня...»)	I, 293
Бальдер («Хадү — слепец, он жвалок. Мрак глубокий...»)	I, 200
Бегство в Египет («По лесам бежала божья мать...»)	I, 379

«Бегут, бегут листы раскрытой книги...»	I, 212
Ведуни («За Мертвым морем — пепельные грани...») .	I, 305
Без имени («Курган разрыт. В тяжелом саркофаге...»)	I, 335
Безнадежность («На севере есть розовые мхи...») . . .	I, 290
«Без слов мы навсегда простилися с тобою...». Из Асныка	VIII, 390
«Белые круглятся облака...»	I, 447
Белые крылья («В пустыне красной над пророком...») .	I, 258
«Белый голубь летит через море...» (Голубь)	I, 439
Белый олень («Едет стрелок в зеленые луга...») . . .	I, 348
«Белый полдень, жар песносный...» (Поморье)	I, 243
Белый цвет («Пустынник нам сказал: «Благословен гос- подь!...»)	I, 373
Берег («За окном весна сылет новая...»)	I, 324
Березка («На перевале дальшем, на краю...»)	I, 340
«Беру твою руку и долго смотрю на нее...»	I, 108
Бессмертный («Ангел смерти в Судный день умрет...»)	I, 297
Благовестие о рождении Исаака («Они пришли тропин- кою лесною...»)	I, 423
«Бледна приморская стража...» (Разлука)	VIII, 34
«Бледнеет ночь... Туманов пелена...»	I, 61
«Бледно-зеленые грустные звезды...» (В горной долине)	I, 231
«Бледно-синий загадочный лик...» (Псалтирь)	I, 399
«Блистал, облака лепились...» (Розы)	I, 204
«Бог для ночных паломников в Могребе...» (Путевод- ные знаки)	I, 255
Бог («Дуа с моря бриз, и месяц чистым рогом...») . . .	I, 300
Богиня («Навес кумирян, жертвенник в жасмине...») .	I, 409
Богом разлученные («В ризы черные одели...»)	I, 391
Бог полдня («Я черных коз пасла с меньшей сестрой...»)	I, 302
«Болото тихой северной страны...» (Трясина)	I, 290
«Большая муфта, бледная щека...» (Портесса)	I, 433
«Брат, в запыленных сапогах...» (Донник)	I, 244
«Брат, как пасмурно в келье!..» (Послушник)	I, 219
Бред («Стоит, трепещет Стрекоза...»)	I, 471
Бретань («Ночь ледяная и немая...»)	VIII, 37
Бродяги («На позабытом тракте к Оренбургу...»)	I, 173
«Бродя по залам, чистым и пустым...» (Портрет)	I, 472
«Будь щедрым, как пальма. А если не можешь, то будь...» (Завет Саади)	I, 357
Буря («Истомлепа полдневным зноем...»)	I, 459
Вуря рождественской ночи («Сбросьте, сбросьте!...») Из Лонгфелло	VIII, 199
«Бушует поляя вода...»	I, 80
«Бью звонкой сталью по кремню...» (Сталь)	I, 466
«Вывает море белое, молочное...»	I, 431
«Была весна, и жизнь была легка...» (1885 год)	VIII, 18
«Был Авраам в пустыне темной ночью...» (Авраам) . . .	I, 257
«Был ослеплен Самсон, был господом обнужен...» (Самсон)	I, 206
«Был поздний час — и вдруг над темнотою...»	I, 138

«Был праздник в честь мою, и был увенчан я...» (Два венка)	VIII, 40
«Был с богом Моисей на дикой горной круче...» (Тора)	I, 367
«Бысть некал зима...» (Святой Прокопий)	I, 387
Вальс («Похолодели лепестки...»)	I, 266
«В апрельский жаркий полдень, по кремнистой...» (Воскресение)	I, 277
В арабской деревне («Если почью лечь на теплой крыше...»)	I, 467
В архипелаге («Осенний день в лиловой крупной зыби...»)	I, 302
«В безмолвье сумерек, мечтал у огня...» (Смерть птиц). На Коппе	VIII, 385
«В белом песке золотое блеснуло кольцо...» (Кольцо)	I, 191
«В березовом лесу, где распевают птицы...» (Лесная дорога)	I, 169
«В блеске огней, за зеркальными стеклами...» (Полевые цветы)	I, 56
«В вечерний час, над степью мирной...» (Ангел)	I, 77
«В вечерний час тепло во мраке леса...» (Почлег)	I, 332
«В воскресенье, ранние литургии...» (О Петре-разбойнике)	I, 328
«В гелиотроповом свете молний летучих...»	VIII, 17
В Гефсиманском саду («...И в этот час, гласит преданье...»)	I, 92
«В глубоких колодцах вода холодна...» (Поэту)	I, 370
«В глуши лесной, в глуши зеленой...» (Родник)	I, 133
«В голых рощах вела холод...» (Ландыш)	I, 444
В горах («Катится диском золотым...»)	I, 205
«В горах, от снега побелевших...» (Мпльона)	I, 400
В горах («Поэзия темна, в словах не вырази́ма...»)	I, 401
«В горах Сицилии, в монастыре забытом...» (Кадильница)	I, 392
В горной долине («Бледно-зеленые грустные звезды...»)	I, 231
«В гостиную, сквозь сад и пыльные грядины...»	I, 210
«Вдали еще гремит, но тучи уж свалились...»	I, 130
«Вдали темно и чащи строги...» (Псковский бор)	I, 341
«В дачном кресле, почью, на балконе...»	VIII, 7
«В деревне капали капли...» (Небо)	I, 229
Вдовец («Железный крюк скрипит над колыбелью...»)	I, 314
«Вдоль этих плоских знойных берегов...»	I, 293
«Вдыхая тонкий запах четок...» (Закат)	I, 241
«Вет утр прохладой степною...» (Па проселке)	I, 97
«Великий Шейх, седой и мощный друз...» (Гермон)	I, 273
Венеция («Восемь лет в Венеции я не был...»)	I, 360
Венеция («Колоколов средневековой...»)	VIII, 16
Вепчик («Колокола переподили...»)	I, 470
Вершина («Леса, скалистые теснины...»)	I, 225
«Веселые скоморохи...» (Скоморохи)	I, 383
Весеннее («Тает снег — и солнце ярко...»)	I, 84

«Весенний день сплещет в вышине...» (Горный путь к морю)	I, 464
«Весна! Темнеет над аулом...» (Новоселье)	I, 253
«Всильяка («Перед грозой, в Петровки, жаркой ночью...»)	I, 152
«Весь день метель. За дверью у соседа...» (Кружево)	I, 315
«Ветви кедра — вышники зеленым...» (Из окна)	I, 237
«Ветер осенний в лесах подымается...»	I, 64
«Вечер («О счастье мы всегда лишь вспоминаем...»)	I, 322
«Вечернее зимнее солнце...» (Диза)	I, 189
«Вечерний жук («На лиловом небе...»)	I, 412
«Вечерний час. В долину тень сползла...» (Горный лес)	I, 303
«Вечерних туч над морем шла гряда...» (Памяти друга)	I, 424
«Вечерняя молитва («Солнце уходит в далекие страны...»). Из Сенкевича	VIII, 393
«В жарком золоте заката Пирамиды...»	I, 376
«Взвевал легкие гардины...» (Спалохи)	I, 326
«Взойди, о Ночь, на горный свой престол...»	I, 371
«Видел сон Мушкет...» (Мушкет)	I, 359
«Вид на заливе из садика таверны...»	I, 441
«Вино («Па Яйле зазеленели буки...»)	I, 314
«Вирь («Где ельник сумрачный стоит...»)	I, 125
«В караване («Под луной на дальнем юге...»)	VIII, 37
«В кипящей пене валуны...» (Отлив)	I, 408
«В костеле («Гаснет день — и звон тяжелей...»)	I, 72
«В крымских степях («Сплещет снеговой простор...»)	I, 197
«В лесах кричит павлин, шумят и плещут лианы...» (Цейлон)	I, 372
«В лесу, в горе, родник, живой и звонкий...»	I, 214
«В лесу («Троничкой темною лесною...»)	I, 463
«В мелколесье бело глухо, строго...»	I, 316
«В Москве («Здесь, в старых переулках за Арбатом...»)	I, 271
«В море, домами сдавленной...»	I, 422
«В ночь рождения Исы...» (Источник звезды)	I, 334
«Вода за холодные серые дни в октябре...» (Рыбалка)	I, 310
«Во зеленой, темной роще...». Из Шевченко	VIII, 396
«Возввал господь, скорбящий о Сноне...» (Господь скорбящий)	I, 365
«Во имя бога, вечно всеблагого!..» (Закон)	I, 295
«Война («От кипарисовых гробниц...»)	I, 375
«В окно пустое ветер дул...» (Кинематограф)	VIII, 32
«В окно я вижу груды облаков...» (Отрывок)	I, 162
«В окошко из темной каюты...»	I, 100
«Вокруг нещеры гул. Над нами мрак. Во мраке...» (Прометей в пещере)	I, 323
«Волна, хрустальный, тяжелая, лизала...» (Грот)	I, 438
«Волна ушла — блестят, как золотые...» (Золотой невод)	I, 252
«Волны («Смотрит на море старый Султан...»)	I, 444
«В орде («За степью, в прилужских песках...»)	I, 405
«Ворох листьев сухих все сильнее, веселей разгорается...» (Костер)	I, 95
«Восемь лет в Венеции я не был...» (Венеция)	I, 360

Воскресение («В апрельский жаркий полдень, по кремнистой...»)	I, 277
Воспоминание («Золотыми цветут острями...»)	I, 443
Восход луны («В чаще шорох потаенный...»)	I, 451
«Вот знакомый погост у цветной Средиземной волны...»	I, 441
«Вот и скрылись, позабылись снежных гор чапмы...» (К востоку)	I, 254
«Воткнув конь, он сбросил шлем и лег...» (После битвы)	I, 180
В открытом море («В открытом море — только небо...»)	I, 226
«Вот он идет проселочной дорогой...» (Слепой)	I, 278
«Вот он снова, этот белый...»	I, 423
В отъезде поле («Сумрак почти к западу уходит...»)	I, 128
«Вот этот дом, сто лет тому назад...» (Дедушка в молодости)	I, 417
В первый раз («Ночью лампа на окне стояла...»)	I, 330
«Впереди большак, подвода...» (Цыганка)	I, 67
«В подземный мир введет на суд Отца...» (За гробом)	I, 260
В поезде («Все шире вольные поля...»)	I, 87
«В поздний час мы были с нею в поле...»	I, 148
«В полуденный зной, когда на щебень...» (Океаннды)	I, 230
«В полночный час я встану и взгляну...»	VIII, 14
«В полночь выхожу один из дома...»	I, 65
«В полуденных морях, далеко от земли...»	VIII, 39
«В полях, далеко от усадьбы...» (Сапсан)	I, 207
«В полях сухие стебли кукурузы...»	I, 309
«В пустой малк, в лазурь оконных впадин...» (На малке)	I, 204
«В пустом, сквозном чертоге сада...»	I, 452
«В пустыне красной над пророком...» (Белые крылья)	I, 258
«В пустыне раскаленной мы блуждали...» (Столп огненный)	I, 249
«В пустынной вышине...»	I, 114
«Враждебных полон тайн на взгорье спящий лес...»	I, 118
«Время, Пространство, Число...» (В темную ночь, в штиль, под экватором...). Из А. де Лилля	VIII, 385
«В ризы черные одели...» (Богом разлученные)	I, 391
«В святой Софии голуби летали...» (Люцифер)	I, 306
«Все лес и лес. А день темнеет...»	I, 115
«Все море — как жемчужное зеркало...»	I, 214
«Все поблекло... Только астры...» (Астры). Из Аспика	VIII, 390
«Все сады в росе, но теплы гнезда...» (Нидий)	I, 282
«Все снится мне заросшая травой...»	VIII, 15
«Все снится: дочь есть у меня...» (Дочь)	VIII, 21
«Все темней и кудрявей березовый лес зеленеет...»	I, 129
«Все — точно в полусне. Над серою водой...» (Сумерки)	I, 135
«Все шире вольные поля...» (В поезде)	I, 87
В Сицилии («Монастыри в предгорьях глухих...»)	I, 346
«В сосудах, тонких и прозрачных...» (Се жених грядет...)	I, 467
«В старой темной девичьей...» (Няня)	I, 288
В старом городе («С темной башни колокол уныло...»)	I, 145
В степи («Вчера в степи я слышал отдаленный...»)	I, 70

«В степи, с обрыва, на сто миль...» (Обвал)	I, 292
«В столетнем миреке черной ели...»	I, 283
«В стороне далекой от родного края...»	I, 85
«В стороне от дороги, под дубом...» (Деревенский птицей)	I, 54
Встреча («Ты на плече, рукою обнаженной...»)	VIII, 19
«В сумраке утра проносится призрак Одина...»	I, 181
«В сухом лесу стреляет длинный клут...» (Молодость)	I, 404
«В сырой избушке шоринка Лукьяна...» (Лимонное зерно)	I, 336
«Вся в снегу, кудрявом, благовоном...» (Старая яблоня)	I, 438
«В темнеющих полях, как в безграничном море...»	I, 58
В темную ночь, в штиль, под экватором («Время, Про- странство, Число...»). Из Л. де Лилля	VIII, 385
В темную ночь («Холодные, темные ночи стоят...»)	I, 460
«В тихом старом городе Скутари...» (Тамджид)	I, 221
«В туче, солнце заступающей...»	I, 76
«В угольной — солнце, запаха кипариса...» (Наследство)	I, 287
Вход в Иерусалим («Осання! Осання! Гряди...»)	VIII, 16
«В холодный зал, луною освещенный...» (Мистику)	I, 223
В цирке («С застывшими в блеске дракками...»)	I, 409
«В час полуденный, зыбко свиваясь по дереву...» (Искушение)	VIII, 25
«В чаще шорох потаенный...» (Восход луны)	I, 451
«Вчера в степи я слышал отдаленный...» (В степи)	I, 70
«В чистом поле, у камня Алтыря...» (Святогор)	I, 356
«В щит золотой, висящий у престола...» (Судный день)	I, 352
«Вьется путь в снегах, в степи широкой...»	I, 104
«Высокие нездешние цветы...»	VIII, 38
«Высокий белый зал, где черная роль...»	VIII, 29
«Высоко в небе месяц лунный...» (Тень)	I, 194
«Высоко в просторе неба...»	I, 142
«Высоко наш флаг трепещет...»	I, 151
«Высоко поднялся и белеет...» (Рассвет)	I, 133
«Высоко полный месяц стоит...»	I, 60
«Высоко стоит луна...» (Терем)	I, 245
«Выходим на простор стеного океана...» (Аккермап- ские степи). Из Мицкевича	VIII, 387
Гаданье («Гадать? Ну что же, я послушна...»)	I, 436
«Гадать? Ну что же, я послушна...» (Гаданье)	I, 436
Газелла («Холодный ветер дует с Меизала...»)	VIII, 32
Гальдиона («Когда в юные мелькнул он мертвым ликом...»)	I, 301
«Гаснет вечер, даль синее...»	I, 82
«Гаснет день — и явон тяжелый...» (В костеле)	I, 72
«Где ельник сумрачный стоит...» (Вирь)	I, 125
«Где ты, звезда моя заветная...» (Сириус)	VIII, 13
«Где ты, угасшее светило?...»	VIII, 30
«Геймдаль искал родник божественный...»	I, 267

Геракл («Предание его Гераклом называет...»). Из Ассирика	VIII, 391
Гермон («Великий Шейх, седой и мощный друз...»)	I, 273
«Герой — как вихрь, срывающий палатки...» (Мудрым)	I, 255
«Глаза козюли, медленно ползущей...» (Ночная змея)	I, 343
«Глубокая гробница из порфира...» (Гробница)	I, 354
Годива («Я в Ковентри ждал поезда, толкался...»)	
Из Тениисона	VIII, 380
Голуби («Раскрыт балкон, сожжен цветник морозом...»)	I, 195
«Голубое основание...» (При свече)	I, 466
Голубь («Белый голубь летит через море...»)	I, 439
Горе («Меркнет свет в небесах...»)	I, 246
«Горит хрусталь, горит рубин в вине...» (Полдень)	I, 321
«Горный ключ по скатам и оврагам...» (Гробница Сафии)	I, 235
Горный лес («Вечерний час. В долину тень сползла...»)	I, 303
Горный путь к морю («Весенний день синее в вышине...»)	I, 404
«Гор сиреневых кручи встают...»	I, 474
«Горля сухой песок сверкает...» (Зной)	I, 134
Господь скорбящий («Возвал господь, скорбящий о Сионе...»)	I, 365
«Гранитный крест меж сосен, на песчаном...» (Руслан)	I, 414
Гробница («Глубокая гробница из порфира...»)	I, 354
Гробница Рахили («И умерла, и схоронил Иаков...»)	I, 274
Гробница Сафии («Горный ключ по скатам и оврагам...»)	I, 235
«Гроза прошла над лесом стороною...»	I, 144
«Громады гор, зазубренные скалы...» (Кондор)	I, 176
Грот («Волна, хрустальная, тяжелая, лизала...»)	I, 438
«Гудящий благовест к молитве призывает...» (Троица)	I, 86
«Гул бури за горой и грохот отдаленных...» (Спирокко)	I, 399
«Гулкий шум в лесу нагоняет сон...» (Баба-Яга)	I, 311
«Густой зеленый ельник у дороги...»	I, 215
Дагестан («Насторожись, стань крепче в стремена...»)	I, 253
Да исполнятся сроки («Ночто, о боже, столько лет...»)	
Из Бялика	VIII, 397
«Дай мне, бабука, земли присоротных...»	VIII, 31
«Дай мне звезду, — твердит ребенок сонный...» (Летняя ночь)	I, 347
«Далеко за морем...»	I, 69
«Далеко на севере Капелла...»	I, 184
Два венка («Был праздник в честь мою, и был увенчан я...»)	VIII, 40
Два голоса («Ночь, сынок, непроглядная...»)	I, 341
Две радуги («Две радуги — и золотистый, редкий...»)	I, 241
Дворецкий («Юношка горит в холодном и угрюмом...»)	I, 337
Девичья («Свежий ветер дует в сумерках...»)	I, 294
«Девушка, что ты чертила...» (По течению)	I, 469
«Девушки-русалочки...» (Петров день)	I, 264

Дедушка в молодости («Вот этот дом, сто лет тому назад...»)	I, 417
Дедушка («Дедушка ест грушу на лежанке...»)	I, 357
«Дедушка ест грушу на лежанке...» (Дедушка)	I, 357
День гнева («...И Агнец спял четвертую печать...»)	I, 232
«День распогодился с закатом...» (Келья)	I, 227
Деревенский пищик («В стороне от дороги, под лу- бом...»)	I, 54
Детскля («От пихт и елей в горнице темней...»)	I, 240
Детство («Чем жарче день, тем сладостней в бору...»)	I, 243
Джордано Бруно («Ковчег под предводительством осла...»)	I, 269
Диза («Вечернее зимнее солнце...»)	I, 189
Дикарь («Над стремью скал — чернеющий орел...»)	I, 312
«Дикий лавр, и плющ, и розы...» (У гробницы Вир- гилия)	I, 395
Дия («Штиль в безгранично-светлом Ак-Депице...»)	I, 272
«Для жизни жизнь! Вон пенные буруны...» (С корабля)	I, 292
«Дни близ Неаполя в апреле...» (Nel mezzo del camin di nostra vita)	VIII, 24
«Догорел апрельский светлый вечер...»	I, 80
Долина Иосафата («Отрада смерти страждущим дана...»)	I, 305
«Долго был во мраке ночи...»	I, 98
«Домой я шел по скату вдоль Оки...» (Запустенно)	I, 191
Доляник («Брат, в запаленных сапогах...»)	I, 244
Дочь («Все спится: дочь есть у меня...»)	VIII, 21
Древний образ («Она стоит в серебряном венце...»)	VIII, 23
«Древнюю ташу нашел он у шумного синего моря...» (Надпись на чаше)	I, 190
«Древняя обитель супротив луны...»	VIII, 8
«Дул с моря бриз, и месяц чистым рогом...» (Бог)	I, 300
«Дул теплый ветер. Точно селя...» (Колизей)	I, 403
Дурман («Дурману девочка паелась...»)	I, 393
«Дурману девочка паелась...» (Дурман)	I, 393
«Духи над пустыней пролетали...» (Магомет и из- гнании)	I, 260
«Дымится ползе, рассвет белест...»	I, 144
Дюны («За сизыми дюнами — северный тусклый ту- ман...»)	I, 247
Дядька («За окнами — снега, степная гладь и ширь...»)	I, 268
«Едем бором, черными лесами...»	I, 430
«Едет стрелок в зеленые луга...» (Белый олень)	I, 348
«Ельничком, березинчком — где душа захочет...» (Му- жичок)	I, 336
«Если б вы и сошлись, если б вы и смирились...»	I, 171
«Если б только можно было...»	I, 94
«Если ночью лечь на теплой крыше...» (В арабской деревне)	I, 467

«Если спросите — откуда...» (Песнь о Гайавате). Из Лонгфелло	VIII, 46
«Еще и холоден и сыр...»	I, 142
«Еще от дома на дворе...»	I, 83
«Еще утро не скоро, не скоро...»	I, 131
Жасмин («Цветет жасмин. Зеленой чашей...»)	I, 198
«Железный крюк скрипит над колыбелью...» (Вдовец)	I, 314
Жена Азиса («Улычив меня в измечен...»)	I, 182
«Жесткой, черной листвою шелестит и трепещет ку-старник...»	I, 164
«Жизнь впереди, до старости далеко...» (Судра)	I, 228
«Забил буграми жемчуг, закружил...» (Проводы)	I, 272
Забитый фонтан («Рассыпался чертог из янтара...»)	I, 174
Завеса («Так говорит господь: «Когда, мой раб лю-бимый...»)	I, 353
Завет Саади («Будь щедрым, как пальма. А если не можешь, то будь...»)	I, 357
Завещание («Как умру, похороните...»). Из Шевченко	VIII, 395
«За все тебя, господь, благодарю!...»	I, 151
За гробом («В подземный мир введет на суд Отца...»)	I, 260
«За дилми серыми и темными ночами...» (Затишье)	I, 59
Залимок («Синером на холоде...»)	I, 381
За измену («Их господь истребил за измену несчаст-ной отчизне...»)	I, 234
Закат («Вдыхал тонкий запах четок...»)	I, 241
Закат («Корабли в багряном зареве заката...»)	I, 135
Заклинание («Из топогорлого фиала...»)	I, 433
Закон («Во имя бога, вечно всеблагого!...»)	I, 295
«За Мертвым морем — пепельные грани...» (Бедуин)	I, 305
«За мирным Днестром, за горами...» (На Днестре)	I, 103
«За окнами — снега, степная гладь и ширь...» (Дядька)	I, 268
«За окном ясна сияет новал...» (Берег)	I, 324
«Запели жрецы, распахнулись врата — восхищенный...» (Конь Афины-Паллады)	I, 419
«Заплакали чибисы, тонко и ярко...» (Чибисы)	I, 235
«За погостом Скутари, за черным...» (Напутствие)	I, 312
Запустение («Домой я шел по скату вдоль Оки...»)	I, 191
«За рекой луга зазеленели...»	I, 85
«Зарицы лик, как сповиенье...»	I, 139
«За сызлыми дюнами — северный тусклый туман...» (Дюны)	I, 247
«Засинели, темнеют равнины...» (По вечерней заре)	I, 132
«За степью, в приволжских песках...» (В орде)	I, 405
Засуха в раю («От пальм увидших славы тени...»)	I, 375
Затишье («За днями серыми и темными ночами...»)	I, 59
«Затрепетали звезды в небе...»	I, 118
«Зацвела на воле...» (Песня)	I, 326
«...Зачем и о чем говорить?...»	I, 74
«Зачем пленяет старал могила...»	VIII, 13

«Зашелестела тонкая трава...» (Змея)	I, 440
«Звезда, воспламеняющая твердь...»	I, 473
«Звезда дрожит среди вселенной...»	I, 451
«Звездами вышит парус мой...» (Парус)	I, 378
Звезда морей, Марию («На диких берегах Бретани...») VIII, 31	
Звезда Морей («Я в бездне был, я жил копияром...»)	I, 463
«Звезда над темными далекими тесами...»	I, 155
Звездопоклонники («Мир не забудет веры древних лет...»)	I, 325
«Звезды горят над безлюдной землею...»	I, 183
«Звезды ночи осенней, холодные звезды!...»	I, 160
«Звезды почью весенней нежнее...»	I, 111
«Звон на верблюдах, ровный, полусонный...» (Караван)	I, 304
«Здесь, в старых переулках за Арбатом...» (В Москве)	I, 271
«Здесь царство Амазонок. Были дики...» (У берегов Малой Азии)	I, 248
«Здесь царство snow. На сотни верст безлюдны...» (Ковсера)	I, 182
Зейнаб («Зейнаб, свежесть очей! Ты — арабский кувшин...»)	I, 258
«Зеленоватый свет пустынной лунной ночи...»	I, 110
Зеленый стяг («Ты почишь в ларце, в драгоценном ковчеге...»)	I, 256
«Зеленый цвет морской воды...»	I, 138
«Земной, чужой душе закат!...»	I, 473
Зеркало («Темнеет зимний день, спокойствие и мрак...»)	I, 308
Зимний день в Оберланде («Лазурным пламенем сияют небеса...»)	I, 175
«Зимним холодом пахнуло...» (Первый снег)	I, 459
Зимний вилла («Мистраль качает станин. Целый день...»)	I, 339
Змея («Зашелестела тонкая трава...»)	I, 440
Змея («Покуда март гудит в лесу по голым...»)	I, 237
Эпой («Горячо сухой песок сверкает...»)	I, 134
Зов («Как старым морякам, живущим на покое...»)	I, 333
Золотой диск («Солища диск золотой, уходя из лазурной пустыни...»). Из Л. де Лилля	VIII, 383
Золотой певод («Волна ушла — блестят, как золотые...»)	I, 252
«Золотые кудри в косы...» (Лилли). Из Асныка	VIII, 388
«Золотыми цветут острями...» (Воспоминание)	I, 443
«...И Агнец снял четвертую печать...» (День гнева)	I, 282
Иakov («Иakov шел в Харан и ночевал в пути...»)	I, 366
«И ветер, и дождик, и мгла...» (Одиночество)	I, 194
«И вновь морская гладь бледна...»	VIII, 38
«И вот опять уж по зарям...»	I, 112
«...И в атом час, гласит преданье...» (В Гефсиманском саду)	I, 92
Игроки («Овальным стол, огромный. Вдоль по залу...»)	I, 418
«И дни и ночи до утра...» (Мать)	I, 89
«...И долго, долго шли мы плоскогорьем...» (Атлант)	I, 251

«Неговъ, вечный, мудрый, бескопечный!..» (Кани). Из Байрона	VIII, 208
Нерихон («Скользят, текут огни зеленых мух...»)	I, 303
Иерусалим («Это было весной. За восточной стеной...»)	I, 275
Из Анатолийских песней	I, 294
Из Апокалипсиса («И я узрел: отверста дверь на небе...»)	I, 150
Из «Вечерних дум» («Отчего так печальна природа?»)	I, 456
Из «Золотой легенды» Лонгфелло	VIII, 199
Из «Крымских сонетов» Мицкевича	VIII, 387
«Изнемогла, в качалке задремала...» (Последние слезы)	I, 313
Из окна («Ветви кедра — вышивки зеленым...»)	I, 237
«Из тесной пропасти ущелья...»	I, 158
«Из тонкогорлого фиала...» (Заклинание)	I, 433
Иконка («Иконку, черную дощечку...»)	VIII, 30
«Иконку, черную дощечку...» (Иконка)	VIII, 30
Имру-эль-Кайс («Ушли с рассветом. Опустели...»)	I, 306
Индийский океан («Над чернотой твоих пучин...»)	I, 402
«...И нового порфирией облекли...» (Отчаяние)	I, 308
Ириса («Светло в светлице от окна...»)	I, 382
«И скрип и визг над бухтой, наводненной...»	I, 263
«И скрылось солнце жаркое в лесах...» (Кончина святителя)	I, 414
Искушение («В час полуденный, зыбко свивался по Древу...»)	VIII, 25
«И сладостно и грустно видеть ночью...» (Огонь на мачте)	I, 213
«...И снилось мне, что мы, как в сказке...» (Сказка)	I, 203
«...И снилось мне, что осенней порой...»	I, 88
«И снова вечер, сухо позлативший...» (Сторож)	I, 324
Истара («Душа, бог Сип, ее зарей встречает...»)	I, 298
«Истомлена полдневным зноем...» (Буря)	I, 459
Источник звезды («В ночь рождения Нсы...»)	I, 334
«И умерла, и схоронила Након...» (Гробница Рахили)	I, 274
«Их господь истребил за измену несчастной отчизне...» (За измену)	I, 234
«И цветы, и шмели, и трава, и колосья...»	VIII, 8
«Ищу я в этом мире сочетанья...» (Ночь)	I, 149
«И я узрел: отверста дверь на небе...» (Из Апокалипсиса)	I, 150
Кадильница («В горах Сицилии, в монастыре забытом...»)	I, 392
Казнь («Туманно утро красное, туманно...»)	I, 377
Кани («Неговъ, вечный, мудрый, бесконечный!..» Из Байрона	VIII, 208
Кани («Род приходит, уходит...»)	I, 295
Каир («Английские солдаты с цитадели...»)	I, 298
«Какая теплота и темная зари!..»	I, 61
«Как в апреле по почам в аллее...»	I, 450
«Как в гору, шли мы в зыбь, в слепящий блеск заката...» (Мертвая зыбь)	I, 322

«Как все вокруг сурово, слежно...»	I, 66
«Как все спокойно и как все открыто!..»	I, 173
«Как дым пожара, туча шла...»	I, 354
«Как дымкой даль полей закрыв на полчаса...»	I, 70
«Как дым, седая мгла мороза...» (Сумерки)	I, 196
«Как много звезд на тусклой синеве!..»	I, 441
«Как печально, как скоро померкла...»	I, 56
«Как розовое море — даль пустынь...» (Стоп)	I, 231
«Как светла, как парадна песня!..»	I, 116
«Как старым морлкам, живущим на покое...» (Зов)	I, 333
«Как стая птиц, в пустыне одиноко...» (Рассвет)	I, 320
«Как умру, похорошите...» (Завещание). Из Шершенко	VIII, 395
Калабрийский пастух («Лохмотья, нож — и цвета черной крош...»)	I, 427
Каменная баба («От зноя травы сухи и мертвы...»)	I, 247
Канарейка («Канарейку из-за моря...»)	VIII, 11
«Канарейку из-за моря...» (Канарейка)	VIII, 11
Канун Купалы («Не туман белес в темной роде...»)	I, 187
Канун («Хозяин умер, дом забит...»)	I, 420
Капри («Пронеслись над островом зимние шквалы и бури...»)	I, 429
Караван («Звоп на верблюдах, ровный, полусонный...»)	I, 304
«Катится диском золотым...» (В горах)	I, 205
«Качка слабых мучит и пьянит...» (Компас)	I, 428
«К вечеру море шумней и мутней...»	I, 374
К востоку («Вот и скрылись, позабылись снежных гор чалмы...»)	I, 254
Кедр («Темный кедр растет среди долины...»)	I, 148
Келья («День распогодился с закатом...»)	I, 227
Кинематограф («В окоп пустое петер дул...»)	VIII, 32
Кипарисы («Пустынная Яйла дымится облаками...»)	I, 103
«Ключ гремит на дне теснины...» (Аркадия)	I, 429
Князь Всеваав («Князь Всеваав в железы был закопанны...»)	I, 390
Кобылица («Я силл узду, седло — и вольно...»)	I, 435
Ковсерь («Здесь царство спов. На сотни верст безлюдны...»)	I, 182
«Ковчег под предводительством осла...» (Джордано Бруно)	I, 269
Ковыль («Что шумит-звенит перед зарею?...»)	I, 90
«Когда в волне мелькнул он мертвым ликом...» (Гальциона)	I, 301
«Когда вдоль корабля, качался, пьется пена...»	I, 171
«Когда деревья и светлый майский день...»	I, 130
«...Когда из школьных стен домой мы возвращались...» (Отрывок). Из Мюссе	VIII, 382
«Когда, как солнца луч, внезапно озаряет...» (Совет). Из Петрарки	VIII, 386
«Когда кончег был кончен и наполнен...» (Потоп)	I, 213
«Когда на темный город сходит...»	I, 96

«Когда-то, над тяжелой баркой...»	I, 392
«Колеса мелкий снег взрывали и скрипели...» (На Невском)	I, 425
Кольбри («Трава пестрит — как разглядеть змею?...»)	I, 279
Коллизей («Дул теплый ветер. Точно сея...»)	I, 403
«Колокола переводили...» (Венчик)	I, 470
«Колоколов средневековый...» (Венеция)	VIII, 16
Кольцо («В белом песке золотое блеснуло кольцо...»)	I, 191
Компас («Качка слабых мучит и пльнит...»)	I, 428
Кондор («Громады гор, зазубренные скалы...»)	I, 176
Кончина святителя («И скрылось солнце жаркое в лесах...»)	I, 414
Копь Афины-Паллады («Запели жрецы, распахнулись врата — восхищенный...»)	I, 419
«Корабли в багряном зареве заката...» (Закат)	I, 135
«К оркулу и капищу Сиваха...» (Александр в Египте)	I, 299
«Косоглазал девушка, пожжи скрестив...» (Невеста)	I, 468
Косогор («Косогор над разлужьем и пашни кругом...»)	I, 202
«Костел-маяк, примета мореходу...» (Стрижи)	I, 269
Костер («Ворох листьев сухих все сильнее, веселей разгорается...»)	I, 95
«Костер трещит. В фелюке свет и жар...» (С острогой)	I, 222
«Кошки в крапиве за домом жила...»	I, 280
«К побережью моря длинная аллея...»	I, 136
«Край без истории... Все лес да лес, болота...»	I, 415
«Крест в долине при дороге...»	I, 172
Крещенская ночь («Темный ельник снегами, как мехом...»)	I, 166
Криница («Торчат журавль над шахтой под горой...»)	I, 337
Кружево («Весь день метель. За дверью у соседа...»)	I, 315
«Крупный дождь в лесу зеленом...»	I, 87
«Кто там стучит? Не встану. Не открою...» (Рыбачка)	I, 313
Купальница («Смугла, ланиты побледнели...»)	I, 236
«Курган разрыт. В тяжелом саркофаге...» (Без имени)	I, 335
«Лазурным пламенем сияют небеса...» (Зимний день в Оберланде)	I, 175
Лапыш («В голых рощах веял холод...»)	I, 444
«Легко и бледно небо голубое...» (Пахарь)	I, 241
«Ледяная ночь, мистраль...» (Ночь)	VIII, 25
«Лежу по тьме, сраженный злою силой...» (Агни)	I, 249
«Леса в жемчужном инее. Морозно...»	I, 272
«Леса, пески, сухой и теплый воздух...» (Светляк)	I, 355
«Леса, скалистые теснины...» (Вершина)	I, 225
«Лес,— и ясно-лазурное небо глядится...»	I, 78
Лесная дорога («В березовом лесу, где распевают птицы...»)	I, 169
«Лес, точно терем расписной...» (Листопад)	I, 120
«Лес шумит невятым, ровным шумом...»	I, 130
Летняя ночь («Дай мне звезду,— твердит ребенок сонный...»)	I, 347

«Летом в море легкая вода...» (Рыбацкая)	I, 294
«Летят, блещут мелькающие спицы...» (Стой, солнце!)	I, 403
Лилии («Золотые кудри в косы...»). Из Асины	VIII, 388
«Лик прекрасный и бескровный...»	I, 467
«Лимаи песком от моря отделен...»	I, 397
Линозное зерно («В сырой избушке шорника Лукулла...»)	I, 336
Листопад («Лес, точно терем расписной...»)	I, 120
«Листья падают в саду...»	I, 113
«Лицом к туманной зыби хороните...» (Пращур)	I, 342
«Ловец великий перед богом...» (Святой Евстафий)	I, 369
«Лохмотья, пож — и цвета черной крови...» (Калабрий- ский пастух)	I, 427
«Луна, бог Сии, ее зарей встречает...» (Истара)	I, 298
«Луна еще прозрачна и бледна...»	I, 262
«Луна над шумною Курою...»	I, 472
Луна («Настанет Ночь мол, Ночь долгая, немая...»)	I, 442
«Льет без конца. В лесу туман...»	VIII, 20
«Любил он ночи темные в шатре...»	I, 159
«Любил я в детстве сумрак в храме...»	I, 63
«Люблю сухой, горячий блеск червонца...» (На рейде)	I, 269
«Люблю цветные стекла окоп...»	I, 262
«Люблю я наш обрыв, где дикою грядою...» (На острове)	I, 165
Людила («На западе весною под вечер тучи сини...»)	I, 401
Люцифер («В святой Софии голуби летали...»)	I, 306
Магомет в изгнании («Духи над пустыней проле- тали...»)	I, 260
Магомет и Сафил («Сафия, проснувшись, заплетает ловкой...»)	I, 366
Малайская песня («Черпест зыбкий горизонт...»)	I, 384
Мандрагора («Цветок Мандрагора из могил расце- тает...»)	I, 295
Манфред («Ночник пора долить, хотя иссякнет...») Из Байрона	VIII, 296
«Маргарита прокралась в светелку...»	VIII, 33
Матери («Я помню спальню и лампаду...»)	I, 335
Матрос («Ночью в море крепко спать хотелось...»)	I, 356
Матфей Прозорливый («Ночь и могильный мрак це- щеры...»)	I, 388
Мать («И дни и ночи до утра...»)	I, 89
Мачеха («У меня, сироты, была мачеха злая...»)	I, 358
«Меж островов Архипелага...» (Эллада)	I, 437
Мекам («Мекам — восторг, свиденное раденье...»)	I, 297
«Мелькают дали, черные, слепые...»	I, 332
«Меркнет свет в небесах...» (Горе)	I, 246
Мертвая зыбь («Как в гору, шли мы в зыбь, в слеп- щий блеск заката...»)	I, 322
«Месяц задумчивый, полночь глубокая...»	I, 55
Метель («Ночью в полях, под иштелы метели...»)	I, 99
«Мечтай, мечтай. Все уже и тусклей...» (Собака)	I, 319

«Мечты любви моей весенней...»	VIII, 14
«Мил мне жемчуг нежный, чистый дар морей!..»	I, 143
«Мимо острова в полночь фрегат проходил...»	I, 266
Миньона («В горах, от снега побелелых...»)	I, 400
Мира («Тебя зовут божественною, Мира...»)	I, 188
«Мир вам, в земле почившие! — За садом...» (Пустошь)	I, 284
«Мир не забудет веры древних лет...» (Звездопокло-	
ники)	I, 325
Мистину («В холодный зал, луною освещенный...») .	I, 223
«Мистраль качает ставни. Целый день...» (Зимняя	
вилла)	I, 339
Михаил («Архангел в сияющих латах...»)	VIII, 9
«Мне вчер, молодой, скучен терем был...»	I, 390
Могил в скале («То было в полдень, в Нубии, на	
Пиле...»)	I, 319
Могилы поэта («Мрамор гробницы его — в скорбной	
толпе кипарисов...»)	I, 190
Могильная плита («Могильная плита, железная до-	
ска...»)	I, 364
«Могилы, ветряки, дороги и курганы...»	I, 93
«Могол Тимур принес малютке-сыну...» (Уголь)	I, 351
Молодой король («То не красный голубь метнулся...») .	I, 434
Молодость («В сухом лесу стреляет длинный вент...») .	I, 404
«Молчат гробницы, мумии и кости...» (Слово)	I, 369
«Монастыри в предгорьях глухих...» (В Сицилии) . . .	I, 346
«Море с голой степью говорило...» (Укоры)	I, 440
«Море, степь и южный август, ослепительный и жар-	
кий...»)	I, 432
«Морозное дыхание метели...»	I, 164
Мороз («Так ярко звезд горит узор...»)	I, 179
«Морского ветра свежее дыхание...» (Морской ветер)	
	I, 323
Морской ветер («Морского ветра свежее дыхание...») .	I, 323
Морфей («Прекрасен твой венок из огненного мака...») .	VIII, 12
«Моя душа объята тьмой полночной...». Из Исаакяна	VIII, 397
«Моя печаль теперь спокойна...»	I, 160
«Мрамор гробницы его — в скорбной толпе кипари-	
сов...» (Могилы поэта)	I, 190
«Мрачна, темна душа моя...». Из Цатурнапа	VIII, 396
Мудрым («Герой — как вихрь, срывающий палатки...») .	I, 255
Мужичок («Ельничком, березничком — где душа за-	
хочет...»)	I, 336
Музы («Под сводом хмурых туч, спокойствием объ-	
тых...»)	I, 398
Мушкет («Видел сон Мушкет...»)	I, 359
«Мы встретились случайно, на углу...»	I, 213
«Мы рядом шли, но не меня...»	I, 447
«Мы сели у печки в прихожей...»	I, 448
«Мягкую красную феску мастер водой окропил...»	
(Феска)	I, 412
«На Альпы к сумеркам висходят облака...»	I, 395
«Набегает вьюгах...»	I, 199

На белых песках («На белых песках от прилива...»)	I, 206
«Наивс кумирни, жертвенник в жасмине...» (Богини)	I, 409
На виноградинке («На виноградинке нельзя дышать. Лоза...»)	I, 230
«На всех на нас — на каждой багряннице...» (Птица)	I, 259
«На высоте, на снеговой вершине...»	I, 141
«Нагая степь пустынной нест...»	I, 94
«На глазки синие, прелестные...»	I, 140
«На гривастых конях на косматых...» (Святогор и Няля)	I, 386
«На дальнем севере («Так небо низко и уныло...»)	I, 111
«На даче тихо, ночь томна...»	VIII, 8
«На диких берегах Бретани...» (Звезда морей, Марии)	VIII, 31
«На диких скалах, среди развалин...» (Печаль)	I, 239
Над могилкой С. Я. Надсона («Угас поэт в расцвете силы...»)	I, 455
«Над морем дремлют, зеленеют...» (У залива)	I, 462
На Днепре («За мирным Днепром, за горами...»)	I, 103
«Над озером, над заводью лесной...» (Северная берега)	I, 178
Надпись на могильной плите («Несть, господи, грехов и злодеяний...»)	I, 155
Надпись на чаше («Древнюю чашу нашел он у шумного синего моря...»)	I, 190
«Над синим понтом — серые руины...» (Развалины)	I, 201
«Над стремью скал — чернеющий орел...» (Дикарь)	I, 312
«Над чернотой твоих пучин...» (Индийский океан)	I, 402
«На задворках, за ригами...» (Пугало)	I, 286
«На западе весною под вечер тучи сини...» (Людмила)	I, 401
«На земле ты была точно дивная райская птица...» (Эпитафия)	I, 443
На исходе («Ходили в мире лже-Мессии...»)	I, 436
«На лиловом небе...» (Вечерний жук)	I, 412
«На льдах Эльбурса солнце всходит...» (Эльбурс)	I, 219
На маяке («В пустой маяк, в лазурь оконных впад...»)	I, 204
«На мертвый якорь кинули бакан...»	I, 136
На монастырском кладбище («Ударил колокол — и дрогнул сон гробниц...»)	I, 147
На Певском («Колеса мелкий снег взрывали и скрипели...»)	I, 425
На кубийском базаре («Она черна, и блещет скат...»)	I, 469
На обвале («Печальный берег! Сизые твердыни...»)	I, 253
На озере («На озере, среди лесов зеленых...»)	I, 170
«На окне, серебряном от инея...»	I, 181
На острове («Люблю я наш обрыв, где дикую грядую...»)	I, 165
«На перевале дальнем, на краю...» (Березка)	I, 340
«На песок у моря синего...» (Алисафия)	I, 348
«На пирах веселых...» (Песня)	I, 338
«На ильмена исчезающих народов...» (Трон Соломона)	I, 309

«На плоском взморье — мертвый зной и штиль...» (Штиль) . . .	I, 205
На Илюшихе («Под навощен, блестит паркетом...») . . .	I, 289
«На подлесном утесе, где бури...» . . .	I, 67
«На позабытом тракте к Оренбургу...» (Вродеги) . . .	I, 173
«Наполовину вырубленный лес...» (Семнадцатый год) . . .	I, 439
«На поморин далеком...» . . .	I, 396
На проселке («Вет утр прохладой степною...») . . .	I, 97
На пруде («Ясным утром на тихом пруде...») . . .	I, 57
На пути из Назарета («На пути из Назарета...») . . .	I, 344
«На пути под Хевроном...» . . .	I, 274
Нацутствие («За погостом Скутари, за черным...») . . .	I, 312
На распутье («На распутье в диком древнем поле...») . . .	I, 124
На рейде («Люблю сухой, горячий блеск червонца...») . . .	I, 269
«На севере есть розовые мхи...» (Безнадежность) . . .	I, 290
Наследство («В угольной — солнце, запах кипариса...») . . .	I, 287
«Настала ночь, остыл от звезд песок...» (Среди звезд) . . .	I, 431
«Настанет день — исчезну я...» . . .	I, 424
«Настанет Ночь моя, Ночь долгал, немал...» (Луна) . . .	I, 442
«Насторожись, стань крепче в стремяна...» (Дагестан) . . .	I, 253
«На темном рейде струнный лад...» (После Мессинского землетрясения) . . .	I, 316
«На треножнике богини садится...» (Цирцея) . . .	I, 394
На хуторе («Опять кругом печалью веет...») . . .	I, 461
На хуторе («Свечи нагорели, долог зимний вечер...») . . .	I, 106
«На Яйле зазеленели буки...» (Вино) . . .	I, 314
Небо («В деревне капали капли...») . . .	I, 229
Небо и земля («Отец уснул. Вот час, в который те...»).	
Из Байрона . . .	III, 346
Невеста («Косоглазая девушка, ножки скрестив...») . . .	I, 468
Невеста («Я косы девичьи плела...») . . .	I, 371
«Не видно птиц... Покорно тахнет...» . . .	I, 68
Невольник («Песок, серебристый и горячий...») . . .	I, 238
«Не мало царств, не мало стран на свете...» (Потомки пророка) . . .	I, 350
«Не прохладой, не покоем...» (Последняя гроза) . . .	I, 126
«Не пугай меня грозой...» . . .	I, 63
«Не скрыть от дерзких взоров наготы...» (Статуя ра- быни-христианки) . . .	I, 223
«Не слышать еще тяжкого грома за лесом...» . . .	I, 158
«Нешт, господи, грехов и злодеяний...» (Надпись на могилойной плите) . . .	I, 155
«Нет, мертвые не умерли для нас!...» (Призраки) . . .	I, 224
«Нет, не о том я сожалею...» . . .	I, 77
«Нет ничего грустней ночного...» (Огонь) . . .	I, 228
«Не тверди в строфах унылых...» (Псалом жизни).	
Из Лонгфелло . . .	VIII, 108
«Нет солнца, но светлы пруды...» . . .	I, 110
«Не туман белеет в темной роще...» (Канун Купалы) . . .	I, 187
«Не угас еще «дали закат...» . . .	I, 129

Неугасимая лампада («Она молчит, она теперь спокойна...»)	I, 224
«Неуловимый свет разлился над землею...»	I, 93
«Не устану воспевать вас, звезды!...»	I, 105
«Ни алтарей, ни истуканов...» (Ормузд)	I, 232
«Ни пустоты, ни тьмы нам не дапо...» (Свет)	VIII, 35
Илиший («Все сады в росе, но теплы гнезда...»)	I, 282
Нюсоелье («Весна! Темнеет над аулом...»)	I, 253
Новый год («Ночь прошла за шумной встречей года...»)	I, 236
Новый завет («С Иосифом господь беседовал в ночи...»)	I, 368
Новый храм («По алтарям, пустым и белым...»)	I, 279
«Норд-остом жгут пылающие зори...»	I, 180
Ночлег («В вечерний час тепло во мраке леса...»)	I, 332
Ночнал эмел («Глаза козюли, медленно ползущей...»)	I, 343
Ночная прогулка («Смотрит луна на поляны лесные...»)	VIII, 24
«Починик горит в холодном и угрюмом...» (Дворецкий)	I, 337
«Починик пора долить, хотя иссякнет...» (Манфред). Из Байрона	VIII, 296
Ночной путь («Стои со сжатыми скулами...»)	I, 471
Ночные чикады («Прибрежный храм и голые обрывы...»)	I, 327
Ночь Аль-Кафра («Ночь Аль-Кафра. Сошлись, слились вершины...»)	I, 183
«Ночь зимила мутна и холодна...»	I, 343
«Ночь и адые зарницы...»	I, 470
«Ночь и даль седла...»	I, 101
Ночь и день («Старую книгу читаю я в долгие ночи...»)	I, 140
«Ночь идет — и темнеет...»	I, 88
«Ночь идет, — молись, слуга пророка...» (Хил-Баш)	I, 220
«Ночь и могильный мрак пещеры...» (Матфей Прозорливый)	I, 388
Ночь («Иду я в этом мире сочетанья...»)	I, 149
«Ночь, ледяная и немая...» (Бретань)	VIII, 37
Ночь («Ледяная ночь, мистраль...»)	VIII, 25
«Ночь наступила, день угас...»	I, 97
«Ночь печальна, как мечты мои...»	I, 132
«Ночь побледнела, и месяц садится...» (Октябрьский рассвет)	I, 59
«Ночь прошла за шумной встречей года...» (Новый год)	I, 236
«Ночь, сынок, непроглядная...» (Два голоса)	I, 341
«Ночью в море крепко спать хотелось...» (Матрос)	I, 356
«Ночью в полях, под шапелы метели...» (Метель)	I, 99
«Ночью, звездной и студеной...» (Падающая звезда)	I, 432
«Ночью лампа на окне стола...» (В первый раз)	I, 330
Нолбрьская ночь («Туман прозрачный по полям...»)	I, 352
«Нолбрь, сырал полночь. Городец...» (Полночь)	I, 320
«Ну, что, бабушка, как спасаешься?...» (Русская сказка)	VIII, 10
«Ныче ночью кто-то долго пел...»	I, 116
Няня («В старой темной девичьей...»)	I, 288

Обвал («В степи, с обрыва, па сто миль...»)	I, 292
«Облака, как призраки развалин...»	I, 146
«Облезлые худые кобели...» (Стамбул)	I, 216
«Обрыв Яйлы. Как руки фурий...»	I, 187
«Овальный стол, огромный. Вдоль по залу...» (Игроки)	I, 418
Огни небес («Огни небес, тот серебристый свет...»)	I, 200
«Оголь, качаемый волной...»	VIII, 9
Огонь на мачте («И сладостно и грустно видеть ночью...»)	I, 213
Огонь («Нет ничего грустней ночного...»)	I, 228
«Ограда, крест, заспал могила...»	I, 265
«Огромный, красный, старый пароход...»	I, 261
«О да, от злобы я молчу...»	I, 461
Одни («Он на запад галдит — солнце к морю спускается...»)	I, 291
«Одни встречаю я дни радостной недели...»	I, 70
Одиночество («И ветер, и дождик, и мгла...»)	I, 194
Одиночество («Худая компаньонка, иностранка...»)	I, 373
«Однажды утром...» (Очарованный плот). Из Лонгфелло	VIII, 202
«Одно лишь небо, светлое, ночное...»	VIII, 22
«Озарен был сумрак мрачный...» (Эпиталама)	I, 163
Океаниды («В полдневный зной, когда из щепель...»)	I, 230
«Океан под ласною луной...»	I, 331
«Окно по почам голубое...» (При дороге)	I, 331
«Окраина земли...» (Цейлон)	I, 406
Октябрьский рассвет («Ночь побледнела, и месид садится...»)	I, 59
«Она молчит, она теперь спокойна...» (Неугасимая лампада)	I, 224
«Она стоит в серебряном венце...» (Древний образ)	VIII, 23
«Она черна, и блещет скат...» (На иудейском базаре)	I, 469
«Он видел смоль ее полос...»	I, 416
«Он драгоценной лшмой был когда-то...» (Черный камень Каабы)	I, 233
«Они глумятся над тобою...» (Родине)	I, 78
«Они пришли тропивкою лесною...» (Благовестие о рождении Исаака)	I, 423
«Он на запад галдит — солнце к морю спускается...» (Одни)	I, 291
«Он на клипок дохнул — и жало...» (Тайна)	I, 221
«Он сел в глуши, в шатре столетней ели...» (Пугач)	I, 268
О Петре-разбойнике («В воскресенье, раньше литургии...»)	I, 328
«Опять кругом печалью веет...» (На хуторе)	I, 461
«Опять холодные седые небеса...»	VIII, 22
«О радость красок! Снова, снова...»	I, 445
Ормузд («Ни алтарей, ни истуканов...»)	I, 232
«Осаина! Осаина! Гряди...» (Вход в Иерусалим)	VIII, 16
«Осенний день в лиловой крупной зыби...» (В архипелаге)	I, 302
«Осенний день. Степь, балка и корыто...»	I, 449

«Осень листьев темной краской метит...» (Сквозь ветви)	I, 227
«Осень. Чащи леса...»	I, 211
«О счастье мы всегда лишь вспоминаем...» (Вечер)	I, 322
«Осыпаются астры в садах...»	I, 62
«Отелд уснул. Вот час, в который те...» (Небо и земля)	
Из Байрона	VIII, 346
«От зной травы сухи и мертвы...» (Камешная баба)	I, 247
«От кипарисовых гробниц...» (Война)	I, 375
«Открыты живылы золотые...»	I, 137
«Открыты окна. В белой мастерской...»	I, 307
Отлив («В кипящей пене валуны...»)	I, 408
«Отошли закаты на далекий север...»	I, 146
«От пальм упавших слабы тени...» (Засуха и рай)	I, 375
«От пикт и елей и горнице темней...» (Детская)	I, 240
«От праздности и лжи, от суетных забав...» (Подражанье Пушкину)	I, 75
Отрава («Снекрь-госпожа в терему до полдн за-спалась...»)	I, 359
«Отрада смерти страждущим дана...» (Долнина Иосифата)	I, 305
Отрывок («В окно я вижу груди облаков...»)	I, 162
Отрывок («...Когда из школьных стон домой мы воз-вращались...»). Из Мюссе	VIII, 382
Отрывок («Старик с сергой, морщинистый и бритый...»)	I, 471
Отчаяние («...И нового порфиroy облекли...»)	I, 308
«Отчего так печальна природа?...» (Из «Вечерних дум»)	I, 456
«Отчего ты печально, вечернее небо?...»	I, 105
О Христе и дочери Халифа («Я парвала цветов...»)	
Из Лонгфелло	VIII, 204
Очарованный инок («Однажды утром...»). Из Лонгфелло	VIII, 202
Падучая звезда («Ночью, звездной и студеной...»)	I, 432
Памяти друга («Вечерних туч над морем шла гряда...»)	I, 424
Памяти («Ты мысль, ты сон. Сквозь дымную метель...»)	I, 339
Паулера («Черна, как копь, где солнце, где алмаз...»)	VIII, 17
«Паром, скрипя, ушел. В разлив, по тусклой зыби...» (Разлив)	I, 202
Парус («Звездами вышит парус мой...»)	I, 378
Пахарь («Легко и бледно небо голубое...»)	I, 241
Первал любовь («Я уснул и грозу, среди неустыль...»)	I, 465
Первый снег («Зимним холодом пахнуло...»)	I, 459
Первый соловей («Таает, сплет луна в облаках...»)	I, 430
«Первый утренник, серебряный мороз!...»	I, 186
Перед бурей («Тьма затопляет лунный блеск...»)	I, 197
«Перед грозой, в Петровке, жаркой ночью...» (Вес-иллика)	I, 152
«Перед закатом набежало...»	I, 167
Перекресток («Я долго в сумеречном свете...»)	I, 199
Перстень («Рубины мрачные цветы, черисли в нем...»)	I, 368

Песнь о Гайавате («Если спросите — откуда...»). Из Лонгфелло	VIII, 46
Песня («Защита на воле...»)	I, 326
Песня («На пирах веселых...»)	I, 338
Песня («Я — простал девка на баштане...»)	I, 239
«Песок, серебристый и горячий...» (Несовольник)	I, 238
Петров день («Девушки-русалочки...»)	I, 264
Петух на церковном кресте («Плывет, течет, бежит ладьей...»)	VIII, 18
Печаль («На диких скалах, среди развалин...»)	I, 239
«Печальный берег! Сизые твердыни...» (На обвале)	I, 253
«Печаль ресниц, сияющих и черных...»	VIII, 15
Пилигрим («Стал на ковер, у якорных цепей...»)	I, 328
«Плакала ночью вдова...»	I, 367
Плелды («Степноло. Вдоль аллей, над сонными прудами...»)	I, 112
Плоты («С востока дует холодом, чернеет зыбь реки...»)	I, 415
«Плывет, течет, бежит ладьей...» (Петух на церковном кресте)	VIII, 18
«По алтарям, пустым и белым...» (Новый храм)	I, 279
«Поблекший дол под старыми платанами...» (Прощание)	I, 326
По вечерней заре («Засинели, темнеют равнины...»)	I, 132
«Повеял восток, прохладою лаская...» (Алушта ночью). Из Мидневича	VIII, 388
«Погост, часовенка над склепом...» (Портрет)	I, 178
Под вечер («Угрюмо шмель гудит, толкаясь по стеклу...»)	I, 226
«Под луной на дальнем юге...» (В караване)	VIII, 37
«Под небом мертвенно-свищовым...» (Родина)	I, 101
«Под орган душа тоскует...»	I, 66
Подражание Пушкину («От праздности и лжи, от суетных забав...»)	I, 75
«Под сводом хмурых туч, спокойствием обълтых...» (Музы)	I, 398
«Поздний час. Корабль и тих и томен...»	I, 99
«...Поздним летом...»	I, 74
«Поздно, склонилась луна...»	I, 109
«Пой, соловей! Они томатся...» (Розы Шираза)	I, 293
«Пока я шел, я был так мал!...»	I, 157
«Покрывало море свитками...»	I, 428
«Покуда март гудит в лесу по голым...» (Змел)	I, 237
Полдень («Горит хрусталь, горит рубин в вине...»)	I, 321
Полевые цветы («В блеске огней, за зеркальными стеклами...»)	I, 56
«По лесам бежала божья мать...» (Бегство в Египет)	I, 379
«Пол наводен, блестит паркетом...» (На Плющине)	I, 289
«Полночный звон степной пустыни...»	I, 417
Полночь («Ноябрь, сырая полночь. Городок...»)	I, 320
«Полми пахнет,— свежих трав...»	I, 154

Полярная звезда («Свой дикий чум среди снегов и льда...»)	I, 193
«Помню — долгий зимний вечер...»	I, 60
Поморье («Белый полдень, жар несносный...»)	I, 243
Помпей («Помпей! Сколько раз я проходил...»)	I, 427
Портрет («Бродя по залам, чистым и пустым...»)	I, 472
Портрет («Погост, часовенка над склепом...»)	I, 178
«Порыжели холмы. Зпоем выжжены...»	VIII, 40
После битвы («Воткнув копье, он сбросил шлем и лег...»)	I, 180
Последние дни («...Сегодня в первый раз один брожу в аллее...»)	I, 457
Последние слезы («Изнемогла, в качалке задремала...»)	I, 313
Последний шмель («Черный бархатный шмель, золотое оплечье...»)	I, 421
Последняя гроза («Не прохладой, не покоем...»)	I, 126
После Мессинского землетрясения («На темном рейде струнный лад...»)	I, 316
После обеда («Сквозь редкий сад шумит в тумане море...»)	I, 365
После половодья («Прошли дожди, апрель теплест...»)	I, 128
Послушник («Брат, как пасмурно в келье!...»)	I, 219
«По снежной поляне...» (Сон)	I, 393
Потерянный рай («У райской запретной стены...»)	VIII, 10
По течению («Девушка, что ты чертила...»)	I, 469
Потомки пророка («Не мало царств, не мало страя на свете...»)	I, 350
Потоп («Когда копчег был копчен и наполнен...»)	I, 218
«Похолодела лепестки...» (Вальс)	I, 260
«Почто, о боже, столько лет...» (Да исполнятся сроки).	
Из Блянка	VIII, 397
«Поэзия темна, и слова не выражима...» (В горах)	I, 401
Поэтесса («Большая муфта, бледная щека...»)	I, 433
Поэт («Поэт печальный и суровый...»)	I, 53
«Поэт печальный и суровый...» (Поэт)	I, 53
Поэту («В глубоких колодцах вода холодна...»)	I, 370
Пращур («Лицом к туманной зыби хороните...»)	I, 342
«Предание его Гераклом называет...» (Геракл). Из Ассирия	VIII, 391
«Прекрасен твой венок из огненного мака...» (Морфей)	VIII, 12
«Прибрежный хрящ и голые обрывы...» (Ночные циклады)	I, 327
При дороге («Окно по ночам голубое...»)	I, 331
Призраки («Нет, мертвые не умерли для нас...»)	I, 224
«При свете звезд померкших глаз сиянье...»	I, 110
При свече («Голубое оспованье...»)	I, 406
«Присела на могильнике Савуре...»	I, 280
Проводы («Забил буграми жемчуг, закрутился...»)	I, 272
Прометей в пещере («Вокруг пещеры гул. Над нами мрак. Во мраке...»)	I, 323

«Прочоснулись над островом зимние шквалы и бури...» (Капри)	I, 429
«Проснулся я внезапно, без причины...»	I, 184
«Проснусь, проснусь — за окнами, в саду...»	I, 263
«Просыплюсь в полумраке...»	I, 369
«Прошли дожди, апрель теплеет...» (После половодья)	I, 128
Прощание («Поблекший дол под старыми платанами...»)	I, 326
Псалом жизни («Не тверди в строфах улылок...»). Из Лонгфелло	VIII, 198
Псалтирь («Бледно-синий загадочный лик...»)	I, 399
Псковский бор («Вдали темно и чащи строги...»)	I, 341
Птица («На всех на вас — на каждой багрянице...»)	I, 259
Пугало («На задворках, за ригами...»)	I, 286
Пугач («Он сел в глуши, в шатре столетней ели...»)	I, 268
Пустошь («Мир вам, в земле почившие! — За садом...»)	I, 284
«Пустынная Яйла дымится облаками...» (Кипарисы)	I, 103
«Пустынный нам сказал: «Благословен господь!» (Белый цвет)	I, 373
«Пустынные поля, пейзажи деревень...»	I, 458
«Пустыня в тусклом, жарком свете...»	I, 381
«Пустыня, грусть в стесненных просторах...»	I, 65
Путеводные знаки («Бог для иочных паломников в Могребс...»)	I, 255
«Пыль, по которой Гавриил...» (Священный прах)	I, 257
Раббыл («Страшно создан человек!...»)	I, 437
Радуга («Свод радуги — творца благоволенья...»)	VIII, 12
Развалины («Над синим поитом — серые руины...»)	I, 201
Разлив («Паром, скрипя, ушел. В разливе, по тусклой зыби...»)	I, 202
Разлука («Бледна приморская страна...»)	VIII, 34
«Ранний, чуть видный рассвет...»	I, 446
«Ра-Озприс, владыка дня и света...»	I, 217
«Раскрылось небо голубое...»	I, 139
«Раскрыт балкон, сожжен цветник морозом...» (Голуби)	I, 195
«Распали костер, сумей...» (У шалаша)	I, 245
Рассвет («Высоко поднялся и белсет...»)	I, 133
Рассвет («Как стал птиц, в пустыне одиноко...»)	I, 320
«Рассеянные огненные зерна...» (Сатурн)	I, 291
«Рассыпался чертог из янтаря...» (Забытый фаянсовый)	I, 174
«Растет, растет могильная трава...»	I, 266
Речка («Светло, легко и своенравно...»)	I, 240
Ритм («Часы, шипя, двенадцать раз пробили...»)	I, 353
Родина («Под небом мертвенно-свинцовым...»)	I, 101
Родные («Они глумятся над тобою...»)	I, 78
Родник («В глуши лесной, в глуши зеленой...»)	I, 133
«Род приходит, уходит...» (Кави)	I, 285
Розы («Блестал, облака лепились...»)	I, 204
Розы Шираза («Пой, соловей! Они томятся...»)	I, 295
«Ропая снег, проходят тучи...»	I, 442

«Роса, при бледно-розовом огне...»	I, 372
«Рубины мрачные цвели, черпели в нем...» (Перстень)	I, 368
Руслап («Грабительный крест меж сосен, на песчапом...»)	I, 414
Русская весна («Скучно в лодках березам...»)	I, 210
Русская сказка («Ну, что, бабушка, как спасаешься?») VIII,	10
Ручей («Ручей среди сухих песков...»)	I, 141
Рыбалка («Вода за холодные серые дни в октябре...»)	I, 310
Рыбачья («Летом в море легкая вода...»)	I, 294
Рыбачка («Кто там стучит? Не встану. Не открою...»)	I, 313
«Рыжими иголками...»	I, 413
Саваоф («Я помню сумрак каменных аркад...») . . .	I, 300
Самсон («Был ослеплен Самсон, был господом обни- жеп...»)	I, 206
Салсан («В полях, далеко от усадьбы...»)	I, 207
Сатана богу («Я — из огня, Адам — из мертвой глины...»)	I, 258
Сатурн («Рассеянные огненные зерна...»)	I, 291
«Сафия, проспуншись, заплетает ловкой...» (Магомет и Сафия)	I, 366
«Сбросьте, сбросьте!» (Буря рождественской ночи). Из Лонгфелло	VIII, 199
«Свежа в апреле рапня заря...»	I, 281
«Свежее, слаще воздух горный...» (Учан-Су)	I, 134
«Свежеют с каждым днем и молодеют сосны...»	I, 79
«Свежий ветер дует в сумерках...» (Девичья)	I, 294
«Секрость-госпожа в терему до полдня заспалась...» (Отрава)	I, 359
«Сверкала Ступа снежной белизною...» (Святилище) .	I, 411
«Светильники горели, непопятный...» (Айя-София) . .	I, 254
«Светит в горы небо голубое...» (Утро)	I, 152
«Светит, сети тает паук...» (Уездное)	I, 404
«Светло в светлице от окна...» (Ириса)	I, 382
«Светло, легко и совершенно...» (Речка)	I, 240
«Светло, как днем, и тень за вами бродит...»	I, 161
Светляк («Леса, пески, сухой и теплый воздух...») . .	I, 355
Свет незакатный («Там, в полях, на погосте...») . .	I, 445
Свет («Ни пустоты, ни тьмы нам не дано...»)	VIII, 35
«Свечи нагорели, долог зимний вечер...» (На хуторе) .	I, 106
«Свод радуги — творца благоволение...» (Радуга) .	VIII, 12
«Свой дикий чум среди снегов и льда...» (Полярная звезда)	I, 198
«С востока дует холодом, червеет зыбь реки...» (Плоты)	I, 415
Святилище («Сверкала Ступа снежной белизною...»)	I, 411
Святитель («Твой гроб, дубовая колода...»)	I, 380
Святогор («В чистом поле, у камня Алатыря...») . .	I, 356
Святогор и Илья («На гривастых колях на косматых...»)	I, 386
Святой Евстафий («Ловец великий перед богом...») .	I, 369
Святой Прокопий («Бысть некая зима...»)	I, 387
Священный прах («Пыль, по которой Гларин...») . .	I, 257
Северная береза («Над озером, над заводью лесной...»)	I, 178

Северное море («Холодный ветер, резкий и упорный...»)	I, 106
«...Сегодня в первый раз один брожу в аллее...» (Последние дни)	I, 457
«Седое небо падо мной...»	I, 68
Се жепих гридет... («В сосудах, тонких и прозрачных...»)	I, 467
Семнадцатый год («Наполовину вырубленный лес...»)	I, 439
Сенокос («Среди двора, в батистовой рубашке...»)	I, 317
«Серп луны под тучкой длинной...»	I, 58
«С застывшими в блеске зрачками...» (В цирке)	I, 409
«Сивером на холоде...» (Зазимок)	I, 381
«Сипеет снеговой простор...» (В крымских степях)	I, 197
«Сипне обон поливал...»	I, 396
«Синий порок от падали...» (Степь)	I, 355
«С Иосифом господь беседовал в ночи...» (Новый завет)	I, 368
Сирнус («Где ты, звезда моя заветная...»)	VIII, 13
Сирокко («Гул бури за горой и грохот отдаленных...»)	I, 399
Сказка («...И случилось мне, что мы, как в сказке...»)	I, 203
Сказка о козе («Этo полчищ глаза или звезды — в стволах па краю перелеска?...»)	I, 380
«Скачет пристыженная, снегом обдает...»	I, 107
Сквозь ветви («Осень листья темной краской метит...»)	I, 227
«Сквозь редкий сад шумит в тумане море...» (После обеда)	I, 365
Склон гор («Склон гор, сады и минарет...»)	I, 207
«Склоняюсь с трепетом к столам твоей твердыни...» (Чатырдаг). Из Мицкевича	VIII, 387
«Скользят, текут огни зеленых мух...» (Нерихон)	I, 303
Скоморохи («Веселые скоморохи...»)	I, 383
С корабля («Для жизни жизни! Вон пенные буруны...»)	I, 292
«Скучно в лощинах березам...» (Русская весна)	I, 210
Слепой («Вот он идет проселочной дорогой...»)	I, 278
Слово («Молчат гробницы, мумии и кости...»)	I, 369
Смерть птиц («В безмолвье сумерек, мечтая у огня...»)	
Из Коппе	VIII, 385
Смерть («Спокойно па погосте под луною...»)	I, 169
«Смотрит луна на поляны лесные...» (Ночная прогулка)	VIII, 24
«Смотрит месяц ненастный, как сыплются желтые листья...»	I, 162
«Смотрит па море старый Султай...» (Волны)	I, 444
«Смугла, запиты побледнели...» (Купальщица)	I, 236
«Смятенье, крик и визг рыбалок...»	I, 447
«Снова сон, пленительный и сладкий...»	I, 110
Собака («Мечтай, мечтай. Все уже и тусклеей...»)	I, 319
С обезьяной («Ай, тяжела турецкая шарманка...»)	I, 296
Солнечные часы («Те часики с эмалью, что впотыях...»)	I, 333
«Солнца диск золотой, уходя из лазурной пустыни...» (Золотой диск). Из Л. де Лилл	VIII, 383

«Солнце полнотное, тени лиловые...»	I, 404
«Солнце уходит в далекие страны...» (Вечерняя мо- литва). Из Сенкевича	VIII, 393
Соловьи («То разрастанься, то слабей...»)	I, 81
«Сомкнулась степь синеющим кольцом...» (Степь)	VIII, 30
Сонет («Когда, как солнца луч, внезапно озарит...») Из Петрарки	VIII, 386
Сон епископа Игнатия Ростовского («Сон лютый снил- ся мне: в полночь, в соборном храме...»)	I, 387
«Сон лютый снился мне: в полночь, в соборном хра- ме...» (Сон епископа Игнатия Ростовского)	I, 387
Сон («По снежной поляне...»)	I, 393
Сон («Царь! пот твой сон: блистал перед тобою...»)	I, 250
«Сорвался вихрь, промчал из края в край...»	I, 418
С острогой («Костер трещит. В фелюке свет и жар...»)	I, 222
«Сохнут, жарко сохнут травы...»	VIII, 36
«Спокойно на погосте под лувою...» (Смерть)	I, 169
«Спокойный взор, подобный взору лани...»	I, 150
Сполохи («Взвезая легкие гардины...»)	I, 326
Спор («Счастливы мы, фессалийцы! Черное, с розовой целой...»)	I, 325
Спутница («Шелковой юбкой шурша...»)	I, 410
«Среди двора, в батистовой рубашке...» (Сенокос)	I, 317
Среди звезд («Настала ночь, остыла от звезд песок...»)	I, 431
«Среди кривых стволов, среди ветвей корявых...» (Холодная весна)	I, 355
«Стали дымом, стали выше...»	I, 446
«Стал на ковер, у локотных цепей...» (Пилигрим)	I, 328
Сталь («Бью звонкой сталью по кремню...»)	I, 466
Стамбул («Облезлые худые кобели...»)	I, 216
Старая яблоня («Вся в снегу, кудрявом, благово- ном...»)	I, 438
«Старик сидел, покорно и уныло...»	I, 211
«Старик с серьгой, морщинистый в бритый...» (От- рывок)	I, 471
«Старик у хаты веял, подкидывал лопату...»	I, 185
«Старую книгу читаю я в долгие ночи...» (Ночь и день)	I, 140
«Старый сад всю ночь гудел угрюмо...» (Три ночи)	I, 107
Статуя рабыни-христианки («Не скрыть от дерзких взоров няготы...»)	I, 223
«Стемнело. Вдоль аллей над сонными прудами...» (Плеяды)	I, 112
«С темной башни колокол уныло...» (В старом городе)	I, 145
«Стена горы — до небосвода...»	I, 402
Степь («Синий ворон от падали...»)	I, 355
Степь («Сомкнулась степь синеющим кольцом...»)	VIII, 30
Стойт, трепещет Стрекоза...» (Бред)	I, 471
Стой, солдце! («Летят, блестят мелькающие спицы...»)	I, 403
«Стой со сжатыми скулами...» (Почвой путь)	I, 471

Столи огненный («В пустыне раскаленной мы блуждали...»)	I, 240
Стоп («Как розовое море — даль пустынь...»)	I, 231
Сторож («И снова вечер, сухо позлативший...»)	I, 324
«Столи ночи северного мая...» (Рабыня)	I, 146
«Стряпко создан человек!...» (Рабыня)	I, 437
Стрижи («Костел-маяк, примета мореходу...»)	I, 269
Судный день («В цит золотой, висящий у престола...»)	I, 352
Судра («Жизнь впереди, до старости далеко...»)	I, 228
Сумерки («Все — точно в полусне. Над серой водой...»)	I, 135
Сумерки («Как дым, седал мгла мороза...»)	I, 196
«Сумрак ночи к западу уходит...» (В отъезде поле)	I, 128
«Сумрачно, скучно светает заря...» (Туман)	I, 316
«Счастливы мы, фессалийцы! Черное, с розовой пеной...» (Спор)	I, 325
«Счастливы я, когда ты голубые...»	I, 104
Сын человеческий («Я, Иоанн, ваш брат и соучастник...»)	I, 250
«Таёт, сияет луна в облаках...» (Первый соловей)	I, 430
«Таёт снег — и солнце ярко...» (Веселее)	I, 84
«Танцуют шумит лесная тишина...»	I, 114
Тайна («Он на клинок дохнул — и жало...»)	I, 221
«Так говорит господь: «Когда, мой раб любимый...» (Завеса)	I, 353
«Так небо низко и увяло...» (На дальнем севере)	I, 111
«Так ярко звезд горит узор...» (Мороз)	I, 179
«Там, в полях, на погосте...» (Свет незакатный)	I, 445
«Там иволга, как флейта, распевала...»	I, 281
«Там, на припеке, силт рыбацкие ковши...»	I, 185
«Там я светит солнце, не бывает ночи...»	I, 396
«Твой гроб, дубовый колода...» (Святитель)	I, 380
«Тебя зовут божественною, Мира...» (Мира)	I, 188
Тезей («Тезей успел в венке из мирт и лавра...»)	I, 283
«Темнеет зимний день, спокойствие и мрак...» (Зеркало)	I, 398
«Темный ельник свеголи, как мехом...» (Крещенская ночь)	I, 166
«Темный кедр растет среди долины...» (Кедр)	I, 143
Тень («Высоко в небе месяц ясный...»)	I, 194
«Теплой ночью, горною тропинкой...»	I, 364
Терем («Высоко стоит луна...»)	I, 245
«Те часики с эмалью, что впотымах...» (Солнечные часы)	I, 333
«Тихой ночью поздний месяц вышел...»	I, 426
«То было в полдень, в Нубии, на Ниле...» (Могилы в скале)	I, 319
«Только камни, песок, да нагие холмы...»	VIII, 34
«То не красивый голубь метнулся...» (Молодой король)	I, 434
«Тонет соляное, рдяным углем тонет...»	I, 217
Тора («Был с богом Моисей на дикой горной круче...»)	I, 367

«То разрастаясь, то слабел...» (Соловьи)	I, 81
«Торчит журавль над шахтой под горой...» (Криница)	I, 337
«Трава пестрит — как разглядеть змею?...» (Колибри)	I, 279
Три почки («Старый сад всю ночь гудел угрюмо...»)	I, 107
Троица («Гудящий благовест к молитве призывает...»)	I, 86
Трои Соломона («На письмена исчезающих народов...»)	I, 309
Тропами потаенными («Тропами потаенными, глухими...»)	I, 225
«Тропичкой темною лесною...» (В лесу)	I, 463
Трясина («Болото тихой северной страны...»)	I, 290
«Ту звезду, что качалась в темной воде...»	I, 76
«Туманно утро красное, туманно...» (Казнь)	I, 377
«Туманный серп, великий полумрак...» (Апрель)	I, 243
«Туман прозрачный по полям...» (Ноябрьская ночь)	I, 352
Туман («Сумрачно, скучно светает заря...»)	I, 316
«Тут покоится хан, покоривший несметные страны...»	I, 283
«Туча растаяла. Влажным теплом...»	I, 64
«Ты мысль, ты сон. Сквозь дымную метель...» (Памяти)	I, 339
«Ты на плече, руною обнаженной...» (Встреча)	VIII, 19
«Ты почивешь в марце, в драгоценном ковчеге...» (Зеленый стлг)	I, 256
«Ты, светлая ночь, полнолунная высь!...»	I, 391
«Ты странствуешь, ты любишь, ты счастлива...»	VIII, 29
1885 год («Была весна, и жизнь была легка...»)	VIII, 18
«Ты, чей блуждавший взор в последние мгновенья...» (Усопшему поэту). Из Л. де Лиля	VIII, 384
«Ты чужая, но любишь...» (Чужая)	I, 242
«Тьма затопляет лунный блеск...» (Перед бурей)	I, 197
Тэмджид («В тихом старом городе Скутари...»)	I, 221
У берегов Малой Азии («Здесь царство Амазонок. Были дики...»)	I, 248
«У ворот Сиона, над Кедровом...»	I, 443
«Угас поэт в расцвете силы...» (Над могилой С. Я. Надсона)	I, 455
Уголь («Могол Тимур принес малытке-сыну...»)	I, 351
У гробницы Виргилия («Дикий лавр, и плющ, и розы...»)	I, 395
«Угрюмо шмель гудит, толкаясь по стеклу...» (Под вечер)	I, 226
«Ударил колокол — и дрогнул сон гробниц...» (На монастырском кладбище)	I, 147
Уездное («Светит, сети ткет паук...»)	I, 404
«Уж ветер шарит по полю пустому...»	VIII, 39
«Уж как ва море, на море...»	VIII, 20
«Уж подсыхает хмель на тыве...»	I, 185
У залива («Над морем дремлют, зеленеют...»)	I, 462
Узоры («Море с голой степью говорило...»)	I, 440
«Улчица меца в измене...» (Жена Азиса)	I, 182
«У меня, сироты, была мачеха злая...» (Мачеха)	I, 358
«У нубийских черных хижин...»	I, 376

«Унывшие в сумрачность зимы...»	VIII, 23
«У птицы есть гнездо, у зверя есть нора...»	VIII, 12
«У райской запретной степи...» (Потерянный рай)	VIII, 10
Усопшему поэту («Ты, чей блуждавший взор в последние мгновенья...»). Из Л. де Лилля	VIII, 384
Утро («Светит в горы небо голубое...»)	I, 152
Учаи-Су («Свежее, слаще воздух горный...»)	I, 134
У шалаша («Распали костер, сумей...»)	I, 245
«Ушли с рассветом. Опустели...» (Имру-уль-Кайс)	I, 306
Феска («Мятую красную феску мастер водой окропил...»)	I, 412
«Хадү — слепец, оп жалок. Мрак глубокий...» (Бальдор)	I, 200
Хал-Баш («Ночь идет — молись, слуга пророка...»)	I, 220
«Ходили в мире лже-Мессии...» (На исходе)	I, 436
«Хозяин умер, дом забит...» (Капун)	I, 420
Холодная весна («Среди кривых стволов, среди ветвей корявых...»)	I, 355
«Холодые, темные ночи стоят...» (В темную ночь)	I, 460
«Холодный ветер дует с Мензалэ...» (Гязелла)	VIII, 32
«Холодный ветер, резкий и упорный...» (Северное море)	I, 106
Храм Солида («Шесть золотистых мраморных колонн...»)	I, 276
«Христос воскрес! Опять с зарею...»	I, 102
Христя («Христя угощает кукол на сговоре...»)	I, 315
«Хрустя по серой гальке, он прошел...» (Художник)	I, 308
«Худая компаньонка, иностранка...» (Одиночество)	I, 373
Художник («Хрустя по серой гальке, он прошел...»)	I, 308
«Царь! вот твой сон: блистал перед тобою...» (Сон)	I, 250
«Цветет жасмин. Зеленой чащей...» (Жасмин)	I, 198
«Цветок Мандрагора из могил расцветает...» (Мандрагора)	I, 295
Цейлон («В лесах кричит павлин, шумят и плещут ливни...»)	I, 372
Цейлон («Окраина земли...»)	I, 406
Цирцел («На тревожник богнул садится...»)	I, 394
Цыганка («Вперед! большак, подвода...»)	I, 67
«Чайма на мудром — как луна...»	I, 277
«Часы, шипя, двенадцать раз пробили...» (Ритм)	I, 353
Чатырдаг («Склопуюсь с трепетом к столам твоей твердыни...»). Из Мицкевича	VIII, 387
«Чашу с темным вином подала мне богиня печали...»	I, 172
«Чем жарче день, тем сладостней в бору...» (Детство)	I, 243
«Черна, как копь, где солнце, где алмаз...» (Пантера)	VIII, 17
«Чернеет зыбкий горизонт...» (Малайская песня)	I, 384
«Черные ели и сосны сквозят в палисаднике темном...»	I, 215
«Черный бархатный шмель, золотое плечье...» (Последний шмель)	I, 421

Черный камень Каабы («Он драгоценной юмкой был когда-то...»)	I, 233
Чибисы («Заплакали чибисы, тонко и ярко...»)	I, 235
«Что впереди? Счастливый долгий путь...»	VII, 37
«Что в том, что где-то, на далеком...»	I, 95
«Что ты мутный, светел-месяц?..»	I, 377
«Что шумит-звенит перед зпρευ?...» (Ковыль)	I, 90
Чужая («Ты чужая, но любишь...»)	I, 242
«Шелковой юбкой шурша...» (Спутница)	I, 410
Шестикрылый («Алея ты в зареве Батыл...»)	I, 378
«Шесть золотистых мраморных колонн...» (Храм Солнца)	I, 276
«Шипит и не встает верблюд...»	I, 351
«Шире, грудь, распахнись для приятия...»	I, 53
«Широко меж вершин дубравы...»	I, 176
«Шла сиротка пыльною дорогой...»	I, 277
«Штиль в безгранично-светлом Ак-Денизе...» (Дня)	I, 272
Штиль («На плоском взорье — мертвый зной и штиль...»)	I, 205
«Шумели листья, облетая...»	I, 161
«Щебечут пестрокрылые чеканки...»	I, 282
«Щеглы, их звон, стеклянный, неживой...»	I, 449
Эляда («Меж островов Архипелага...»)	I, 437
Эльбурс («На льдах Эльбурса солнце исходит...»)	I, 219
Эпиталама («Озарен был сумрак мрачный...»)	I, 163
Эпитафия («На земле ты была точно дивная, райская игица...»)	I, 443
Эпитафия («Я девушкой, невестой умерла...»)	I, 175
Эсхил («Я содрогаюсь, глядя на твою...»)	I, 247
«Это было весной. За восточной стеной...» (Иерусалим)	I, 275
«Это было глухое, тяжелое время...»	I, 159
«Это волчьи глаза или звезды — в стволах на краю перелеска?...» (Сказка о козе)	I, 380
«Этой краткой жизни вечным изменением...»	I, 450
«Я в бредие был, я жил кошмаром...» (Звезда Морей)	I, 463
«Я в Ковентри ждал поезда, толкаясь...» (Година). Из Тениссона	VIII, 380
«Я девушкой, невестой умерла...» (Эпитафия)	I, 175
«Я долго в сумеречном свете...» (Перекресток)	I, 199
«Я — из огня, Адам — из мертвой глины...» (Сатана богу)	I, 258
«Я, Иоанн, ваш брат и соучастник...» (Сын человеческий)	I, 250
«Я к ней вошел в полночный час...»	I, 110
«Я косы девичьи плела...» (Невеста)	I, 371
«Я парвала цветов...» (О Христе и дочери Халифа). Из Лонгфелло	VIII, 204

«Я помню спальню и лампаду...» (Матери)	I, 335
«Я помню сумрак каменных аркад...» (Салаиф)	I, 300
«Я — простая дева на баштане...» (Песня)	I, 239
«Ясным утром на тихом пруде...» (На пруде)	I, 57
«Я связ узду, седло — и вольно...» (Кобылица)	I, 435
«Я содрогаюсь, глядя на твои...» (Эхил)	I, 247
«Я уснул в грозу, среди ведастья...» (Первая любовь)	I, 465
«Я черных коз пасла с меньшей сестрой...» (Бог полдня)	I, 302

Nel mezzo del camin di nostra vita («Дни близ Неа- поля в апреле...»)	VIII, 24
--	----------

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

«В дачном кресле, ночью, на балконе...»	7
«И цветы, и шмель, и трава, и колосыл...»	8
«Древняя обитель супротив луны...»	8
«На даче тихо, ночь темна...»	8
«Огонь, качаемый волной...»	9
Михаил	9
Потерянный рай	10
Русская сказка	10
Канарейка	11
«У птицы есть звезда, у зверя есть нора...»	12
Радуга	12
Морфей	12
Сиринус	13
«Зачем плеплет старая могила...»	13
«В полночный час я встану и взгляну...»	14
«Мечты любви моей весенней...»	14
«Все снится мне заросшая травой...»	15
«Печаль ресниц, спящих и черных...»	15
Вечерня	16
Вход в Иерусалим	16

«В голпотроповом свете молний летучих...»	17
Паулера	17
1885 год	18
Петух на церковном кресте	18
Встреча	19
«Льет без копа. В лесу туман...»	20
«Уж как па море, па море...»	20
Дочь	21
«Опять холодные седые небеса...»	22
«Одно лишь небо, светлое, ночное...»	22
Древний образ	23
«Ушиные и сумрачность зимы...»	23
Ночная прогулка	24
Nel mezzo del camin di nostra vita	24
Ночь	25
Искушение	25

СТИХОТВОРЕНИЯ,
НЕ ВКЛЮЧАВШИЕСЯ И. А. БУНИНЫМ
В СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ

«Ты страствуешь, ты любишь, ты счастлива...»	29
«Высокий белый зал, где черная роль...»	29
Степь	30
Иконка	30
«Дай мне, бабка, зелий приворотных...»	31
Звезда морей, Мария	31
Газелла	32
Кинематограф	32
«Маргарита прокралась в светелку...»	33
«Только камни, пески, да пагие холмы...»	34
Разлука	34
Свет	35
«Где ты, угасшее свечило?...»	36
«Сохнут, жарко сохнут травы...»	36
«Что впереди? Счастливый долгий путь...»	37
В караване	37
Бретань	37
«И вновь морская гладь бледна...»	38

«Высокие вездешние цветы...»	38
«В полуденных морях, далеко от земли...»	39
«Уж ветер шарит по полю пустому...»	39
«Порыжели холмы. Зноем выжжены...»	40
Два века	40

ПЕРЕВОДЫ

Из американских поэтов

ГЕНРИ ЛОНГФЕЛЛО

Песнь о Гайавате	43
Псалом жизни	198
Из «Золотой легенды»	
I. Буря рождественской ночи	199
II. Очарованный иннок	202
О Христе и дочери Халифа	204

Из английских поэтов

ДЖОРДЖ ГОРДОН БАЙРОН

Каин	208
Манфред	296
Небо и земля	346

АЛЬФРЕД ТЕННИСОН

Годива	380
------------------	-----

Из французских поэтов

АЛЬФРЕД ДЕ МЮССЕ

Отрывок	332
-------------------	-----

ЛЕКОНТ ДЕ ЛИЛЬ

Золотой диск	383
Усопшему поэту	384
В темную ночь, в итиль, под экватором	385

ФРАНСУА КОППЕ

Смерть птиц	385
-----------------------	-----

Из итальянских поэтов

ФРАНЧЕСКО ПЕТРАРКА

Сопет	386
-----------------	-----

Из польских поэтов

АДАМ МИЦКЕВИЧ

Из «Крымских советов»

Аккермаяские степи	387
Чатырдаг	387
Алушта ночью	388

АДАМ АСНЫК

Дилли	388
Астры	390
«Без слов мы навсегда простился с тобой...»	390
Геракл	391

МОТИВ СЕНКЕВИЧА

Вечерняя молитва	393
----------------------------	-----

Из украинских поэтов

Т. Г. ШЕВЧЕНКО

Завещание	395
«Во зеленой, тмной роще...»	396

Из армянских поэтов

АЛЕКСАНДР ЦАТУРИАН

«Мрачна, темна душа моя...»	398
---------------------------------------	-----

АВЕТИК ИСААКЯН

«Моя душа объята тьмой полночной...»	397
--	-----

Из еврейских поэтов

Х.-М. Бялик

Да исполнятся сроки	397
Из равных редакций	401
Примечания	409
Алфавитный указатель стихотворных произведений И. А. Бунина (к томам I, VIII)	436

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ
БУНИН

Собрание сочинений, т. 8

Редактор Г. Бажаева

Художественный редактор
О. Данилов

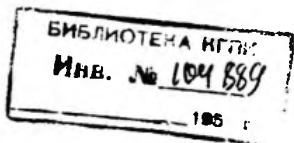
Технический редактор
Г. Каунина

Корректоры
Р. Пунза и А. Юрлова

Сдано в набор 12/XI 1966 г. Подписано
к печати 19/III 1967 г. Бумага типогр.
№ 1. 84×108¹/₈ = 14,75 печ. л. 24,78 усл.
печ. л. 22,218 уч.-изд. л. + 1 экз. = 22,268
Тираж 210 000. Заказ № 1014.
Цена 90 коп.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-66,
Ново-Басманная, 19

Орден Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография имени
А. А. Жданова Главполиграфпрома
Комитета по печати
при Совете Министров СССР,
Москва, Ж-86, Вилковая, 28.

37

